

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

8. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК «Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

23.08.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ

- Дукуваха АБДУРАХМАНОВ. *Человек и эпоха: Ахмат-хаджи Кадыров*. Отрывки из книги.....2
Эдильбек ХАСМАГОМАНОВ. *Семейный портрет в интерьере эпохи*. Рецензия.....7
Магомед ДАДУЕВ. *Герсолта не стало*.....92

ПРОЗА

- Ася УМАРОВА. *Сезон памяти*. Повесть.....19
Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *Мышка*. Рассказ.....37
Лариса БАДАЕВА. *Жарадат*. Отрывок из повести.....44
Фаиза ХАЛИМОВА. *Осколок*. Рассказ. *Старик и «гудермесское море»*. Фельетон.....57
Элора ЭЛЬЖАЕВА. *Учительница-жизнь, или Белый голубь – символ войны*. Рассказ.....61
Адам САЛАХАНОВ. *Рентген*. Рассказ.....67

НАЗМАНАШ

- Бай-Тела ТЕВСИЕВ. *ДегIаста*.....9
Жукка ТЕПСУРКАЕВА. *Вайн Далла хастам бу!*
Зорбане кечийнаре АБДУЛАЕВ АДАМ.....14

ПОЭЗИЯ

- Алвади ШАЙХИЕВ. *Приметы счастья*. Стихи.....16
Асхаб АЛИЕВ. *Буря*. Стихи.....33
Элина САЙДУЛАЕВА. *Любовь, как первый снег, приходит*. Стихи.....55

ИСТОРИЯ

- Вахит АКАЕВ, Асламбек АКАЕВ. *Арабские завоевания и распространение ислама на Кавказе*.....72

БИБЛИОГРАФИЯ

- Лиза АДМИСИЕВА. *Путешествие И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам*.....80

ПУБЛИЦИСТИКА

- Саламбек АЛИЕВ. *Честный и несчастный частный сектор, или Особенности национального фермерства*.....85

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Чеченский режиссер – триумфатор международного кинофестиваля в Италии*.....94

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Роза МЕЖИЕВА. *Обет*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *Простые истины*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

**Дукуваха
Абдурахманов**

Человек и эпоха: Ахмат-хаджи Кадыров

Отрывки из книги

В истории есть личности, само появление которых на исторической арене обусловлено объективными потребностями эпохи, а не только их политической активностью и социальным статусом. И очень часто истинное осмысление их роли в судьбе отдельных государств и народов, если отбросить «пустых похвал ненужный хор», происходит через годы и даже десятилетия после их смерти.

В этом, наверное, есть определенная мудрость человечества: люди пристрастны, лучшим судьей человеческих дел в земной жизни является время. Оно определяет нравственную ценность событий, личностей, поступков, а самое главное – дает возможность увидеть их следствие. Именно качество завершенности наполняет смыслом любую деятельность, позволяет объективно оценить ее с точки зрения соответствия логике истории.

В этом отношении Ахмат-хаджи Кадыров был истинным сыном своего времени, сложного, неоднозначного, времени поиска правильного пути в политике, экономике, социальном развитии, когда трагедия распада великой империи стала личной трагедией каждого человека, жившего в ней. Он прошел этот путь вместе со своим народом, и его выбор, и политический, и нравственный, определялся выбором народа, особым чувством справедливости, которое свойственно только избранным.

Эпоха, в которой Ахмат-хаджи Кадыров формировался как исламский богослов, как политический деятель, была сложной и противоречивой. Это было время политических и экономических потрясений и распада советской империи, время великих перемен, которые способствовали перекройке карты мира, установлению нового миропорядка.

Отечественные и зарубежные исследователи только приступают к изучению творческого и интеллектуального наследия Ахмат-хаджи Кадырова, который был не только исламским богословом и политиком, но и мыслителем, поэтом и публицистом. Мировоззрение, нравственная позиция, политические и философские взгляды Ахмат-хаджи наиболее ярко проявляются в интервью, в публичных выступлениях, обращениях к жителям республики, публицистических статьях. В них первый Президент Чеченской Республики пытается донести до жителей России, всего мира свое видение ситуации, предлагает свои рецепты решения многих проблем региона. Перед нами предстает мудрый, глубоко верующий человек с большим жизненным опытом и очень активной социальной позицией, не только блестящий исламский теолог,

А.А. Кадыров – первый Президент ЧР.

но и философ, гуманист, политик, обладающий очень тонким политическим чутьем, предвидящий развитие любых событий в республике, знающий и умеющий направлять их в конструктивное русло.

Главная черта Ахмат-хаджи как личности – это четко выверенная нравственная позиция, которая основывается на глубоком знании основ ислама и чеченской традиционной культуры.

Будучи религиозным человеком и богословом, он обладал высокой светской культурой, хорошо знал чеченские традиции и этикет, считал их основой стабильности чеченского общества и межнационального согласия.

При этом Ахмат-хаджи Кадыров был против использования религии в качестве инструмента в политике. Он писал: «Если бы мир жил по Корану, не было бы войн, но сегодня, прикрываясь Кораном, совершаются поступки, направленные против ислама. Коран для меня – главный нравственный закон, по которому я живу!»¹

Ахмат-хаджи был истинным мусульманином и настоящим чеченцем, оставаясь сильной, цельной личностью, огромное влияние на формирование которой оказали как философия суфизма, с ее духовностью и обращенностью к внутренней жизни человека, так и традиционная чеченская этика, с ее аристократической системой нравственных ценностей и утонченным этикетом.

Именно поэтому он начал активную борьбу с теми, кто пытался под предлогом очищения ислама уничтожить национальный дух чеченского народа. Ахмат-хаджи писал об этом: «Вчерашние яростные сторонники «суверенной чеченской государственности» уже даже слышать не хотели об этом. Они напрочь отказались от таких понятий, как «чеченская идея», «чеченская свобода и независимость». Предлагали взамен «исламский порядок», «исламский образ жизни» и «исламские ценности». Все национальное подменялось всеобщей арабизацией... Не добившись власти в Чечне легитимным путем, они, пользуясь слабостью А. Масхадова, пошли к своей заветной цели через политические интриги, заговоры и террористические акты. Параллельно ввели мусульманскую форму одежды для мужчин и для женщин, раздельное обучение девочек и мальчиков во всех школах республики, набросили «узду» на прессу. Дошли до абсурда: попытались даже сделать перегородки в автобусах, дабы мужчины «не глазели» на женскую половину. Таким образом, последнее десятилетие уходящего XX века для чеченцев ознаменовалось откатом в средневековье. Успешно развалили систему образования в республике... Образованные и культурные люди постепенно становились изгоями общества. Всячески пропагандировался «арабский» образ жизни... Афганистан талибов преподносился как эталон исламской государственности. Только не чеченское! Только не национальное! Нашему обществу навязывались невежество и фанатизм. Потому что невеждами и фанатиками легче управлять...»².

При этом Ахмат-хаджи выступал и против псевдотрадиционных ценностей, которые мешали чеченскому обществу найти свое место среди цивилизованных народов, против круговой поруки, лицемерия, религиозного ханжества.

Ахмат-хаджи считал, что чеченцы должны отказаться от ложно понимаемой тейповой и семейной солидарности, которая мешает установлению мира и законности на чеченской земле: «Если мы из тех, кто уверовал в Аллаха, то должны говорить только правду и поступать только по справедливости»³.

Многое в поступках Ахмат-хаджи Кадырова определялось тем, что он был носителем высокой нравственной культуры чеченцев, история которой насчитывает не одно тысячелетие.

Именно чувство долга заставило Ахмат-хаджи Кадырова остаться на родине, которая погрузилась во мрак «смутного времени», хотя у него была возможность уехать с семьей в безопасное место. Позже он писал об этом: «Давал знать о себе долг перед народом. Перед Родиной. А ведь я мог спокойно уехать за границу и жить там в свое удовольствие. Подальше от войны. От крови. От всех этих ужасов. Но тогда я не был бы чеченцем. Мусульманином. Кадыровым. Только из этих соображений я принял решение взвалить на свои плечи всю ответственность за судьбу своей Чечни». Президент РФ В.В. Путин сказал об Ахмат-хаджи: «У него не было другой цели, кроме одной – служения своему народу»⁴.

Ахмат-хаджи не раз подчеркивал, что вера во Всевышнего должна выражаться, прежде всего, в делах мусульманина, в его отношении к миру, к другим людям, а потом уже во внешней обрядности.

Ахмат-хаджи Кадыров, как и большинство чеченцев, относился к вирду Кунта-хаджи, и гуманистическое учение Великого Учителя оказало сильнейшее влияние на его мировоззрение, на его высокую духовность и нравственность.

Ахмат-хаджи придавал огромное значение роли суфизма в трагической истории чеченского народа. Он не раз говорил: «Наш народ сохранил свое лицо благодаря тасаввуфу, зикру. Я не представляю, что было бы с моим народом без них»⁵.

Как и его духовный учитель более ста лет назад, Ахмат-хаджи понял, что война является губительной для его чеченского народа, что она ведет к его уничтожению. В своих статьях и выступлениях, как и Кунта-хаджи, он призывает чеченцев к миру, его речи во многом перекликаются с проповедями великого суфийского шейха. Наиболее показательной в этом отношении является блестящая речь президента республики перед алимами и главами администраций сел 1 мая 2004 года в Гудермесе:

«Нас Всевышний одарил верой, внешностью мы тоже не обделены. Мы настоящие мужчины, и нет в мире более стойкой нации, чем чеченцы, иначе мы и не смогли бы перенести все то горе, которое выпало на нашу долю. Так давайте хотя бы раз в нашей истории попытаемся строить мирную, созидательную жизнь... Мы научились выживать, но никогда не умели жить. Так давайте же научимся хоть на этот раз не выживать, а по-настоящему жить! И в ссылке наш народ сумел обустроить свою жизнь лучше других, и по возвращении наладил свой быт не хуже, чем соседи. Но вновь наши жилища превращены в руины, нас уничтожали и продолжают уничтожать. Почему мы во все времена воюем? Что, у нас вера крепче, чем у тех же дагестанцев? Клянусь Аллахом, что мы в крепости веры их ничуть не превосходим!

Но почему-то на священную войну джихад должны подниматься именно мы!»⁶

Как истинный суфий, как исламский богослов, Ахмат-хаджи считал самым важным в религии внутреннее поклонение (ибадат). В своих выступлениях он не раз говорил:

«Вы говорите, что человек, который носит галстук, совершает недозволенное? Я могу сказать, что это ложь. Говорит же Аллах в священном Коране, что Он судит о нас не по внешнему виду, а по степени нашей благочестивости. Я ведь тоже изучал и Коран, и хадисы Пророка, да благословит Его Аллах и приветствует. «Вы из того народа, которому подражаете», – и этот хадис мне известен. Однако Пророк, да благословит Его Аллах и приветствует, имеет здесь в виду опять-таки не одеяния, а наши дела, поступки. Хотя не отрицаю, что для самоидентификации народа национальная одежда тоже имеет значение. Но это вопрос культурологии, а не мировоззрения.

Я знаю крупного ученого-алима из андийцев по имени Магомед-Хабиб. Как-то раз, когда мы собирались в Дагестане, он был в шляпе. Это было в то время, когда мы внушили себе, что мы как раз и есть самые истинные мусульмане. И я сделал замечание одному из представителей рода Магомеда-Хабиба. Магомед-Хабиб снял шляпу, смял ее и показал со словами: «Это ведь только кусок материи, ею хорошо прикрывать глаза от солнечных лучей, потому и ношу».

Повторяю, это были слова крупного ученого-алима.

Конечно, мне нравится, когда чеченский мужчина одет в одежду, которая нам досталась от семи колен наших предков, когда на голове у него высокая папаха. Но в том, что он наденет шляпу – тоже никакого греха нет»⁷. Эту же мысль Ахмат-хаджи повторяет и в своей публицистической статье «Война среди нас самих»:

«Отпустив бороды, они считают себя истинными мусульманами. А ведь с бородами ходили и ходят христиане, включая безбожников Маркса, Энгельса и Ленина. Мусульманин не тот, кто с бородой, а тот, кто признает Аллаха и Пророка. Аллах сказал: «Я не буду смотреть на ваш внешний вид. А загляну в ваши сердца и души и на деяния ваши»⁸.

Для суфизма чуждо и чрезмерное усердие во внешнем проявлении религиозности. Великий исламский богослов аль-Газали писал об этом, приводя слова Пророка, да благословит Его Аллах и приветствует: «Двое из моей общины будут лишены моего заступничества: правитель-деспот и осуществляющий вредные нововведения, чья фанатичность в религии переходит границы»⁹.

Ахмат-хаджи считал, что для мусульман опасны и недоучившиеся, и переусердствовавшие в своей учебе алимы. Первые из-за своего невежества не раскрывают перед верующими всей глубины и красоты Божественных писаний, вторые, уверенные в собственных силах, переоценивают свои возможности и заболевают гордыней¹⁰.

Великий шейх утверждал, что «признаком высокой нравственности в человеке является то, что он в своей речи не смешивает ложь и правду»¹¹.

Ахмат-хаджи считал, что в основе всех негативных событий в республике лежат лицемерие, ложь, отсутствие в людях гражданского мужества. По мнению президента, каждый из чеченцев должен был найти в себе мужество сказать свое веское слово в объективной оценке того, что происходит, и занять четкую гражданскую позицию, чтобы остановить самоуничтожение. Осуждая двойную мораль, которая воцарилась в чеченском обществе в последнее время, он говорил: «Мы должны научиться, наконец, говорить правду. Иначе грош цена намазам, которые мы совершаем, и поста́м, которые мы соблюдаем»¹².

Ахмат-хаджи относился к власти как настоящий мусульманин, как истинный суфий. Он писал: «Я не понимал, да и сейчас не понимаю, почему эти люди так рвутся к власти, откуда такая жажда славы и тяга верховенства над остальными. Ради достижения своей цели они готовы на все. На любое вероломство, обман и подтасовку. Правда, не совсем логично звучат эти слова в устах человека, который на всю страну заявил, что только он способен навести в республике порядок.

Из чего я исходил? Во-первых, хорошо знал повадки и способности тех, кто не хотел выпускать из своих рук эту власть в Чечне. Пользовался авторитетом среди простого люда. Жил среди народа, делил вместе с ним все горести и радости, которые выпадали и на мою долю...

Сейчас я понимаю, что такие человеческие качества, как доброта, доверчивость, благородство, жалость, сострадание к чужой беде – не самый лучший моральный инструментарий для политического деятеля. За все это

время я так и не научился хитрить, юлить, выстраивать сложные политические комбинации, плести интриги, вести аппаратные игры. При желании можно было бы освоить все это. Но это не для меня... Власть в моем понимании – не способ устроить себе безбедную жизнь, а средство улучшения жизни простых людей»¹³.

Ахмат-хаджи Кадыров считал, что основой духовного возрождения народа является возвращение к лучшим чеченским традициям, к ценностям традиционной этики и суфийской духовности, которые неразделимы в чеченской духовной культуре.

Ахмат-хаджи был настоящим сыном своего народа, с такой же сложной судьбой, мудростью и мужеством. Его короткая, но яркая жизнь дала чеченской земле мир, а ему – вечность.

¹ Кадыров А.А. Речь, произнесенная в Гудермесе 1 мая 2004 г. перед алимами и главами администраций сел.

² Кадыров А.А. Выбор пути. – Грозный, 2003. – С. 59-60.

³ Речь Президента Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырова 1 мая 2004 в Гудермесе /Кадыров А.А. Слово правдивое. Интервью. Статьи. Речи. – Грозный, 2006. – С. 141.

⁴ <http://www.kadirov.ru/node/64>.

⁵ Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. Ахмад-хаджи Кадыров и его роль в возрождении тасаввуфа в 4e4He//<http://www.idmedina.ru>

⁶ Речь Президента Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырова 1 мая 2004 в Гудермесе /Кадыров А.А. Слово правдивое. Интервью. Статьи. Речи. – Грозный, 2006. – С. 143.

⁷ Кадыров А.А. Выбор пути. – Грозный, 2003.

⁸ Кадыров А.А. Слово правдивое. Интервью. Статьи. Речи. – Грозный, 2006. – С. 46.

⁹ Аль Газали Абу Хамид. Наставления правителям и другие сочинения. – М., 2008. – С. 30-40.

¹⁰ Кадыров А.А. Выбор пути. – Грозный, 2003. – С. 47.

¹¹ Акаев В.Х. Суфийская культура на Кавказе. – Грозный, 2011. – С. 90.

¹² Речь Президента Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырова 1 мая 2004 в Гудермесе /Кадыров А.А. Слово правдивое. Интервью. Статьи. Речи. – Грозный, 2006. – С. 139.

¹³ Кадыров А. А. Выбор пути. – Грозный, 2003.

Эдильбек Хасмагомадов

Семейный портрет в интерьере эпохи

Рецензия

Еще в 2012 году вышли в свет две книги Д.Б. Абдурахманова, одна из которых рассказывает об ушедшем из жизни А.А. Кадырове, другая – о действующем Главе Чеченской Республики Р.А. Кадырове. В этом году к ним добавилась третья книга, главной героиней которой стала А.Н. Кадырова. Таким образом, три книги Д.Б. Абдурахманова, объединенные общим названием «Человек и эпоха», посвящены представителям двух поколений семьи Кадыровых из Хоси-Юрта.

Эти книги интересны уже в силу того, что рассказывают о людях, известных не только в Чеченской Республике, но и далеко за ее пределами. К тому же они написаны человеком, который пришел в политику в самый разгар «чеченского кризиса», оставался действующим политиком на всех его стадиях, а затем деятельно участвовал в послевоенном возрождении Чеченской Республики. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что Д. Абдурахманов является многолетним главой парламента Чеченской Республики, а следовательно, допущен «за кулисы» федеральной политики, знает ее, что называется, изнутри.

Но главное – о Кадыровых пишет человек, близкий этой семье. Д. Абдурахманов пишет о людях, которых знал лично не один год, и близко наблюдал их в разных жизненных ситуациях. Он видел первые шаги в политике отца и сына Кадыровых, был свидетелем и, в известной мере, «соучастником» их взлета к рулю власти в Чеченской Республике, находился рядом с семьей Кадыровых в тяжелые моменты, разделял ее горе и радости.

Такая сопричастность к семье Главы Чеченской Республики не облегчает задачу автора, а наоборот, во много раз затрудняет ее. Уже хотя бы потому, что объективность постороннего наблюдателя признается априори, в то время как в ближайшем соратнике всегда видят лицо заинтересованное. Но это только часть проблем, встающих перед всяким, кто возьмется за создание коллективного портрета близких ему людей. В нашем случае Д.Б. Абдурахманов был связан рамками чеченской традиционной этики, которая не позволяет выносить на публику обстоятельства личной жизни, даже если они как нельзя лучше характеризуют человека.

Да и чисто по-человечески трудно писать о людях, которых знаешь очень хорошо. А ведь задача, которую поставил перед собой Д.Б. Абдурахманов, состояла не только в том, чтобы дать портретные зарисовки своих героев. Его замысел гораздо шире. Он хотел раскрыть вклад семьи в возрождение Чеченской Республики, показать место своих героев в современной истории и политике не только Чечни, но и России. Вклад не только коллективный, но и каждого героя в отдельности. Собственно, его цель видна из первой половины названия каждой из книг: «Человек и эпоха».

Однако показать своих героев в рамках эпохи – это значит, в первую очередь, раскрыть саму эпоху. Согласитесь, задача не из легких.

Именно стремлением показать эпоху объясняется тот факт, что содержание каждой книги Д. Абдурахманова выходит за рамки личности ее главного героя. Так, чтобы показать Ахмата-хаджи Кадырова как одного из выдающихся политиков нашего времени, автору пришлось начать с краткого политологического экскурса в недавнее прошлое и рассказать о политических и социально-экономических предпосылках чеченского кризиса. А книгу, посвященную Аймани Кадыровой, Д. Абдурахманов начал с главы, рассказывающей о месте женщины в чеченском обществе. Интересной находкой автора можно признать и то, что книга,

посвященная Рамзану Кадырову, открывается кратким разделом, в котором Ахмат-хаджи сам дает оценку своему сыну как главному помощнику.

Задача, стоявшая перед Д. Абдурахмановым, еще более усложнялась тем обстоятельством, что нашу эпоху постоянно трактуют с разных позиций, порой прямо противоположных, – и то, что один автор называет «белым», другой без колебаний объявляет «черным». О событиях, связанных с новейшей историей Чеченской Республики, написаны сотни книг, но политическая ангажированность и пристрастность многих авторов (чаще всего завуалированная) свела на «нет» их попытки убедить читателей в собственной правоте.

Д. Абдурахманов не скрывает, что полностью разделяет политическую позицию отца и сына Кадыровых. Не скрывает он и восхищения своими героями.

Отталкивает ли это читателя? Нет. И в самом деле, это не тот случай, когда автор, чтобы ему поверили, должен пытаться выглядеть беспристрастным наблюдателем событий и людей, в них участвующих. Нелепо было бы ожидать, что Д. Абдурахманов, весь политический путь которого неразрывно связан с отцом и сыном Кадыровыми, мог иметь отличную от них политическую позицию. Такое невозможно, потому что это была бы позиция не убежденного соратника, а случайного попутчика. Как раз словам попутчика не будет никакой веры, в то время как слова соратника выглядят куда убедительней именно потому, что он стоит на определенной идейной платформе.

Только в этом случае становятся до конца понятными поступки его героев и мотивы, которыми они руководствовались.

Описывая своих героев, Д. Абдурахманов не просто пристрастен. Он откровенно пристрастен. Но и эта пристрастность понятна. Ведь политические игры вокруг Чеченской Республики и чеченского народа далеки от завершения. Идеологическое противостояние несколько не ослабло, и борьба за души людей, в первую очередь, молодых людей, продолжается с не меньшим накалом, чем в начале 90-х годов прошлого уже столетия. Д. Абдурахманов остается действующим политиком и, естественно, одна из его задач состоит в том, чтобы через образы своих героев показать правоту их политической позиции, благотворность для Чеченской Республики проводимой ими политики. Если исходить из этих задач, стоявших перед Д. Абдурахмановым, то необходимо признать, что пристрастность была ему необходима, чтобы создать заверченный портрет своих героев в интерьере эпохи.

Но вот что интересно. Чтобы доказать свою правоту (а равно и свое право на пристрастность), Д. Абдурахманову пришлось вынести на суд читателя не только свои собственные наблюдения и впечатления, но и множество фактического материала. Поэтому в его книгах постоянно встречаются сноски на использованные материалы. Причем, не только из современной печати, но и работы исторического, этнографического характера.

Рассказывая об общественно-политической или чисто гуманитарной деятельности своих героев, Д. Абдурахманову удается включить в повествование отдельные штрихи, характеризующие каждого из них как личность, с ее отличительными чертами. И это важно не только для создания цельного образа, но и для лучшего понимания значимости дела, которому служат его герои. К тому же, чтобы до конца понять политику, надо наблюдать его в жизни. Только тогда он станет ближе и понятнее.

Поэтому книги, созданные Д. Абдурахмановым, можно признать заслуживающим внимания свидетельством очевидца исторических событий. Это одно из свидетельств, позволяющих воссоздать образ нашей эпохи, со всей ее противоречивостью и драматизмом.

Назманаши**Тевсиев Бай-леа****Дегласта**

Шен Калам лардарца, Дала йина члагло ю,
Вайн Элчан хаза суннат Къурланан кхетам бу.
И суннат длакхайкхош Элчанан верасаш бу.
Тхо царех Ахь делахь, хлай Везан Дела!

Суннатан къайленаш эвлияийн къамел ду.
Дала царна делларг ша гергар лилма ду.
Цара мел абларг шен хазнийн казна ю.
Уьш безар тхуна ло, хлай Везан Дела.

Кхидолчу лаламе цкъа хьожучу хенахь,
Лаламна беркаташ докъбучу хенахь,
Хьо шена чу шозза хьабжна и нана Дегласта
Ахь парглат яккхахь, хлай Везан Дела!

Хьо дукха везаро шайн кийра багийна,
Хьо везаран марзоно шайн дегнаш дузийна,
Хьан цлена эвлияш дукха баьхна Дегласта,
Ахь парглат яккхахь, хлай Везан Дела!

Сесанан кортошкахь хьо дукха хьехийна,
Буйсанан кийранехь хьоь дукха вилхина,
Сесанарчу Воккха-Хьабжас ялхийна Дегласта
Ахь парглат яккхахь, хлай Везан Дела!

Зандакъа веана, хьоь дукха вилхина,
Хьо резавар некъа тлехь муридаш кхийина,
Долаанашца Геза-Хьабжас дукха ехна Дегласта.
Ахь парглат яккхахь хлай Везан Дела!

Стиглара нур дохьуш и нуьре блоглам
Илхан-юьртгарчу цхьана керта боссарца,
Воккхачу цу Хьабжас тоьшалла дина Дегласта,
Ахь парглат яккхахь, хлай Везан Дела!

Стигларчу охланна кхаь хилла ша веьна.
Льаьтгарчу охланна гловс хилла ша веьна,
И Кишийн Мубарик Айхьа воссийна Дегласта,
Ахь парглат яккхахь, хлай Везан Дела!

Хьан деза шариат кхайкхадеш баьхкина,
Шариат дазонаш шаьш лардеш баьхкина,
Цу Воккхачу Абуйн, цу Моллийн,
цу Аптийн Дегласта,
Ахь парглат яккхахь, Хлай Везан Дела!

Ахь хъайн гергарло шега длахъедина,
 Къонахалла, майралла шайн доглемех хъарчийна,
 Цу Дедин, цу Доккин, лусман-Хъаьжин Дегласта,
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела.

Воккхачу цу Велис ша имам валийна,
 Ша хилале цу Макка глург хилар дийцина,
 Кхайкхам бан виллинчу Байбетаран Дегласта,
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

Динан бакъо кхайкхаяр харцоно дихкина,
 Теламнах кхиабар Тедало дихкина,
 Цу Юсуп-Хъаьжас ша Изноврца йитина,
 Дегласта ларъе Ахь, хлай Везан Дела!

Шеца вар бехкам беш, устаза сацийна,
 Тилма даржорца векал вина, хала къаьстина,
 Изнауру юха веана и нана Дегласта,
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

Боданехъ нур детташ, и бода этлош
 Маълхан нуърера, беттан сине валаре терра
 Изновр кхийначу Юсуп-Хъаьжин Дегласта
 Ахъа парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

Бодане буьйсанна седарчий ва санна,
 Шайн беркате цу нуьрах Таламо ирс оьцуш,
 Изновран, Сайд-Ахьмадан,
 Абдул-Хъалиман, цу Мохьмадан Дегласта
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

Длабузуш лаьтта хъуна и нуьре дашо малх,
 Цу маълхан злаьнарех ирс эца хъайна бохуш,
 Изновра кхийначу Абдул-Глафуран Дегласта,
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

Хъан маълхан злаьнарш дукха лаьттар ю моьттуш,
 Хъан Тилманан хлорда чохъ тхо луьйчур ду моьттуш,
 Хъан лулахо хилла висинчун Дегласта,
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

Боккхачу цу хлордах бисина Там санна,
 Малх буьзна боданехъ, латийна чиркх санна,
 Уьш боцуш, тхан йоцуш йисина Дегласта
 Ахь парглат яккхахъа, хлай Везан Дела!

13.04.2003 шо

Нохчийн мотт

Нохчийн мотт, ненан мотт – сан деган канза!
 Сан синан мехалла, дахаран маьлна.
 Хьо бийцар – дозалла, хьо бийцар – сийлалла
 Нохчийн мотт, ненан мотт –
 тхан дайша ларийна хазна

Вайн къоман азаллехъ синошца кхоьллина,
 Д1аяхна селхане кыйсамца кхелина,
 Тахане, кхане а кхолламе кховдийна,
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Наноша иллешца къонахий техкийна,
 Къонахийн еза ц1ераш йозанца язийна,
 Доврдоцчу дахаран тептар т1ехъ сацийна
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Халачу киртигехъ, нур уыйуш, лаьттина,
 Дуьненан кыйсамехъ турс хилла х1обьттина,
 Хьо ларбеш эгначийн таж хилла къегина
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Къаьмнашца марзонан т1ай хилла х1обьттина,
 Оьздаллин, г1иллакхан куьзгана лаьттина,
 Масаллин дахаран х1ур хилла г1аьттина
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Массо а заманахъ курра чекхбийлина,
 Г1иллакхе волчунна йо1-б1аьргел к1еда
 Ларамах воьхначунна лом санна дера
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Бакъонна буйцучохъ мазал бу мерза,
 Ткъа безам балхочохъ – бамбел а к1еда
 Йист йоцуш бухдуйлу и шовда санна,
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Масла1ат дуйцучохъ – беркате коьчал,
 Т1улг санна ч1ог1а дог ахъ хийла к1аьддо,
 Кийрара къьиза ц1е масане яйина
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Т1еман ц1е сацайо хьо нийса бийцаро,
 Нийсоне кхачаво бакъонца лебаро,
 Къонахий кхиабо хъан хазчу 1аьнаро,
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна

Д1аяхна селхане тхан хьоьца йоьзна ю,
 Тхо деха тахне хьо бийцарца ирсе ю,
 Т1ейог1у и кхане, хьо ларбахъ, хир ма ю,
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Хьо Дала баларна беа бу тхуна,
 Делан дин девзира халкъана хьоьца,
 Элчанан хаза некъ тхуна бевзина хьоьца,
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

И Делан гергар нах бийцина ахъа,
 Церан и сирла некъ бийцина ахъа,
 Уьш безар, уьш ларар тхан дегнех хьарчийна
 Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларийна хазна.

Вайн Далла хастам бу бусулба кхолларна,
Иман а, нохчийн мотт шиъ цхъана тохарна,
Нохчалла даим хьо бийцарца лардина,
Нохчийн мотт, ненан мотт – тхан дайша ларъйна хазна.

Кхаъне 1уьйре

Ма хаза хир ю-кха кхаъ беъна 1уьйре,
Вайн Делан гергара кхаъ беъна бохуш.
Бакъонан ох1лано вовше йир етгаш,
Маъхарца г1оттур ду дуьненан 1алам.

Бакъ хилла Дала йина и ч1ог1а ч1аг1о,
Кхин йолу ч1аг1онаш бакъ хиларе терра.
Мархъаба, Маршо я Делан бакъо, ва бохуш,
Маъхарца г1оттур ду бусалба 1алам.

Вайн Делан некъаш ду вайна т1ехъ лелаш,
Бакъверг а, харцверг а шаш нийса къастош.
Сагийсинчу бакъонца марша ва хьо, бохуш,
Маъхарца г1оттур ду бусалба 1алам.

Харцонан меттиг яц бакъонна дуьхъал,
Шайгара харцоно и йохор ю моьгтуш.
И харцо бакъонах таръян шаш г1иртина,
Маъхарца г1оттур ду Дуьненан 1алам.

Байттамал хир ма ду хийла а дена.
Доккхачу хазачу дуьненан дийнахъ.
Пайденна доцу байттамал хир ма ду кхана,
Хъисабан низамаш ч1аг1динчу дийнахъ.

Вайн Дала адаман синош кхуллучу дийнахъ
Х1ара дуьне а, эхарт а харжаме диллина боху.
Х1ара дуьне эхартах хийцина тоба
Вайн Далла дукхаезна тоба ю ма боху.

Вайн Дала нисви хьо хъекъалца, кхетамца,
Лааман да вина, ша къастам белла.
Бакъдериг, харцдериг ша хьоьга къастадайта,
Делира хуна и ни1мат Везачу Дала.

Хъайн кхетам базий ахъ дег1ана безамна т1аьхъа,
Хъайн хъекъал нисди ахъ дуьненан пайденна.
Х1ун даьхъна хъажа хьо кху т1улган дуьненах
Хьол хъалха кешнашка бирзиначара.

Шен дег1ан безамна дукха т1аьхъа вазар,
Хъайбанийн амал ю, вайн Дала елла.
Ткъа муха хуьйцу ахъ хъайн елла адмалла.
Хъайл лахара х1оттийна кхоьллинчу 1аламах?

Боданера хьо нуьре ваьккхинарг вицвелла,
 Хьо х1унда г1ерта буькьачу бодане.
 Аьлла дац вайн дайша: ша бацал лаьллича,
 Баьлаш т1ехь бен соцуш дац амале вир а.

Х1ара дуьне т1аьхьло йолуш кхоьллина делхьара,
 Кхунна чохь вахар ша деха делхьара,
 Кхуллур дара х1ара дуьне дешех а, детех а.
 Вайн Дала аьлла ду: «Цуьнан ойла е ахь».

Де дийне мел долу хьайн дег1е ладог1ча,
 Цу дег1ан хийцамаш ца хаало хьуна?
 Тотьшал деш кьобьжа чо ша гучу баьлча,
 Зама герга ва кхачар ца хаало хьуна?

Эзар шо дуьнен чохь даьккхинчех х1ун хилла?
 Паччахьал оалла лелинчех х1ун хилла?
 Х1ара латта деца уьш хьулбина лаьтта дерг
 Хьехаме долахьа х1ай, 1еса адам.

Вайн Дела Аллах1 ву собаре Эла,
 Нийсонца кхел хьукма ша лелош волуш.
 Цуьнан динах тассало, вовших ца кьесташ...
 Декьала хила хьовсий вай, бусалба тоба.

Шена хьаставелла, шен нуьре веьна верг
 Вухатухуш Эла вац вайн Аллах1 Дела!
 Тоба деш дохкодевла цуьнан не1аре х1итта,
 Иман ч1аг1дойла вайн Везчу Дала.

Хьан хаза кьинхетам дикчарна бен ца хили.
 Тхо санна 1есачара х1ун дан деза Дела?
 Хьо Эли хиларна, тхобца яхь ца лоцуш,
 Тхан кьиношна гечдехьа, х1ай Везан Дела!

Ахь гечдар сийлалла ю тхуна, Дела.
 1азап лахь, ахь кхоьллина хьан лайш ду тхо, Дела!
 Хьобгара бен кьинхетам кхин лаха меттиг бац.
 Бехьа тхох кьинхетам, х1ай Везан Дела!

Дуьнено 1ехийна, шайт1ано тилийна,
 Хьобга кхайкхар г1опал хилла д1аяхначу заманна,
 Кхачале кхачам беш хьо Эла хиларна.
 Ахь тхуна гечделахь, х1ай Везан Дела!

Назманаиш**Тепсуркаева Жукка**

Тепсуркаева Жукка дуьненчу яьлла 1924-чу шарахь Хьалха-Марта Кюштан ГихтIа олучу юьртахь. Жуккин ден-ненан доьзалехь шийтта бер хилла. Кхеран доьзал даима цъаьца белхаиш беш, кьинхьегамхой хилла. Вайна ма-хаьара, 1944-чу шарахь Сталинан омрица кхидолу кьаьмнаш санна, нохчийн кьам а Юккьерчу Азе кхалхийра.

Жукка а, цуьнан доьзал а Казахстане кхечира. Церан а лан дийзира цу заманчохь нохчаши лайна халонаш. Амма халонашка ша кьар ца йойтуш Жуккас ялх доьзалхо кхийина.

Тепсуркаева Жукка шуна йовзийта лааран бахьана ду, цо ша цера яьккхинчу хенахь шена хезна нохчийн узам дагахь Iамор а, и узам вайга схьакхачор а.

Жукка хIинца вайца яц, амма цуьнгара схьаязбина узам бисна, тахана и шун кхиэле а буйлу оха.

Вайн Далла хастам бу!

Ва, делла довла вай яхь йолу кIентий!
 Ва, делла довла вай яхь йолу кIентий!
 Вай хIунда ца даьккхира и деза гIазот?
 Ма кийча хилира вай махкаха довла.
 Вай, делла довла вай яхь йолу кIентий!
 Ма агта йитира хIара нана ДегIаста.
 Ва, делла довла вай яхь йолу кIентий!
 Метгахь Iуьллург тохий карчош,
 Ца ларош висинарг герзаца вожош,
 Делера доцуриг ва орца доцуш,
 Ма кьиза хьовзийра цу Дала ма ларарша.
 ТIера дай дIалецна тхо цхьалха дитина,
 Юьстах боккху бажа санна,
 Тхо юьстах даьхна,
 Те догIуш ло долуш, лайна кIел ховшийна,
 Го баьккхина дIахIитти и Делан мостагIий.
 Ва яккхий «Студебеккарш» юхатеттина
 Те дотта долиира ва зударий, бераш
 TIаккха тхо кхийсира товарни вагон чу.
 Ва даго хIума доцуш, йогуш цIе йоцуш,
 И шера аренаш ва тIаьхьа туйсуш,
 И яккхий охьенаш пурхала цоьстуш,
 И цIера ва машин ва йолаелча,
 Ма маьхьарий девлира баккхийчу нахе.
 И цIера ва машин ва йолаелча,
 Ма маьхьарий девлира зударшка, берашка.
 И лекха ламанаш ва тIаьхьа хьобжуш,
 Буха дисина ва даьхни тIаьхьа а Iоьхуш,
 ХIара нана ДегIаста ва тIаьхьа а йоьлхуш,
 Ма юьхьарлецира Сибреха боьду некь.
 Ва маьрша Iойла хьо, тхан нана ДегIаста.
 Ва маьрша Iойла шу тхан кешнийн охIланаш
 И Делан кхиэл хилла тхо Сибреха ва доьлху
 Тхо Деле дехалахь, ва нана ДегIаста!

Вагон тЕхь веллариг дІалечкьош,
Веллийла ва хиъча чу кхуссур ву олуш,
Цу некъан йохаллехь талламаш бина.
ТІера чу кхийсира беллачийн декъий.
Дахна тхо кхечира цу сийначу Сибреха,
Чу даха, тІе даха меттиг а ва йоцуш,
Іеламнах байъинчу цу сийначу Сибрехахь
Тхан рицкъа Ахь яздира, ва Везан Дела!
Мацалло хъийзочу цу сийначу Сибрехахь
Шелонна цІийзачу сийначу Сибрехахь,
Мацалла беллариш ло буха теІош,
Ма зама яьккхира цу Сийначу Сибрехахь.
Ва марша Іойла шу, тхан дай-наной!
Ва марша Іойла шу, тхан йижарий, вежарий,
И Дела кхиэл хилла шу буха дисна,
Тхо даха ма дохку ва нана-ДегІаста.
АлхъамдуллиллахІ! Вайн Далла хастам бу!
АлхъамдуллиллахІ! Вайн Далла шукар ду!
АлхъамдуллиллахІ! Вайн Далла хастам бу!
Ва нана-ДегІаста Ахь юхаяларна!
АлхъамдуллиллахІ! Вайн Далла шукар ду!
ХІара нана-ДегІаста Ахь юхаяларна!

Зорбане кечийнарг АБДУЛАЕВ АДАМ

Алвади Шайхиев**Приметы счастья**

Что ишу в этом мире?
 Что надо бы мне?
 Спать ложась, я мечтаю
 О мирном рассвете.
 Просыпаясь, мечтаю,
 Чтоб мирной весне
 На лужайках цветы
 Улыбались, как дети;

Чтобы горести прочь
 Улетали, как дым,
 Чтоб не молкнул во мне
 Голос отчего края,
 Чтобы песни, рожденные
 Сердцем моим,
 Людям радость несли,
 Высоту набирая;

Чтобы жили мы щедро
 На нашей Земле,
 Не стыдясь доброты
 И сердечного взгляда.
 Это – счастья приметы.
 А, стало быть, мне
 Ничего, кроме счастья,
 От жизни не надо.

Мать-Земля у людей
 Во вселенной одна –
 Каждый день ее полон
 Заботою новой:
 С нами рада всегда
 Поделиться она
 Солнцем юного дня
 И водой родниковой.
 С благодарностью
 Жажду свою утоли
 И душою прильни
 К ясной нежности солнца.

Только легкого хлеба
 Ты не жди от Земли –
 Не насытишься тем,
 Что легко достается.

Мать-Земля сыновьям
 Своим
 Все отдает,
 Не смолкало бы
 Вешнее многоголосье.

Но поймет только тот,
 Кто прольет в нее пот,
 Как ей трудно взрастить
 Золотые колосья.

Не ради красного словца
 Поэты говорят,
 Что пишут кровью, –
 Их сердца
 Всегда огнем горят.

Не спят поэты в час ночной,
 Коль где-то длится бой, –
 Им бить в набат в ночи глухой,
 Бессонною строкой.

И поднимать сердца во мгле
 За мир и за любовь,
 Чтоб не лились на всей Земле
 Ни слезы и ни кровь.

В моих росах заблудились
 Блики юного рассвета;
 Не скупясь на нежность, ветры
 Обдают меня теплом.
 Солнца доброю улыбкой
 В этот день душа согрета,
 Но не может столько света
 В человеке жить одним.

Люди, я за ваше счастье
 Пью бокал хмельного лета,
 Чтоб моим ветрам заветным
 Быть попутными для вас;

Чтоб в моих играя росах,
Блики юного рассвета
Вам, как звезды, озаряли
Путь к мечте в нелегкий час.

Написал я как-то песню,
Чтоб восславить Человека, –
Не услышанной осталась
Эта песня...
Вот беда!
Зря в сердца стучался к людям –
Ни ответа, ни привета:
И впервые не на шутку
Растерялся я тогда.

Написал другую песню,
Чтоб Любовь навек восславить,
Но упала наземь песня
С переломанным крылом.
Что же с нею приключилось,
Я не мог себе представить...
Может, чья-нибудь жестокость
Невзначай виновна в том?

Написал я третью песню,
Чтоб восславить Землю нашу, –
Не родился в поле колос,
На лугу увял цветок –
И упала капля эта
В переполненную чашу,
И от гнева удержаться
В ту минуту я не смог.

Я схватил за горло песню
И воскликнул, чуть не плача:
«Песня-трутень!
Недостойна
Ты на свете белом жить!..»
Понял я гораздо позже,
В чем причина неудачи, –
Не сумел я эти песни
Кровью сердца оросить.

Я слушал песни моря
В час ночной,
Понять пытаюсь
Нрав его крутой.

Хоть море – сила,
Жизни нашей свет,
В нем сердца
Человеческого нет.

Ребенок только что
Плескался в нем...
Сомкнулись волны –
Тишина кругом.

Бедой
Взорвалось море –
В тот момент
От моря отвернулся
Человек,

Забыв, что море –
Нашей жизни свет,
Назвал его причиной
Всех бед.

Но вижу вновь:
Как человек красив,
В жестокой схватке с морем
Победив!

...Я слушал песни моря
В час ночной,
Понять пытаюсь
Нрав его крутой.

Поздней ночью

В дверь постучали поздней ночью...
Я удивился: «Кто же это?
Иль друг, приехавший внезапно,
Иль путник, сбившийся с пути?»

Но в удивлении недолго
Я на вопрос ищу ответа,
Дверь открываю перед гостем:
«Добро пожаловать! Входи!»

Жизнь многому меня учила,
И я не понаслышке знаю:
Без стука входит враг обычно,
Всегда тайком крадется вор.

Я понял, долгими ночами
Седые матери, вздыхая
По сыновьям своим пропавшим,
Глядят на запад до сих пор.

Я понял, почему доньше
Тот человек с одной рукою
Нет-нет и вздрогнет, глядя в небо,
Где самолета гул возник.

И почему сердца людские
Больны минувшею войною,

И, глядя в будущее,
С прошлым
Не расстаются ни на миг.

Я вижу: звездами над миром
Горят в ночи сердца героев.
А на заре в глазах у сына
Я вижу солнца яркий свет.

И понимаю, как нам важно,
Свои усилия утроив,
Беречь все это, чтоб однажды
Во тьму не рухнул белый свет.

Вспять поворачивая время,
Спешу туда, где прежде не был, –
В ту ночь, когда страна родная
Была объята мирным сном:

Земля внезапно задрожала,
Грозою полыхнуло небо,
И раскатился над землею
Жестокой канонады гром.

Без стука враг в наш дом ворвался –
Взять в кабалу народ свободный,
Но поднялась врагу навстречу
На ратный подвиг вся страна.

В ту ночь над миром разгорелся
Огонь святой войны народной –
И тех, кто пал во имя жизни,
Мы не забудем имена.

Та ночь уже в далеком прошлом,
Но позабудется не скоро
Коварство недруга лихого,
На нас напавшего тайком.

Недаром отличить умею
Я гостя от врага и вора.
В дверь постучали поздней ночью:
– Добро пожаловать в мой дом!

Раненая песня

Ранена песня,
При смерти песня,
И ни души кругом.
Хочет подняться,
Но бесполезно
Бьет ослабевшим крылом.

Что же случилось?
Кто ее ранил
Словом жестким в упор?

Кто ей прямо
В сердце направил
Свой беспощадный взор?

Помню, бывало,
В небе апреля,
Словно птица, вольна,
Вторя весенним
Радостным трелям,
К солнцу летела она.

Вздрыгнули горы,
Вспенились реки –
Грянул недобрый час:
Мирная песня
Смолкла навеки,
Будто очаг погас.

Люди, скорее
Справим же тризну! –
Горе вошло в наш дом.
К песне, рожденной
Только для жизни,
Смерть подползла тайком...

...Глянул в окошко
Утренний лучик,
Тьму прогоняя прочь.
Скрыл от него я
Сон, что измучил
Душу мне в эту ночь.

В Трептов-парке

Возьмите девочку, возьмите –
Устал, наверное, Солдат.
К своей груди, как мать, прижмите –
Нужны ей ласка, нежный взгляд.

То солнце летнее в зените,
То листопад, то снегопад.
Возьмите девочку, возьмите –
Устал, наверное, Солдат!

Атланты

Это было, мне кажется, было:
Полыхнуло зловещее пламя,
Наземь рухнуло грузное небо,
И земля утонула в пыли.

Вы твердите, что это неправда.
Что ж, готов согласиться с вами:
Наши плечи – подпорки для неба,
Наши ноги – твердьны земли.

Ася Умарова

Сезон памяти

Повесть

– Она сидит одна в комнате. Приехали вчера из больницы. Просто... болезнь Альцгеймера прогрессирует и еще... она умирает... нет, не знает, – доносится мамин шепот за окном. Кажется, тетя приехала из Саратова. Мама уже с такой легкостью произносит слово «Альцгеймер», наверное, это правда, что человек ко всему привыкает. «Альц» у меня ассоциируется со словом пальцы, а «гейм» – как перевод с английского слова – игра. А эр? Эра! Эра игр на пальцах. Это как бы сурдопереводчик, который пытается что-то объяснить, но я не могу понять его. Вот так запомнилось сложное слово.

Я пытаюсь сосредоточить внимание на рыбках, свисающих с потолка. Всего их наберется около пятисот. Правда, они все не помещаются на потолке, поэтому я их закинула в черный пакет и убрала в шкаф. Нет, они не умрут. Они не настоящие и даже не пахнут. Большую часть своей жизни я провела в больницах. С тех пор коллекционирую рыбок. Их очень просто делать из... из... такая штучка, трубка, в бутылке лекарство жидкое и игла вставляется в руку. Почему не могу вспомнить? Ка... ка... капельница. Меня их научил делать много лет назад в больнице один усатый дядя, следовательно на пенсии, из соседней палаты. Его никогда никто не навещал, кроме меня. Целыми днями он плел из использованных капельниц рыбок и осьминогов. Но я не успела научиться плести осьминогов. В один день я обнаружила вместо заправленной койки – голый матрас. Его вызвали на улицу и застрелили неизвестные люди. А рыбок медсестра выкинула в мусорный ящик, так как о родственниках он ничего не сказал.

– Как ты? Я твоя тетя. Ты меня помнишь? А это Эмин, мой сын, – тетя из Саратова рыдает. Не дождавшись ответа, достает поспешно из сумочки маленькую видеокамеру. Загорается красная кнопочка. Идет запись.

– Скажи: «Привет! Это я! У меня все хорошо». Не молчи...

Вроде, взрослая женщина. Хорошо, что она еще не взяла с собой блокнот с записями советов телеведущей программы «Здоровье» Елены Малышевой, которые она периодически записывает после каждой программы, и не стала громко их зачитывать. Понятно, что тетя пытается запечатлеть меня еще живой. Наверное, она думает, что я еще маленькая и ничего не понимаю. Уж лучше бы она притащила марлю, которой укутывают тело мусульманина, перед тем как его похоронят, и обoshлась бы без этих тонких намеков.

– Столько рыбок! Дай-ка я их засниму. – Удивительно, раньше она их видеть не могла. А сейчас они стали такими «милыми». – Зачем ты их все время плетешь? Может, хватит?! Их же... их же предостаточно, Амина?!

– Тетя, их не нужно покупать и тратить деньги на... на... – тетины рыдания усиливаются, – стеклянный ящик, где плавают рыбы в воде... аквариум. Они так могут прожить хоть всю жизнь и им не придется умирать. О чем я сейчас говорила? Ты принесла то, что я просила?

Тетя нервно достает из сумочки флакончик с мыльными пузырями. Прячу под подушкой и продолжаю плести рыбок из использованной капельницы.

– Это я. У меня все хорошо, – машу рукой ей в камеру, и она перестает обижаться.

Рядом пятилетний Эмин задыхается от обилия одежды. Такое ощущение, что тетя спасает его от всемирного похолодания или отправляет на Северный полюс. Три пары теплых брюк, не считая колготок, майки, футболки, рубашки, двух пар свитеров, поверх утепленный дутый комбинезон. На ногах шерстяные носки с теплыми сапожками. На голову повязан платок, сверху надета шапочка, как у актера Никулина в фильме «Операция Ы», и шарф закрывает пол-лица. Если Эмин падал посередине улицы, то без посторонней помощи ему бывало сложно встать на ноги. И вообще, он с трудом передвигался. А когда тетя снимала с него одежду, то он уменьшался в размерах в несколько раз. Некоторое время уходило на то, чтобы он отдышался и набрал в легкие кислород. Шея Эмина казалась такой худощавой и хрупкой.

Иногда меня навещала память. Или приплывала, как рыбки. На мое пятилетие подарили зеленую пластмассовую лейку. На боку лейки большие красные цветочки. Не могла дожидаться утра, чтобы быстрее утолить жажду тюльпанам и георгинам. Следующий день встретил дождь с раскатами грома и сверкающими молниями. В то время, когда цветочки в восторге впитывали воду, я убивалась в коридоре. Уткнувшись лбом в стекло, наблюдала за разгулом стихии, норовя выбрать момент, чтобы выскочить на улицу. Наконец, улучив минутку, бежала к клумбе. В одной руке лейка с водой, а в другой мамин огромный алого цвета зонт, который все время выворачивался наизнанку из-за ветра. Розовые лепестки тюльпанов лежали повсюду. Еще немного и ветер бы снес все лепестки. Клумба была усыпана перевернутыми банками. Но я их всегда убирала, казалось, что цветы задохнулись бы. Помнилось только счастье, в котором я захлебывалась. Коричневые брызги на белых гольфах, так как подпрыгивала на месте. Желтое пальто, подаренное на вырост. Гусиная кожа от холода. Постоянно забегала на кухню, хватала стул, чтобы удобнее было подняться к умывальнику. Наполняла лейку и снова, укрываясь зонтом, поливала цветы. Невыносимое желание исполнить мечту, несмотря ни на что, придавало сил. Не хотелось ждать завтра. Слово ЗАВТРА, самое часто употребляемое и любимое слово родителей, я ненавидела больше всего на свете. Мои сверстники тоже говорили, что их родители часто повторяют слово ЗАВТРА.

– Папа, мы пойдем на пикник?

– Завтра, – спокойно, не отрываясь от газеты.

– Мама, когда мы пойдем в цирк?

– Завтра, – отсекая смачно ударом ножа голову форели.

И сорокалетний дядя Вася, бездомный бомж родом из Украины, которого папа приютил, и тот не поддержал. Во время войны в Чечне он находил бутылку с водкой и приходил к следующему заключению: «Вот выпьет дядя Вася полбутылки водки, кажется, вроде, и президенты – хорошие». Нет, он не использовал слово ЗАВТРА, как взрослые. Дядя Вася намного оригинальнее в ответах.

– Дядя Вася, вы сможете найти куклу Синди, а? Ну, ту самую, что с Кеном. Из Москвы почтой заказывали.

Сделав хорошую затяжку из папиросы:

– Слухай сюды! От меня, Кисла Капуста... на семьдесят метров! Кыш отсюда, Рамазаниха (моего отца звать Рамазан).

«Кисла Капуста» – это я. Прозвище прочно закрепилось за мной с тех пор, как поселился дядя Вася. Внешне он напоминал американского актера Чака Норриса, только он вместо «Мальборо» курил самодельные папиросы из махорки.

Опять дождь. За игрой, в детской беседке, под огромным ореховым деревом с массивными ветвями, слышишь голос матери, зовущей домой. А ты специально

делаешь вид, что не слышишь. Так как желаешь намочнуть с головы до ног, как тот рыжий котенок соседки, что сидит недалеко. И хочется выяснить раз и навсегда, почему родители бывают против того, чтобы дети задерживались на улице в дождь. Ну вот, в третий раз кличет и уже на горизонте силуэт. Фартук поверх халата испачкан чешуей рыбы. Она бежит к беседке. А я все равно продолжаю сидеть. И только Бека, соседский мальчишка, как заведенный робот, увидев хотя бы одну капельку дождя, со всех ног бежит домой. Бека – послушный мальчик. Дети смеются над его пунктуальностью. Он всегда приходит с детскими часиками на руках и секунду в секунду возвращается домой, как только отпущенное родителями время заканчивается. А я всегда жажду проверить, что случится, если поступлю по-другому? Даже на уроке рисования, когда учительница попросила на яблоке оставить белое пятно для блика и не закрашивать. Я именно это место, предназначенное для блика, закрасила ярким и темным цветом. Просто, чтобы убедиться и проверить, почему нельзя?

... Мама бежит за мной в дождь. Иногда одна из ее тапочек остается позади, и ей приходится возвращаться снова и снова. Я не знаю почему, но громко смеюсь, прыгая в грязных лужах. А она вместо того, чтобы меня хорошенько отшлепать, придя домой, наполняет тазик горячей водой, укутывает клетчатым одеялом, которое обычно стелют на нашу уличную лавочку. Подает чай с медом. Вначале вода горячая в тазике. И я не сразу опускаю в воду ноги. Когда поднимаю ноги из воды, то слышится шум падающих капель. Мама просит держать их в воде и не хулиганить. Лучше бы она этого не говорила! Стараюсь отводить ноги в сторону, и из капель образуется приличная лужица на полу. Во мне просыпается что-то, и я с босыми ногами бегу в ванную за половой тряпкой. Пару раз неуклюже падаю на пол. И опять, вместо того, чтобы наказать, мама протирает спиртом ступни, а сверху надевает вязаные носки. Кстати, чай с медом я умудрилась разлить на диване.

...В широкой лесополосе, в гуще деревьев, на окраине села, находился тайник. Мы с ребятами специально вырыли его для хранения предметов, принесенных со свалки. Но во время войны он служил блиндажом, где мы прятались от бомб. А когда из военных вертолетов и самолетов стали палить по лесным массивам во время войны, то было решено прятаться в обыкновенных домашних подвалах.

Однажды меня оставили охранять тайник. К тому времени мы расчистили его от недавнего погрома. Сверху протянули веревки между деревьями и поверх аккуратно положили ветки. Получилось нечто вроде навеса. Из кусков кирпичей и досок соорудили стол и стулья. Стол украшала чаша, наполненная неспелыми зелеными абрикосами. Тарелка, наполненная подсолнечным маслом, в которой плавали семена акации. И кулечек с песком. Бесценное богатство, добытое путем трения разноцветных песочных камней. Я не знаю почему, но мы любили смешивать масло с семенами акации и песком. Я могла защитить наш тайник от всех, но только не от Султана, второклассника, второгодника. Здорового, высокого. Все его боялись, но именно он решил проведать в тот день наш тайник. Султан стал вальяжно и брезгливо разбрасывать кукольные тарелки, кирпичи, чашки, срывать ветки с навеса. Он смеялся и разрушал то, что было создано нами неделями, за какие-то секунды. Все игрушки из тайника выбросил в канаву, грязную и отдававшую запахом канализации. Султан никого не боялся: ни учителей в школе, ни директора, ни родителей, а что уж и говорить обо мне.

Впервые в жизни, кроме ощущения беспомощности, пришлось принять самостоятельное решение. Султан скрылся. Аккуратно срезанные одной длины ветки свисали беспорядочно с перевязанного шпагата, как новогодние дождики с потолка. Иногда они падали на пол. Всюду погром. Что сказать друзьям? Ведь я их подвела. Может, побежать домой и обмануть: «Ничего не

знаю и не видела. Пошла выпить воды, а тут такое произошло». А вдруг Султан все расскажет? А если я останусь? То придется оправдываться, как плакала и набрасывалась, но мои усилия были тщетны.

Друзья пришли. Помню только:

– Тебе ничего нельзя доверить! Трусиха! Недаром Дядя Вася прозвал Кислой Капустой!

С того дня со мной перестали общаться.

Все поменялось. Нет, меня не спасли новые друзья, а спас двухколесный велосипед. Груда железа и спиц. Велосипед – неожиданный подарок родителей. Первое время было больно видеть бывших друзей, играющих вместе без меня. А я, как одинокий призрак, парила на велосипеде, пересекая улицы так, словно за мной гонялись привидения. Потрескавшаяся земля от яркого солнца, несмотря на сильные дожди. Местами сохранились лужи. Я бы, наверное, продолжала кататься, если бы не сильный удар в бок. Мое тело угодило в одну из этих луж. Помню только, как жижа обволокла мое тело, и защипали свежие раны. Я направилась домой, обляпанная грязью. Родители, выслушав короткий рассказ:

– Я каталась... Толкнул... Велосипед... упала в лужу... – вместо поддержки сдержанно ответили, как в суде объявляют приговор, без всяких эмоций:

– Толкнули? Надо было дать сдачи. Так тебе и надо.

И папа, лежавший под машиной с гаечным ключом в руках, продолжил чинить машину. А мама отвернулась чистить окна. Как будто речь шла о снесенных недавно курицей яйцах, и я уточняла, можно ли их положить в холодильник. А родители спокойно отвечают:

– Да, да, в холодильник.

Я поплелась к летнему душу, поверх которого папа почему-то половой алой краской написал «Душ». Может, он предвидел болезнь Альцгеймера дочери? На самом деле часто забываю это слово – душ. Красные разводы из трех букв, длинные струи капель потекли вниз. И со стороны выглядят, как декорации к кошмарным фильмам. И вправду, зачем он решил написать «Душ»? Что я хотела сказать? В общем, стало ясно, что родители не всегда будут на моей стороне и помогать в трудную минуту.

Вместо того чтобы перестать кататься на велосипеде, я, наоборот, продолжила это занятие. Бывшие друзья недолго демонстрировали безразличие, стали подходить с просьбой дать покататься. Я сказала коротко, так же, как и мои родители, хладнокровно и жестко:

– Нет. Не дам. Свой надо иметь.

Тогда я прослыла жадиной. Мало того, что нельзя доверить тайник, так еще оказалась жадиной! Но и это не сломило. Наоборот, я поняла, что в одиночестве есть много плюсов. Мне стало намного спокойнее и комфортнее. Главное – продолжать крутить педали, чем быстрее, тем лучше. И всегда жажду дождя – детская привычка осталась. Зачем? Ощущаю какое-то очищение. Как будто бы принимаю... опять забыла слово. Кажется, что дождь смывает и твои душевные раны. Кому верить? А может, пора создать в голове тот самый тайник и складывать туда аккуратно секреты? Ведь там не будет Султанов и тех «друзей», которые перестают общаться. Дождь успокаивает боль. Быть может, лечит. Не знаю. Надо крутить педали, и все забывается.

Сон, как будто бы весь мир обклеен белыми стикерами. Не могу разобрать ни одного предмета не потому, что забыла их названия, а потому что их не видно из-за обилия стикеров. Иногда чрезмерные объяснения окружающих мешают воспринимать реальность. На каждом предмете написаны обозначения. Как будто бы я попала в белоснежную сказку. Когда дует ветер, они срываются и кружатся в небе. Мои руки исписаны крестиками, буквами и именами. А я даже и не помню, что именно нужно было сделать.

Иногда я хожу на кладбище. Да! Странно, но на месте кладбища раньше

было обыкновенное кукурузное поле. Интересно, что окажется вместо кладбища спустя десятилетия? Снова кукурузное поле? Может быть, плантации банановых пальм? Ведь климат все равно на земле меняется. Если так, то я хотела бы увидеть поле из деревьев какао.

Открываешь скрипучую калитку кладбища. Аккуратно шагаешь по траве. Подходишь к могилам родственников и делишься, и на душе становится легко. Как-то я поделилась с одной пожилой чеченской актрисой, что мне очень нравится, как в бразильских и мексиканских сериалах герои ходят к священникам и исповедуются в храмах.

– А я представляю, что каждый человек и есть храм. Исповедуюсь людям. Говорю им правду. Не делю их никак. Это тяжело, но нужно научиться, – произнесла она, так ни разу и не посмотрев в мои глаза.

...Но, прежде чем прийти на кладбище, необходимо сделать омовение, которое делается перед намазом. Женщине необходимо покрыть голову платком и надеть длинное платье или юбку, кофту с длинными рукавами. Подхожу к могилам и читаю молитву для всех.

Знакомые сеют фразы-штампы. Чудятся, при пылкой красноречивости, их ангелы, перебирающие нежно струны арфы:

– Мир не без добрых людей.

– Распахни душу Миру, девочка.

– И увидишь, как много действительно хороших и настоящих человечков.

Игде же эти «хорошие человечки»? Разбрасываю в разные стороны эфемерные арфы, пытаюсь обнаружить их. В понимании моей подруги «хорошие человечки» – это те, которые приносят пользу. Когда за их счет можно пообедать или поужинать в ресторане, можно съездить за границу по связям или устроиться учиться в одной из стран Европы или в Америке. Или «хорошие человечки» могут отвезти на машине, куда ей необходимо. И почему вместо «хороших человечков» другие человечки вонзают в меня тяжелые копья? Не мечи и не дротики, а именно копья. Те самые, которые описываются в исторических сражениях. Такие тяжелые. Хотя ты уже в доспехах, закаленных предыдущим опытом неудач. У подруги на лице даже таймер виден невооруженным глазом, по которому с легкостью можно прочитать: «С кем выгодно общаться, а с кем нет? Кто круче, а кто нет?» Наверное, у нее поставлены хорошие батарейки, как «Дюрассел», или успевает быстро сменять дешевые. И почему другие этого не замечают? Главное – не останавливаться и продолжать крутить педали.

... Могилу необходимо обойти три раза по часовой стрелке. Можно почистить от мусора или сухой травы. И прочитать молитву. Иногда не можешь вымолвить даже слово, и слезы говорят за тебя. Хотя, по мусульманским обычаям, не принято на кладбище плакать. Поэтому женщинам не желательно часто навещать могилы умерших. Уходить от могил к выходу надо, не оборачиваясь, спиной. Считается, что души покойников обидятся. Больше всего в этот момент боюсь поскользнуться и упасть.

Возвращаешься домой, где идет своим чередом обычная жизнь. Приближаясь к дому, видишь горящий свет на кухне. Только сейчас понимаешь, как прохладно и что нужно было надеть свитер, прежде чем выйти.

– Я договорился с Усманом. Он обещал положить плитку в ванной, 450 рублей за квадратный метр. А те рабочие, с которыми мы договаривались, оказывается, нехорошо кладут. Я звонил и узнавал, – говорит папа, добавляя кетчуп в рисовый гарнир.

Пытаюсь втиснуться в реальность. Зачем нужно было менять плитку? И чем же старая плитка не угодила? Ведь мы все равно умрем. Лучше бы эти деньги на пикник, в кино, на концерт... не важно, просто провести вместе время.

– Не знаю. Я не довольна выбором цвета кафеля. Вам трудно было дожидаться меня? Красный с черным рисунком намного бы богаче смотрелся в ванной, – говорит мама, намазывая джем на испеченные блинчики. Когда она недовольна,

то всегда быстро шмыгает носом и шея покрывается красными пятнами.

Какая разница, какого цвета будет кафель в ванной? Какого цвета будут занавески в гостиной и сочетаются ли шторы с обоями? И что скажут люди о нашем выборе? И зачем менять плитку под навесом, когда сделали стены деревянными? Ведь это все останется. А мы будем лежать в земле! Перед глазами стоит картина высохшей травы, которую я собрала на могиле. Интересно, кто будет приходить ко мне, когда меня просто не станет?

– Передай соль, – папа сыплет шепотку на яйцо. – Я не виноват, что ты провела на «Беркате» (большой торговый центр в Грозном) несколько часов в поисках несуществующей юбки. Извини, кутюрье мировых брендов оказались бессильны и не смогли придумать что-нибудь стоящее. Если тебе не нравятся наши юбки, то купи материал и сходи в ателье!

– Отвратительно шьют, – мама встает и собирает посуду в умывальник.

– Я сходила сегодня на кладбище, – встречаю я в разговор.

– Вот поэтому нашу дочь, кстати, мучает по ночам бессонница, – подытожила мама, откусывая соленый огурец.

– Ты же обещала больше не ходить. Кстати, там видели большую...

– Змею! Знаю. И волки тоже водятся. А все, чтобы я не ходила на кладбище.

– И что нам теперь кафель продать? – обращается он вдруг к маме.

– Мы тоже скоро умрем, – говорю я в отчаянии.

Родители внимательно взглянули на меня и спокойно произнесли:

– Да, мы все умрем. И что?

– ... Давайте ... давайте завтра посидим вместе в огороде. Зажарим шашлык. Сфотографируемся. И просто поболтаем.

– Не могу, комиссия на работе скоро наведается с проверкой, – махнула рукой мама. Она ничего не сказала нового. Это все, что она повторяла каждый день.

– Начальник убьет! Какой отдых и шашлык? Не говори глупостей. Столько документации надо поработать. Придумала... Тебе мало наших фотографий в альбомах?

– Почему вы не понимаете? Нас скоро не станет...

– Эгои-и-истка, вот ты кто!

– Да! – подтвердил папа и забрал огурец у мамы.

После таких ссор я залезла на крышу заброшенного дома соседней. Кстати, там часто прятались юноши во время войны при зачистках федералов, а после войны там уже ночевали люди, которые влезли в большие финансовые долги. Летом шифер нагревался. Я ложилась, выбирала одну звезду, самую яркую, и рассказывала ей все, что произошло. Ту пожилую актрису я так и не послушалась. Моя исповедь летела через миллионы километров и толщу неба к яркой звезде. Мириады звезд освещали путь исповеди, помогая долететь до заветной звезды. Мы разговаривали мысленно и понимали друг друга. Я жадно вдыхала запах прохлады, ветра, листья и чувствовала себя бедуином в пустыне, утоляющим жажду. Никак не могла насытиться. Как будто скоро кислород закончится. Сколько еще мне придется подниматься на крышу и делиться со звездами? То есть я хотела сказать, когда появятся в моей жизни настоящие друзья и когда наша «семья» превратится в семью?

Показываются белые воздушные шарики, столько же сколько рыбок, сплетенных мною из капельницы. Беру в руки нитки, на которые они нанизаны и поднимаюсь вверх. Идет снег, такой густой, что невозможно разглядеть город. Мои рыбки тоже тут, плавают в небе. Они ожили. Несмотря на то, что одета легко – на мне шляпа и туфельки – абсолютно не холодно. Так хорошо. Мое молчаливое бегство. А может, я не чувствую холод, потому что?..

В шестом классе скончалась от рака наша классная руководительница. Ее звали Петимат Ибрагимовна. «Началось в колхозе утро!» – причитала она, когда не могла уговорить класс. Она так истерично смеялась, что рядом стоящие пытались немного от нее отойти, иначе Петимат Ибрагимовна начинала с силой похлопывать их по плечу как-то по-панибратски. Нелепая рыжая челка наискосок, которая торчала из-под косынки. Чрезмерная поспешность в лихорадочных движениях, постоянно падали то сумка, то книжки. Длинные пальцы рук, как у пианистки. Но она и была самой настоящей пианисткой, то есть учительницей музыки. Во дворе росла калина. Наверное, ни одного одноклассника не осталось, кто не попробовал этих ягод. Когда кто-то из нас простуживался, она поспешно срывала ветки сочной калины. Мы часто собирались в ее доме. В доме стоял настоящий рояль. А летом усаживались вокруг большого деревянного стола. Петимат Ибрагимовна ставила перед нами чашку с черешнями, и мы до позднего вечера пели песни, а она аккомпанировала.

Болезнь настигла ее после того, как убили мужа на войне. Потом ее единственный сын ушел воевать и не вернулся. Никто не знает, где он. Ее улыбка куда-то исчезла, и вместо нее на лице поселилась тревога. Мне казалось, что калина кажется не такой ярко-алой, как раньше. Петимат Ибрагимовна уволилась с работы. Только я навещала ее в тусклой и сырой комнате, где за ней присматривали соседки. Никто из одноклассников так и не пришел ее навестить до самой смерти. Раньше все пылко и восхищенно выражали любовь. Дарили конфеты, вазы и цветы. Но это было раньше.

Второй день поминок. Все с нашего класса решили собраться, как раньше, в саду Петимат Ибрагимовны и вспомнить ее. Я стояла в стороне от их круга, начался обычный разговор.

– А помните, когда я прогулял урок, Петимат Ибрагимовна сказала директору, что сама отправляла меня домой за нотами. Как она выручила, – вспоминал Аслан. Все дружно закивали.

– Хорошая была учительница. Все время собирала нас у себя дома, ничего ей для нас не было жалко. То калину даст, то черешню. Переживала за наши оценки.

– Да, хорошая была. А помнишь песню, которую мы разучивали в первом классе, вот здесь это было: «Буквы разные писать, тонким перышком в тетрадь...»

– «Учат в школе, учат в...» – подхватили все остальные.

– Замолчите все! – не выдержала я. – Кто из вас хоть раз навещил ее, когда она болела, а? Хоть раз кто-нибудь из вас проведал ее? Не нужно петь фальшивыми нотами!

Прошло пятнадцать лет после того, как мне исполнилось пять. И в каждый обед за круглым столиком кафе собираются Я, Я и Я. Мы ведем витиеватые беседы друг с другом... про себя. Иногда спорим, иногда соглашаемся, а иногда просто молчим, улыбаясь друг другу. Вернее, их нет. Я не о беседах, а о придуманных людях. Но на самом деле они есть. Я прихожу с работы пообедавать в это хрустальное кафе с понедельника по пятницу. Иду на второй этаж, так как редко кто поднимается сюда. А по субботам и воскресеньям Я, Я и Я прогуливаемся по парку. Где находится все остальное население? Просто... они... они не могут тратить свое драгоценное время на такое ничтожество, как я. О Боже, неужели я произнесла это вслух?..

Не помню, как попала в этот незнакомый мне город. Но мне пришлось пересекать границу с пустым чемоданом. Пограничники допрашивали меня целый час и главный вопрос, который их волновал: «Почему ты едешь в нашу страну с пустым чемоданом?» С каким-то необъяснимым рвением и пылкими речами пытаюсь объяснить, что у меня остались вещи в их стране и надо бы их перевезти и чем быстрее я это сделаю, тем лучше.

– Но почему именно в нашу страну и с пустым чемоданом? – не унимался пограничник. Такое ощущение, что он обнаружил врага, который представлял реальную угрозу целостности страны. Подходят разные люди в форме, водят по кабинетам и везде задают одинаковые вопросы. Я даже пошутила, сказав:

– Я въезжаю в вашу страну со Свободой. Она находится в чемодане.

Но мой юмор не оценили. Не понимаю, что происходит. Тут я сама начинаю сомневаться: может, я, действительно, в чем-то виновата? И правда, зачем я приехала сюда? Оставила бы эти вещи и приобрела бы новые. Дурацкая идея приехать с пустым чемоданом! После нескольких часов допроса меня отпустили.

Детство – это больницы. После рождения я месяц пролежала в специальном кислородном контейнере. В год по несколько раз меня приводили в больницу, где осматривали врачи и лечили. До семи лет я часто болела, часто лежала в больницах. Именно поэтому я не выношу запах больницы. Каждое утро, обед и ужин я подходила к ледяному медицинскому подносу, где меня дожидалась порция таблеток. Рядом в кресле постоянно спал больной, укрытый клетчатый пледом. Я его сильно боялась. Он смотрел в окно и разговаривал с воображаемым собеседником, поправляя в отражении седые волосы. Иногда угрожающе махал указательным пальцем. Я брала полагающиеся пилюли и поспешно запивала водой. Как взрослый человек. Сама ходила на уколы. Сама на процедуры. Сама в парк. Сама в парикмахерскую и за продуктами. Появилось очень рано много САМА.

Страшно. Для чего я все это вообще рассказываю? В жизни наставляю знакомых цитатами известных людей о том, что нельзя унывать, о том, как можно стать счастливыми и преуспеть в жизни. Перед тем, как пойти навстречу с кем-то, заучиваю несколько новых фраз известных людей, к примеру философов, чтобы блеснуть перед знакомыми своей эрудицией. Хотя знаю, что им гораздо интереснее обсудить новую юбку Миланы, увольнение Эллиты с турагентства, татуаж бровей и губ Асмы, силиконовые губы и грудь Миланы, калым за Раису, а также недавний развод Медины. Но, если быть откровенной, то ничего из заученного я сама не применяю в жизни. Просто это все, с чем я сейчас живу. Это все без спросу и приглашения вселилось, срослось и не хочет покидать. И вообще, мама просила не рассказывать никому, что я родилась слабой и лежала в кислородном контейнере для новорожденных. И что это за привычка постоянно делиться и откровенничать со всеми!

Разные периоды наступали в моей жизни. Кроме осени, лета, зимы и весны, пришло зарождение сезона памяти. Моя подруга утверждает, что все в жизни происходит не случайно, все взаимосвязано. И поэтому я пытаюсь понять, какая связь между тайником, велосипедом, Я и Я, тайной моего рождения, воздушными белыми шарами и многим другим? Не вижу никакой связующей нити. Кроме тяжелого копья, которое меня радостно встречает уже очень часто. Копье такое пунктуальное, как тот Бека в детстве, оно вонзается в меня периодически.

Беру заветный флакончик и сажусь на балкон, усыпанный цветочками. На мне все та же шляпа. Уютно устроившись на балконе, начинаю пускать мыльные пузыри. Где-то там, вдали, идут митинги, скандируют о свободе и требуют смены власти. Несколько женщин на балконах усердно стирают и развешивают белье на веревках. Они такие грустные. Видно, быт их съедает и выпивает жизненные соки. Я не знаю, пусть кто-то другой разбирается – съедает или испивает... мне все равно. Пускаю мыльные пузыри. Они такие красивые, так блестят на солнце, так переливаются, цвета радуги, так и играют. Неужели я умираю? Ведь только люди, которые начинают ценить пустяки, ведут себя так, как я сейчас.

Кто-то из знакомых посоветовал вести дневник на страничке Живого Журнала в интернете. Я так и поступила, стала публиковать впечатления после просмотра фильмов. Из последнего, что довелось увидеть в кинотеатре «Черная жемчужина», это фильм «Кориолан», снятый по пьесе Шекспира, основанный на реальных событиях в Италии. Только в современной интерпретации. Кроме меня в зале сидела одна влюбленная парочка. Наверное, как и я, взяли первый попавшийся билет в кассе. А на экране разворачивалась нешуточная война. Кровь, насилие, стрельба, взрывы... Недолго думая, парочка вышла. Зашли двое с автоматами, в форме цвета хаки. Через пять минут они тоже покинули зал:

– Что за ерунда! Пошли отсюда.

Только я продолжала сидеть. Запивала страх кока-колой. Чтобы поднять себе настроение и досмотреть фильм до конца, стала фотографировать себя мобильным телефоном. Строила разные смешные гримасы и рожицы. Еще один взрыв на экране, и я невольно опрокинула попкорн и кока-колу на себя. Лакированная сумочка от Диор, приобретенная за копейки на китайском рынке, упала на пол, и я на коленях искала салфетку. Тем временем на экране кульминационный момент: Кориолана удалось убедить не воевать с Италией. Но Авфидия, который принял Кориолана в свою команду, это совсем не порадовало. Как и то, что все его воины стали слушаться только его, подражать ему, и молва о нем как о храбром воине пошла по всему миру. Слава Кориолана затмила Авфидия. Цель была почти рядом, Италия почти завоевана, оставалось совсем немного. Кориолана растрогали слезы матери, они пришли к миру и отдали Италию. Очень жаль главного героя, ведь он перешел на сторону врага не по своей воле: Италия не признала его как воина и его изгнали из страны. Я отгрызла ногти. И хочу выяснить еще до окончания фильма финал. Во мне еще тлеет надежда, что герой останется жив. Дрожащими руками свечу тусклым светом экрана мобильника на бумажку с описанием фильма. Пять букв спускают вниз на землю с наивных облачков. Словно бы подстрелили мои воздушные белые шары, за которые я так преданно держалась. ДРАМА! И мне ничего не остается, как дожидаться смерти героя. В неравной борьбе Авфидий жестоко убивает Кориолана.

Вести блог в Живом Журнале для меня словно общаться с Я и Я в жизни. Как будто общаешься сама с собой. Нет, там у меня много друзей. Но никто никогда не оставит комментарий. Хотя в Фэйсбуке часто ставят лайки (like – с английского языка «нравится»). Лайки для того и созданы, чтобы, когда человеку нечего сказать или лень что-то написать, он мог поставить его под фотографией, статусом или текстом. Для этого не надо много ума и сообразительности. Моя подруга, у которой на лбу таймер светится: «С кем выгодно общаться, а с кем нет? Кто круче, а кто нет?», объясняет, что я из себя ничего не представляю и поэтому людям не выгодно оставлять комментарии или лайки на моей страничке.

– Вон посмотри страничку в Интернете Джастина Бибера или Мадонны. Ты видела хотя бы один пост, где их никто не прокомментировал? И не увидишь, потому что они звезды. А ты кто?

Зачем я все это рассказываю? Может, мне станет легче оттого, что я поделюсь с листком бумаги? Так кажется. И смогу ли я, наконец, заснуть сегодня? Отправляюсь к гамаку, чтобы прилечь с чашей с фисташками и насмотреться вдоволь на звездное небо. Пожалуйста, если вы найдете адреса «хороших человечков», не забудьте указать дорогу в мой дом. Я бы хотела взглянуть на них и сфотографироваться на память и, может, если очень повезет, они оставят автограф на моих свежих ранах, нанесенных острыми копьями.

Я лежу сейчас в палате №9 на больничной койке в городе Астрахани. Я нахожусь в 537 километрах от дома. Как уже говорила, прошло пятнадцать

лет, как мне исполнилось пять. Мы с родителями в душном и отдающем копотью вагоне в поезде «Грозный-Астрахань». Я не знаю, что происходит. Даже анализ правильный поставить не смогли местные врачи. В результате три курса лечения не принесли улучшения. Я очень слабая. То и дело ко мне подходят пожилые женщины и просят освободить для них нижнее место, где я лежу. Родители отгоняют их, словно мух от арбуза. Объясняют, что, несмотря на молодость, я больна и меня везут в больницу. Побрызгав прохладной водой на полотенце, накрываю им лицо. Слышу разговоры соседней:

– Дочери сказали, что сердце увеличено. Осталось жить только месяц. Хочу проверить в Астрахани, может, ошиблись местные врачи.

– Ноги часто опухают, не могут определить почему. Хотелось бы выяснить.

– У мальчика сильные головные боли. К кому только ни обращалась дома. Да тут весь поезд едет в больницу...

Я достаю из сумки наушники, включаю на всю мощность звук плеера. Тынц-тынц-тынц... Музыка уносит куда-то далеко. Значит, весь поезд? В больницу? Хотя не совсем далеко унесла музыка. Такие боли в спине. Странно, раньше я постоянно чувствовала боль, но это была не физическая боль. А сейчас все наоборот. Стоило мне убрать полотенце с лица, как тут же подбежала женщина с просьбой поменяться местом, потому что ей трудно забраться на «второй этаж». Я встала и подошла к ней близко. Ответила так, как научили родители. Вернее, они так отвечают всегда – спокойно и хладнокровно:

– Знаете, мы с родителями должны были выехать в больницу намного раньше. Но так как не было мест, которые нам подходили, мы подождали, чтобы не мучить людей так, как это делаете сейчас вы... Полагаю, что вы должны были поступить так же.

Я направилась в тамбур. Хлоп! Дверь закрылась. Как хорошо, что здесь никого нет. Я пришла сюда, чтобы успокоиться. Постоять у окна. И снова воспоминания уносят в лодке по реке с чудным алым закатом. Прошло десять лет, как мне исполнилось пять. Я тогда мечтала стать режиссером. Уговаривала директора школы утвердить мою постановку «Пеппи Длинный чулок». Как я собирала актеров, переделывала и сокращала сценарий, как мы искали одежду и репетировали допоздна в школе! Луиза и Иса – мои родственники. У Луизы утонченная манера слушать и элегантные движения рук. Поэтому решено было отдать роль строгой и воспитанной Фру Сеттерген, матери Томми и Аники. А ее брат Иса был Томми. Мы надели на него детскую шапку с огромным бубенчиком. Белая рубашка была заправлена в черные штаны выше талии. Он вел себя, как запуганный мальчишка. Можно сказать, переигрывал роль. А Милана, одноклассница Луизы, сыграла подругу Фру Сеттерген, которая все время жаловалась на свою служанку Гульду. Я сыграла Пеппи. Мы заняли первое место. Но после того, как я поступила в университет, не сделала ни одной театральной постановки. Нет, у меня не появились другие интересы. Я как-то бездумно и безалаберно тратила время, отпущенное свыше.

В Астрахани на перроне к нам подбегали люди с предложениями арендовать у них комнаты. Остановились у Марьям. Среднего роста, с черными прямыми волосами и азиатским разрезом глаз. За одну ночь с одного человека она брала по пятьсот рублей. Рядом с нашей комнатой две чеченские семьи, которые уже пролечились и уезжали обратно домой. Через каждые полчаса они ругали чеченских врачей, которые поставили им неправильный диагноз. Мы настолько устали, что не было сил выслушивать их. Хотим поесть. Мама быстро нарезает колбасу. Папа раскладывает соленые огурцы, а я достаю все остальное из пакета.

– А вы знаете, что у меня даже останавливалась родная сестра Руслана Байсарова (бывший муж Орбакайте, бизнесмен)? – повторяла все время Марьям. Наверное, обычные чеченцы удивились бы этому. Но только не мои родители. Вот если бы Марьям рассказывала о ремонтах, то они бы сразу

присоединились к беседе. Мне тоже абсолютно безразлична эта тема. Выпив чай, я выхожу на балкон, чтобы подышать свежим воздухом и мысленно поговорить со звездами.

Неужели мы живем для того, чтобы в конечном итоге оказаться в могиле? Я имею в виду тело, а не душу. Неожиданно вспоминаю Успу с нашего села. Он постоянно встревал в разговор старейшин, просил безотложно решить проблему с воронами.

– Житья от этих ворон нет. Всю черешню, кукурузу и ягоды с огорода выклевали.

– Ну, подожди, Успа... Тут такие проблемы решаются и серьезные темы по религии поднимаются. А ты со своими воронами лезешь.

– ...

– Мешают? Поставь чучело в огороде. Если не помогает, тогда перестреляй их! Из-за какой-то ерунды целую лекцию развил.

Снится сон: я в белой одежде. Лежу на кладбище. Пытаюсь разглядеть самую яркую звезду в небе. Сильный туман и тучи мешают разглядеть звезду. Нервничаю. Пальцами глажу траву. Страх оттого, что скользкая змея или шерсть волка может дотронуться до моей кожи. Ищу карманы. Их нет. Прячу за спину руки. Слышатся отдаленные звуки зикра. Когда человек умирает, по чеченским обычаям, старейшины и мужчины делают зикр – исламский обряд поминания покойников. Существует свод правил его проведения. Они бегают по кругу, хлопают в ладоши и поют молитву. Именно тогда, когда усиливается скорость их бега, я жмурю глаза. Чувствую, что меня могут затоптать. Совсем рядом подошва обуви и невыносимая пыль. Открываю глаза. Меня окружают надгробные плиты с арабской вязью. Я проваливаюсь в бездонную пропасть. Лечу долго. Устаю от полета. Разглядываю облака и ветер. Очень длинный сон. А может, это уже другая жизнь? Или мне постараться проснуться? Как там было в произведении Карлоса Кастанеды «Искусство сновидения»? Нужно держать руки впереди и стараться увидеть пальцы рук. Тогда обязательно можно проснуться. Но пальцы противятся. Изгибаются в разные стороны. Они в морщинах, ногти, как будто год не отстригала и испачканы, в земле. Теперь я точно знаю, что во сне. Ведь не могла же я за короткое время так сильно постареть. Надо успокоиться и попробовать снова. Получилось! Я крепко стою на ногах. Но я очутилась в банке с плотно закрытой крышкой. Банка гигантских размеров. Несколько попыток подняться по стеклянной поверхности увенчались полным провалом. Вдруг крышка открывается и сверху опускается зонт. Пошел дождь. Я укрываюсь зонтом. Крутит вьюга и метель. Снег. Мне холодно. Ледяные морщинистые руки еле удерживают зонт. Ведь я стара! Внимательно пригляделась к зонту. Это же тот самый зонт, с которым я ходила поливать тюльпаны в тот дождливый день, в детстве. Мамин алого цвета зонт! Мамин... Мама?

– Мама, – еле слышно произношу я. Доносится эхом телефонный разговор мамы. Она договаривается по работе с начальницей, говорит об отчетах, что не успеет сдать их в срок. – Мама, ну услышь меня... Мама!

Снег сменяет дождь. Вода поднимается вверх. Она дошла до моего подбородка. И превращается в лед, и все вокруг затвердевает. Я не могу шевельнуть пальцами рук и вообще дышать. Это так невыносимо! Неужели все, что происходило в моей жизни, было настолько ужасно? Не слышно даже эха телефонного разговора мамы. Наверное, я настолько постарела, что уже ничего не слышу. Руки продолжают удерживать зонт. Я попыталась еще раз внимательно рассмотреть его. Шеей тяжело пошевелить, онемела из-за льда. Стебли тюльпанов, как в детстве, ветер кружит в банке. Я не могу даже дышать, легким сложно набирать воздух. Подняв голову в сторону зонта, вижу надписи арабской вязью. Я ходила во втором классе в мечеть, где изучали арабские буквы.

Должна была запомнить хоть что-то из изученного! Перебираю память. Так, моя брошюрка точно была зеленого цвета... Я ходила в мечеть с одноклассницей... Она всегда опаздывала, и поэтому я назначала время на десять минут раньше. И была среди нас девочка, которая лучше всех знала арабский язык. Она была внучкой алима. Арабский алфавит: алиф, ба, та, са...

Просьпаюсь. А сейчас я лежу в больнице. Не на крыше, не на кладбище и не в банке, а в палате №9. Что происходит? Моя память ухудшается с каждым днем. Болезнь Альцгеймера прогрессирует. Врачи объясняют родителям, что мы очень поздно обратились. Но они пытаются помочь. В моей палате старушки преклонного возраста. Им не нравится, когда я переворачиваюсь в постели, печатаю на клавиатуре ноутбука, когда мне звонят по мобильному телефону, смотрю в зеркало или закручиваю, откручиваю банки для кремов, настоек, тоников. И вообще, они считают, что я от нечего делать легла в больницу, потому что я молода! Не все. Кроме одной бабушки Лизы. Как только я зашла в палату, она подошла и пожала руку:

– Меня зовут баба Лиза. Будем знакомы.

Бабушка Лиза – единственная в палате не чеченка. Она русская и коренная астраханка. После окончания училища стала работать в бригаде по ремонту кораблей. Ее фамилия никогда не сходила с Доски почета. Так она стала бригадиром рабочей группы. Баба Лиза делится, что не все так гладко было в жизни. Попадались рабочие, которые пили и не слушались. Она много плакала и нервничала, так как не успевала по графику. Несколько раз хотела уволиться с работы. Вышла замуж. Родила детей. Дочки вышли замуж и сыновья женились. Все разъехались. А муж ее умер давно. Она на пенсии. Живет одна. Иногда ее навещают дети и внуки. Она даже не сказала детям, что легла в больницу. Каждый раз баба Лиза, когда я отвожу ее в процедурные кабинеты, падает на холодный пол. Несмотря на то, что я держу ее руку, она умудряется поскользнуться. Ноги подкашиваются и не слушаются. Плачет, когда подбегают медсестры. Ей измеряют давление, слушают сердце и легкие, потом дают таблетку или делают укол. Продолжает оправдываться, так как чувствует неловкость. Укол действует, успокоительное достигает заветной точки, и она засыпает.

Я прогуливаюсь после дневных больничных процедур вдоль берега реки Волги. К вечеру загораются лампы в городе, и от этого отражение еще красивее. Иногда мимо проплывают корабли. И мне мерещится, что, может быть, это тот самый корабль, который чинила баба Лиза. Я сейчас все воспоминания записываю в блокнотике, чтобы запомнить. Буду перечитывать это и добавлять записи. Спрошу родителей, знакомых и родственников. Врачи говорят, что в следующем году я не буду практически ничего помнить из своей жизни. Это как если бы в карте памяти вашего мобильного телефона вдруг стерли все фотографии, любимые смски, видео и номера телефонов. Хотя... дурацкое сравнение.

Ничего в жизни я так и не довела до конца. Баба Лиза хотя бы всю свою жизнь занималась ремонтом кораблей, и мои родители сделали массу ремонтов. А что сделала я? В моей комнате много книг, и ни одну из них я так и не дочитала до конца. Я пыталась дочитать «Анну Каренину», «Сто лет одиночества», «Божественную комедию», «Мастер и Маргариту» не потому, что хочу их прочесть или заинтересовали своим содержанием. Просто грамотный человек должен их когда-нибудь прочесть. Пыталась дописать сценарии для будущих постановок, но никогда не доканчивала. Много начатых дизайнов платьев, но они так и лежат у швейной машинки. Даже еду я никогда не доедаю. Единственное из моей жизни законченное дело – это школа и театральная постановка «Пеппи Длинный чулок».

Как написал Маркес в романе «Сто лет одиночества»: «Время рассортировало воспоминания, испепелило непролазные груды ностальгического мусора,

которые жизнь накопила в моем сердце...» Я не с первого раза поступила в университет. Провалила экзамен. Не хватило нескольких баллов. Не могу сказать, что родители расстроились или обрадовались.

– Это жизнь. Иногда ты побеждаешь, иногда удача поворачивается спиной, – сказал папа и откусил кусок от морковки. Он призадумался над самим же сказанными словами, наверное, хотел еще что-то добавить, но передумал. Или счел достаточным.

– По статистике, из всех желающих поступить в университет только половине удается нормально сдать экзамены. Так что ты не одна! – оптимистично подбодрила мама, расчерчивая линейкой очередные отчеты по работе.

Дядя Вася снова под навесом. Отрывает листок из старенькой книжки, осторожно насыпает табак, закручивает в трубочку и вот-вот собирается лизнуть край бумаги слюной.

– Дядя Вася, я провалила экзамен. А мама и папа не хотят поддержать. Мне сейчас очень тяжело... Поговорите со мной...

– Эх, Кисла Капуста... ну, Кисла Капуста, только повод дай... От меня на семьдесят метров!!!

А родители затеяли очередной ремонт в доме. Как всегда летом, когда во всех странах Мира родители пытаются провести время с детьми. И если на покупку моей одежды у них не было денег, то для ремонта они залезли в кредит.

– Нужно срочно поменять плитку под навесом! У Ибрагима видела намного красивее плитку. Богаче смотрится! Нужно убрать пенопласт и поставить декорированные доски. Сверху покрасить лаком. Накаты уже не в моде! Обои темных оттенков с блестками. Надо поменять газовые трубы. Снести виноградник и построить сверху крышу. Закупить шкаф-купе. Он сейчас популярнее! Надо переделать забор. Наш чересчур обычный.

За завтраком, обедом и ужином они обсуждают ремонт и работу. Поэтому я старалась задерживаться в школе. Записалась во всевозможные кружки. Только чтобы оттянуть время прихода домой. Кружок рисования, танцев, юннатов, шахматный, кройки и шитья. Так, по крайней мере, я попала домой только на ужин. Во время завтрака я проглатывала яйцо и запивала чаем. По дороге в школу давилась хлебом, намазанным маслом.

– Я так рада за тебя! Скоро будешь дома, – говорит Баба Лиза, когда я собираю чемодан в палате №9.

Дома? Даже если мама и папа согласятся и устроят барбекю на природе, даже если они перестанут говорить о работе и ремонте, сидеть за калькулятором и считать долги, дом от всего этого домом не станет!

Даже если они начнут интересоваться моей учебой, относиться с уважением к моему выбору и вкусу и даже если мы начнем фотографироваться и каждый месяц будем заводить новые альбомы, дом от всего этого домом не станет!

Вся надежда на врачей, которые утверждают, что через год я не буду помнить ничего из своей жизни. Надо уговорить родителей, чтобы они стали хотя бы через год РОДИТЕЛЯМИ. Я смотрю на них. Мы сидим на вокзале и ждем поезда «Астрахань-Грозный». Мама жестикулирует, иногда всматриваясь в бриллиантовое кольцо, которое она якобы купила для меня. Если она покупала бриллиантовые сережки и кольцо для меня, так почему же не взяла с собой в день покупки? Почему не мой размер? Я лишь пластилин, из которого лепят что угодно посторонние. Мама договаривается об отчетах, которые она не успевает вовремя сдать из-за меня. Я чувствую себя безумно виноватой. Рядом папа отправляет смску начальнику. Ни на минуту они не расставались с мобильными телефонами. Лучше бы они не приезжали! Лучше бы мы вообще не приезжали сюда!

...Меня не стало через десять минут, как вышла тетя из моей комнаты с Эмином. Это был не сон. Как бы ни старалась увидеть пальцы рук по методу

Кастанеды, как бы ни проговаривала священные молитвы на арабском языке. Не смогла больше проснуться, потому что наступил вечный сон! Против которого все бессильны! Даже через десять лет моя память не ухудшилась, оставалась такой же. Вечером я часто приходила в тот дом, который никогда не был моим домом. Но я жила там когда-то. Однажды родители нашли в тумбочке мои личные дневники. Я так была рада, что они нашли. И ожидала, что они прочтут и поймут меня, наконец. Поймут свои ошибки.

– Я думаю, что наша дочь бы была недовольна, если бы мы прочитали ее записи. Пусть они останутся с ней, в ее памяти, – неожиданно произнесла мама и сожгла дневник в огороде. В том самом огороде, где я мечтала о совместном барбекю.

Почему я перестала приходить к ним в дом и навещать в снах? Не думаю, что они нуждались в этом. Они ни разу не пришли проведать мою могилу на кладбище. Освещенная кухня всегда горела допоздна, где родители сидели возле калькулятора и подсчитывали расходы и доходы. В огороде тлели мои дневники. На улице была зима. Дядя Вася листал старый фотоальбом. Как-то он показал свадебные фотографии. Я так восхищенно с предвкушением романтических моментов из жизни слушала его, раскрыв рот, пока он не сказал, что обручальные кольца их были сделаны из расплавленных золотых зубов одной знакомой бабушки. Не знаю, о чем думал дядя Вася, рассматривая пыльный фотоальбом. А пепел все путешествовал в воздухе. Никак не могу привыкнуть, что уже не чувствую жару или холод, как раньше. Около старой акации ждал незнакомый человек в шляпе.

– Ну, сколько можно. Пошли отсюда, – сказал он. Странно, но следов на снегу после нас не оставалось.

– Как ты думаешь, они изменятся?

– Для нас это не играет никакой роли. Не забывай, мы теперь не живем на этой земле. И они нас не видят, не слышат и даже не чувствуют.

– Как ты думаешь, а я могла бы стать режиссером?

– О своем конце ты прекрасно знаешь. Не вороши прошлое, живи настоящим.

– А какое настоящее у меня?

– ...

Мы шли по аллее из переплетенных акаций. Сказочная зима. Луна освещала путь. Я держала за руку этого незнакомого человека. Я всю жизнь мечтала просто так пройтись с родными или близкими и поговорить о том, что меня волновало. Наверное, это на самом деле бред. А может, этот незнакомец – та самая яркая звезда, которая при жизни внимательно слушала меня? Да... Я хотела что-то сказать об игре, вернее об английском слове – гейм (game). Вспомнила, что в детстве, после каждой проигранной мною игры, на джойстиках Денди в конце всегда крупными буквами высвечивалось на экране «GAME OVER». Игра окончена.

Оно одарит тебя розовым снегом...
 Под плачущим небом влачился чудак,
 Он плакал от боли,
 он знал, что дурак...
 И слабый луч солнца писал его тень...
 Он знал, что остался всего один день...
 Что встретит сегодня
 последний закат...
 Он знал, что ему не вернуться назад...
 Потухло в неведомой дали светило...
 Чудак под дождем
 себе вырыл могилу...
 И умер он в ней, лишь мечтая о том...
 Чтоб стать после смерти
 холодным дождем...

Клоун (II)

Конец...
 И нету больше смеха и веселья...
 Дурацких шуток –
 средства от безделья...
 Он канул в вечность...
 Больше нет его...
 Он просто клоун – только и всего...

Конец...
 Не будет больше слез
 в углу каморки...
 Его лицо, улыбка – все на полке...
 Есть только пистолет,
 и лишь патрон...
 Ни капельки надежды на потом...

Конец...
 Разбиты зеркала, везде осколки...
 От прошлого остались
 лишь обломки...
 А он смеется, словно это сон...
 Конец игры... Декабрь за окном...

Принц (III)

Привет, мой друг...
 И снова мы в пространстве
 Бумажных облаков,
 чернильных снов...
 Вне рамок и границ
 больного царства,
 Бессмысленных сует и суматох...

Пишу тебе, вложив в перо частичку
 Воспоминаний, прожитых минут...

Как будто подношу к картине спичку,
 И языки огня ее не жгут...

Делюсь с тобою всем,
 что знал и знаю,
 В попытке сохранить
 хоть что-нибудь...
 Ведь все миры когда-нибудь сгорают –
 И мой сгорит, поверь, когда-нибудь...

Я полон чувств,
 им нет конца и края...
 Их волны накрывают с головой...
 И, гениям ушедшим подражая,
 Я утоляю жажду бурь, волной...

Я жду свою давнишнюю подругу,
 Чей шепот предвещает вечный сон...
 Надеюсь, что окажет мне услугу,
 Как оказал Горгоне, царь Ясон...

Запутавшись в своих же лабиринтах,
 Я опускаю руки и сдаюсь...
 Как паучок, увязший в паутинках,
 Своих сетей боится, я боюсь...

Но, кроме страха ожидания смерти
 И жажды бури, есть еще одно,
 Чего бы в жизни брэнной круговерти
 Хотелось мне испробовать давно...

То чувство есть любовь –
 не что иное...
 Любовь друзей,
 любовь врагов и всех...
 Любовь, которая, наверно, стОит,
 Всех радостей земных и всех утех...

Я полон жизни, полон вдохновенья,
 Поэтому пишу тебе, мой друг...
 Ведь в каждом
 моем слове откровенье,
 Что не осмелюсь я поведать вслух...

Я, словно царь,
 но только вот без царства...
 Сижу на троне в собственной тени...
 Вне рамок и границ...
 И вне пространства...
 На темной стороне моей Луны...

Ведь там со мной когда-то был и ты...

Колдун (IV)

Неслышный тайный
шепот предвкушенья
Заполнил зал – и сцена, как огонь...
Она горит и страстью, и волнением,
И ждет, пока появится весь сонм...

Актеры, их игра и весь сценарий –
Лишь куклы и игрушки для меня...
Без знатной крови, злата и регалий
Я царствую движением пера...

Я дергаю за чувства, как за нитки,
Играю с жизнью, словно кукловод...
Эмоции, признания, улыбки...
И ложь во лжи...
Где правда – кто поймет?..

Жестокая игра, почти без правил,
Условие одно – играют все...
Искусство,
что я с легкостью заставил
Беспрекословно подчиниться мне...

Иллюзией пропитана реальность,
И истина укрыта ото всех...
Немыслимо возвышена сакральность
Нелепой лжи, что вызывает смех...

Отрава и вино в одном бокале...
Слова пронзают сердце, травят ум...
Мелодия парит в огромной зале,
Пленяя искушенный, чуткий слух...

Застыло время... Тишина... Начало...
Застывший Маскарад,
где я – Колдун...

У причала...

И однажды сидя у причала,
Я увидел чудо из чудес,
Знающий и радость, и печали,
Солнца диск на дне морском исчез...
Взбушевалось горестное море,
Разразились громом небеса,
В их безумном и жестоком споре
Жертвой был один лишь только я...
Разбивались пенные волны
Вдребезги о камни и скалу,
Пробегали кисточки из молний,

По из туч сплетенному холсту...
Я смотрел и сердцем наслаждался
Этой необъятной красотой,
И глаза на миг сомкнуть боялся,
Сидя на краю скалы крутой...
Я сидел и тихо пел им песню
Дней ушедшей юности своей;
Говорилось в ней, на сколь прелестны
Небосвод и гладь больших морей...
И стихии будто понимали,
Слушали и подчинялись ей...
Небеса от туч свободны стали,
Море стало тише, чем ручей...
И в тот вечер, сидя у причала,
Я как будто был в чудесном сне...
Небо лунным светом засияло,
Море покорилося тишине...

Подражая Есенину...

...Я тебя не вижу, не целую
И ни разу даже не обнял,
Но зато я так тебя ревную,
Как никто тебя не ревновал...

...Я не вижу блеска в этих глазках
И не вижу прежнего тепла,
Ты себя не ищешь больше в сказках,
Скрыта ото всех любовь твоя...

...Ты сидишь, укутавшись печалью,
Наблюдаешь за дождем в окно,
Одиночества чернеющей вуалью
Прячешь свое милое лицо...

...Я тебя любил и верно буду
До конца времен тебя любить...
Ты мое единственное чудо,
Для тебя готов и умереть, и жить...

Меланхолия...

Холодный вечер, осень на стекле...
И в комнату сквозь щели темнота...
Повсюду свечи, тени на стене...
И треск камина слышен иногда...
«Второе» на немом календаре,
Тоскливое начало ноября...
Сгорают не спеша стихи в огне...
На окнах тают капельки дождя...

Холодный вечер, кофе на столе,
 Распята и заколота душа,
 Смычок скользит
 надменно по струне...
 И рвется на кусочки тишина...
 Холодный вечер, небосвод во мгле...
 Ложатся, словно тень, на лист слова...
 Слагая строки о последнем дне...
 Когда наступит наше «никогда»...

Гадалка

Монохромность страниц бытия
 Забавляет мой тлеющий разум...
 Догорает неспешно свеча,
 Меркнут с нею все мысли и фразы...
 За дубовым столом, без причин
 И без цели особой, в качалке
 Я сижу, тишиною томим,
 И пытаюсь забыть о гадалке...
 Я был страстен, горяч, молодой...
 Беззаботный мальчишка-романтик.
 Не покрывлся еще сединой
 И был словно степной одуванчик...
 Я любил все, что можно любить,
 Любопытство съедало рассудок,
 Я хотел и мне нравилось жить,
 Не считая минут или суток...
 Но в одно из моих приключений,
 Как обычно бывало, безумных,
 Не имеющих смысла, значений,
 Я наткнулся на магов пустынных...
 Человек, что съедает огонь,
 Дьяволица, чья меткость бесспорна,
 Змееуст и их юный король,
 Чьим словам вся природа покорна...
 Также был и стальной человек,
 Что ходил по углям и осколкам,
 Словно дал он молчанья обет,
 Своим предкам, богам и потомкам...
 Но меня взволновало не то –
 Это было всего лишь приманкой...

Был шатер и не так далеко
 В нем сидела слепая гадалка...
 Я был сломлен, побит, сокрушен
 Ее мутным пронзающим взглядом,
 Будто жалом змеи поражен
 И все жилы наполнены ядом...
 Я влюбился впервые – и все...
 Все казалось бессмысленным,
 скучным.
 Я желал лишь улыбки ее,
 Остальное мне было ненужным...
 Каждый день,
 каждый вздох и вся жизнь
 Посвящались всецело лишь ей,
 И однажды мы с ней поклялись
 Вместе быть до скончания дней...
 Но прожив ровно год в этом цирке,
 Я был подло обманут судьбой,
 Смерть пришла и с коварной улыбкой
 Забрала ее душу с собой...
 День и ночь я весь мир проклинал,
 Ненавидел всем сердцем любовь...
 Я романы читал и сжигал
 И смотрел, как сгорают из слов
 Сотворенные псевдомиры,
 Как они превращаются в пыль,
 Жертвы чьей-то словесной игры...
 Будь то сказка, поэма иль быть...

И всю жизнь я учился писать,
 Чтоб цепляло людские сердца,
 Чтобы разум людской поражать...
 Так и стался писатель с меня...
 И сейчас, разменяв
 уже пятый десяток,
 Я хочу лишь не помнить о ней...
 Ни любви, ни пустынь, ни гадалок...
 «Я клянусь быть навечно твоей»,
 «Я клянусь быть навечно твоим» –
 Все впустую... Теперь я один...

Мадина Абдулвагапова**Мышка**

Рассказ

Ева Грей проснулась от тряски автобуса. Солнце сквозь мутное стекло било прямо в глаза. Она потянулась, насколько это было возможно на узком сиденье автобуса по соседству с внушительной дамой, облаченной в вельветовый костюм, несмотря на то, что в разгаре был июль месяц. Автобус тряхнуло еще раз, на этот раз гораздо основательнее, и с таким шумом, что металлические внутренности возмущенно задрезжали. Ева чихнула и проснулась окончательно. С совсем не присущим для юной леди выражением лица, она полезла под сиденье за большой клетчатой сумкой и маленьким коричневым саквояжем. Сумка изрядно помялась, и она слегка помолотила по ней кулачками, продолжая одновременно вытягивать ее из-под сиденья. Темно-каштановый пыльный локон упал на лоб из расплзшейся прически, но она лишь нетерпеливо повела плечом и фыркнула, продолжая тянуть сумку, которая словно бы решила помериться с ней упрямством. Наморщив от нетерпения нос, закусив губу и пыхтя от усилий, сопровождаемых ворчанием вредного старикашки водителя, Ева наконец вытащила на свет божий свой багаж: большую клетчатую и маленькую коричневую сумки и заодно целый ворох мусора и скомканных салфеток. Уже в следующую минуту она оказалась одна у проселка. Автобус, вильнув, укатил, жалобно дребезжа многострадальными железками.

Уныло поглядев на холмы невдалеке, Ева от души пнула чемодан, серые глаза задумчиво прищурились. Она попыталась руками разгладить безнадежно помятое платье. Возможно, приехать сюда, в отдаленную долину Шотландии, Глен-Мор, грезившуюся ей в сумбурных снах детства, было не такой уж хорошей идеей. Вышагав полчаса, она полностью согласилась с внутренним голосом, теперь уже кричавшим во всю мощь своих воображаемых легких о ее безрассудности. Клетчатая сумка нещадно давила на плечо, саквояж, игнорируя свои маленькие размеры, не менее нещадно оттягивал руку. В иные моменты у девушки не оставалось выбора, кроме как полагаться на собственное упрямство, странным образом пропадавшее в ней в нужный момент, но во всем блеске проявлявшееся в таких ситуациях, как эта. В минуту, когда поток нотаций в собственный адрес уже, казалось бы, начал иссякать, сзади раздался скрип, и с Евой поравнялся старенький автомобиль непонятной модели.

– В долину, мисс?

– Да, да, в долину.

– Подвезу, садитесь. Да не надо меня бояться. Я Джон, Джон Джонсон. В долине у меня свой дом, ферма, хозяйство, – деловито провозгласил шофер.

Поразмыслив, Ева взгромоздилась на заднее сиденье, слегка напоминающее телегу. Сумки уютно устроились рядом.

– Я, кажется, ваша новая учительница. То есть очень на это надеюсь. Кстати, вы не знаете, где тут живет мистер Блэквуд?

– Ну, кто ж его не знает? Он у нас, ясное дело, фигура известная, уважаемая. Да, да, мисс, уважаемая. Председатель попечительского совета..., – и далее в таком же духе Д.Д., как его мысленно окрестила Ева, продолжал всю дорогу. Вывалив на девушку весь ворох чрезвычайно важной, как он полагал, информации, Джон перешел к ожиданиям и чаяниям местных жителей по ее поводу.

– Мы, собственно, с прошлого месяца без учительницы. Все вас ждем, Джеки с Томом даже пари держали, как вы будете выглядеть... – Тут он смутился и покраснел, что было заметно даже под слоем загара, пыли и широких полей заломленной за ухо шляпы. – То есть я, конечно, ничего подобного не представлял, но ребята волнуются, сами понимаете... Прежняя-то классная дама отличалась тем еще характером. Линейками ребят по пальцам лупила, даром, что постоянно хвораю, так травяными своими настойками всех соседей извела. Вечно нервами жаловалась, а потом и вовсе ушла из-за пустяка. Ну, подумаешь, большое дело, пошутили ребята, засунули ужа ей под подушку, так не со зла же...

Ева усмехнулась, стягивая потертые кожаные перчатки цвета лисы. Но тут Джон опять поперхнулся, видимо, от очередного приступа смущения, и она немедленно приняла серьезный вид. Некоторое время ехали молча. Глядя на медленно проплывающие под мерный стук машины поля, Ева опять ощутила неприятный холодок сомнений, стекающий по позвоночнику вниз. «Что же я делаю, – подумала она. – Что ждет меня впереди?» Голос Джонсона, предупреждающего о близком конце пути, вернул ее обратно в действительность.

– А этот мистер Блэквуд... Мне рекомендовали обратиться к нему. Что он за человек? Хороший? – Ева попыталась улыбнуться, но перчатки в руках почему-то дрожали. Она раздраженно бросила их на сиденье.

– Старина Генри Блэквуд – славный малый. Вот мы к его дому уже почти добрались. Да вы не переживайте, мисс. Строг он, это да, но широкой души человек. С образованием высшим, вот как. Он уже больше двадцати пяти лет председательствует.

Выгрузившись из машины, Ева проводила взглядом весело насвистывавшего шофера и подняла взгляд на дом председателя. И испугалась уже настоящему.

Да, ей уже скоро двадцать, и это ее первая настоящая работа. Вернее, первый настоящий серьезный разговор о приеме на эту самую работу. Шагая к зданию, она пыталась глубоко дышать, но, вопреки советам журналов, это нисколько не облегчило состояние нервозности. Проходя между аккуратных симметричных клумбочек, она остановилась и мысленно приказала себе собраться.

Дом отличался той особой атмосферой, что бывает лишь там, где живут люди, умеющие черпать радости из простой жизни. Он выглядел внушительно, но не вычурно. Старые качели раскачивались перед крыльцом, приглашая сесть в них и помечтать. Широкая веранда словно открывала теплые, приветливые объятия, приглашая взойти. Но, несмотря на это, робость не оставляла ее. Она позвонила. Через некоторое время послышался звук шагов, и дверь отворила маленькая женщина, полная и румяная, с темными глазами, излучавшими уверенность и спокойствие. Женщина внимательно оглядела Еву и с улыбкой произнесла:

– Надеюсь, вы ничего не продаете? Такому хорошенькому коммивояжеру я просто не смогу отказать, а после, наверняка, меня будут терзать муки совести за расточительство.

Ева рассмеялась. В этот момент она вдруг почувствовала себя почти счастливой. Робость исчезла.

– О, нет, что вы! Я новая учительница. Меня уведомили, что первым делом я должна обратиться и побеседовать с мистером Блэквудом. Я могу его видеть?

– Он как раз кончает обедать. Я ему сообщу о вашем визите. А вы уже обедали?

– Да, конечно... то есть, нет.

Миссис Блэквуд, а это была она собственной персоной, неожиданно поребячески ухмыльнулась и, пропуская ее вперед, изрекла:

– Как приятно слышать такие четкие и определенные ответы.

Она провела ее в небольшую, но очень уютную столовую, заставленную мебелью. Не обращая внимания на протесты, усадила и предложила отменное жаркое.

Ева попыталась улыбнуться с набитым ртом и, прожевав, виновато произнесла:

– Я совсем не собиралась... Мне бы только с мистером Блэквудом поговорить, и я сразу пойду... А он, он обычно как, не очень строг с новыми учительницами?

– Ешьте, ешьте, а то худенькая, прямо птичка. Вам надо хорошо питаться, иначе никак не справитесь с нашими сорванцами, – приговаривала миссис Блэквуд, улыбаясь. – А насчет строгости Генри – это уж по обстоятельствам. Если голодный, то прямо зверь, страшно кричит, бокалами швыряется. Но если вовремя покормить – свиреп, но в меру.

Ева опять рассмеялась, ощущая легкий укол зависти к этой беззаботности, заработанной, судя по всему, долгими годами жизни бок о бок с супругом. Миссис Блэквуд тем временем подошла к двери, подтолкнула к ней Еву и произнесла:

– Генри, к тебе гости.

Шкафы, шкафы, шкафы. Шкафы от пола до потолка, набитые книгами. Книги старинные, толстые, невероятные книги, с переплетами на корешках, пахнущие бумагой и чем-то еще. Временем, наверное. Кожаные кресла, с потертыми уютными сиденьями и изогнутыми подлокотниками, тихо скрипящие при каждом прикосновении. И камин. Большой камин с мраморной полочкой, заставленной милыми безделушками, хозяйской трубкой и важно тикающими часами. Кабинет мистера Генри Блэквуда, как и сам мистер Генри Блэквуд, был необычайно уютен и добр. Да, именно так, потому что когда Генри поднял глаза от бумаг на своем столе и, прищурившись, взглянул на нее сквозь слегка мутные стекла очков, Ева подумала, что еще никогда в жизни не видела таких добрых и пронизательных голубых глаз.

Генри Блэквуд тряхнул седой шевелюрой, чинно сложил руки на столе, что никак не вязалось с его добродушным видом. Бросив еще один пронизательный взгляд на Еву, неловко топтавшуюся у двери, он изрек:

– Мисс Грей, да, да, как же. Я вас ждал. Не стоит так волноваться, пройдите, присядьте. Думаю, хозяйка дома уже предупредила вас, что я недавно плотно отобедал и в ближайшие несколько часов не представляю опасности для человечества.

Ева села в недовольно скрипящее кресло и аккуратно, словно школьница, сложила руки на коленях.

– Наверное, нам надо обсудить условия работы... Мне сказали, что относительно места местной учительницы нужно обратиться к вам, – начала она.

– Скажу вам по секрету, милая мисс Грей, вот уж больше двадцати лет на мне лежит почетная должность беседовать с молоденькими учительницами, но я до сих пор не имею представления, как это делается.

– О, я и вправду очень хочу эту работу, просто немного боюсь. Стыдно признаваться, но перед порогом вашего дома я откровенно струсил.

– Напрасно, девочка моя, – Генри задумчиво потер переносицу. – Знаете, как мы поступим? Я тихо-тихо, совсем как чучело вон той совы, посижу в кресле, а

вы расскажете мне, кто же такая мисс Ева Грей и что она из себя представляет. Совсем немного. Просто, чтобы у старой совы сложилось представление о ней.

Ева кивнула. Тряхнула головой, торопливо заправила темную прядь волос за ухо.

И начала вспоминать.

Тихо скрипит покосившаяся деревянная ставня. Этот мерный, непрекращающийся звук выведет из себя любого. Но младшие братья Евы ничего не слышат, с воинственными кличами носясь по маленькому дворику, они играют в индейцев, и самая важная на свете задача для них сейчас – поймать врага и снять с него скальп.

– Ева-а!... Ева, ты что, не слышишь меня? Сколько можно звать тебя, несносная девчонка! Скоро десять лет, а матери помочь и не задумается. Мать с утра до ночи носится, все силы на них тратит, а они... Ева-а!

Вздыхнув, девочка поднимается с грязного крыльца и неохотно бредет в дом, старый, с потемневшей и потекшей от дождей и сырости побелкой. Она знает, что перечить матери бесполезно, та просто отводит душу. Мать и в самом деле устала, никакого дела к Еве у нее нет, она просто хочет, чтобы девочка посидела с ней. Только вот трудовая жизнь нежности не учит. Мать не умеет выражать свою любовь.

– Мышь. Ну, натуральная мышь! Молчит и попискивает. Ты что, слова нормального сказать не можешь? – приговаривает мать, но Ева молча терпит прикосновения грубых, жестких пальцев, когда та пытается причесать ее непослушные волосы. Глаза у матери очень грустные, покрасневшие, передник завязан слегка неряшливо, на ногах потертые тапочки.

На дворе темнеет, покосившиеся ставни закрывают, зажигают свет, но ненадолго – экономия важна. Ева забивается в свой любимый уголок и мечтает о том, как было бы здорово, продай они весь свой скарб и купи много-много книг про животных и путешествия. Мать тонким визгливым голосом зовет ее братьев в дом. Они шумят пуще прежнего и делают вид, что не слышат ее...

– Что ж, если начать с детства, то особо говорить не о чем, кроме того, что мы были бедны. Очень бедны. На самом деле мы едва сводили концы с концами, и матери, для того, чтобы содержать нас, приходилось страшно много работать. – Подумав, Ева добавила: – У меня было три младших братишки. Отец был моряком.

Они всегда ждали его. Ждали по полгода и дольше. Больше всех ждала Ева. Примерно за месяц до предполагаемого приезда отца из очередного путешествия она просыпалась по утрам и наслаждалась грезами о том, что он уже добрался до дома. Вот он идет по тропинке, сейчас заскрипит калитка, послышится характерный звук прогибающихся ступенек на старом крыльце, дверь откроется и послышится папино тихое, ласково-насмешливое: «Мышка! Беги скорей сюда!.. Ты ведь ждала папу, правда, мышка? Я так по тебе скучал!» И Ева пулей вылетит из кровати, прошлепает босиком по деревянным доскам и окажется прямо в его объятиях, таких крепких, пахнущих солью и ветром. А папа хитро прищурится и с видом заправского фокусника вытащит из-за пазухи засаленную книжку. «Остров сокровищ!» Да, теперь эта книжка и есть главное Евино сокровище. А до этого надо лежать, крепко-крепко зажмурившись, и представлять, прокручивая сцену в голове раз за разом, чтобы побыстрее сбылось.

Братья всегда бегали к порту, чтобы встретить отца первыми. Надо признать, Себастьян Грей умел обставить свои редкие визиты в дом родной

с изящностью и блеском. Ему прощалось все. Долгие отлучки, ветреность и невнимательность. Все забывалось от одного только вида отца, его улыбки, подарков, его внимания, такого мимолетного и такого желанного. Сердца детишек со всей округи завоевывал он каждый раз заново за один только вечер, покачиваясь в кресле, нещадно дымя папиросой и рассказывая диких вымышленных небылиц о дальних странах. В эти несколько коротеньких дней ребята семейства Грей ходили орлами. Они были героями недели. И мама, вечно усталая мама, надевала кокетливый вышитый передник, причесывалась по-праздничному и совершенно по-особенному светились ее глаза. Даже ругала детей она иначе, мягко:

– Дети, тише, тише, не помните папин костюм.

– Что касается моей жизни в семье, – ровным голосом проговорила мисс Грей, – я бы сказала, что отца у меня практически не было. Он очень редко когда навещал нас, в перерывах между плаваниями.

Генри Блэквуд с грустью кивнул.

Ева механическими движениями бледных рук разглаживала подол шерстяного платья. Взгляд ее был неподвижен.

Как-то раз отец возвратился домой из плавания с огромным лохматым попугаем на плече. Попугай вращал глазами, щелкал клювом и высокомерно молчал. Детишки были в восторге и немедленно устроили потасовку за право владения пернатым чудом. Но отец только расхохотался и, подойдя к Еве, приподнял ее за подбородок и странно серьезно спросил:

– Как ты хочешь назвать своего попугая, Ева?

– Томас. Я назову его Томас, – сказала Ева.

Ева гуляла с Томасом на плече каждый день. Он почти привык, даже перестал клевать ее за ухо, но никаких звуков по-прежнему не издавал. Ева бродила по округе целыми днями, знакомя Томаса с соседями, школой, забором в конце улицы, у которого были зарыты ее сокровища – медная цепочка и две позолоченные пуговицы с мундира адмирала. Но в одно утро Ева проснулась от истошного крика. Кричал попугай. Ее попугай. Выскочив на улицу через окно на задний двор, она помчалась к соседскому саду, откуда доносились ужасающие вопли. Когда она, бледная, задыхающаяся, домчалась до калитки, от Томаса остались лишь пара цветных перьев в лужице крови и часть вывернутого крыла, торчащего из пасти соседского дога. Дог зарычал, не открывая окровавленной пасти, и уставился на Еву злобными глазами. Она так и стояла у калитки, пока не пришел отец и не увел ее домой. Еве было уже все равно. У порога он прижал девочку к себе, они вместе уселись на ступени и отец тихим голосом, пока в глазах Евы не появился живой блеск, все рассказывал, рассказывал, рассказывал...

Генри Блэквуд внимательно изучал какой-то клочок бумаги на своем столе. По крайней мере, так показалось Еве.

– Когда мне было двенадцать лет, мой отец погиб при катастрофе в море, – сказала она.

Через пару недель блаженства в обществе отца Ева начинала караулить уже другое утро. Оно было неизбежно, и она поджидала его со смешанным чувством горечи и бессилия. За стеной раздавался тихий шорох, растерянный и грустный голос отца – при детях он никогда так не звучал – и подползающее ненавистное утро. Утро отъезда отца. Мальчики каждый раз порывались отправиться с ним, что, естественно, было невозможно. Ева молчала, но в глубине души каждый раз обещала себе, что в одно такое утро отправится с ним. Даже несмотря на то, что она девчонка. Она-то знает, что справится. Они вдвоем были бы лучшей командой. На все времена. Навсегда.

В первые дни после отъезда отца мать всегда бывала сама не своя. Потерянная, одинокая, с заново покрасневшими глазами, она ходила по дому, как привидение, постоянно требуя общества детей. Кокетливый передник, забытый, пылился на кухонном подоконнике.

А однажды он уехал и не вернулся. Не отправлял таких редких, но нужных денег, не писал, не передавал вестей через знакомых. Год. Два года. Три... Потом, в один из вечеров, мать странно быстрой походкой подошла к окну и сказала, что он, наверное, умер. Ева убеждала себя, что есть миллионы причин, по которым человек не может дать о себе знать, сочиняла множество фантастических теорий, с недетским упрямством заставляя себя в них верить. Папа не мог бросить свою Мышку. Просто не мог. Вот он распахивает дверь, широким шагом подходит к Еве, подхватывает на лету, она счастливо смеется, уткнувшись ему в шею, схватившись руками за отвороты грубой кожаной куртки, пропитанной запахом соли и табака...

– Ева, мышка, я никак не мог вырваться раньше, ты ведь не сердись на папу, нет?

Это было смешно, уже тогда она осознала это. Пустые мечты...

Мать изменилась. От горя она просто стала своей собственной тенью. Работать как прежде не могла, часами сидела у окна, смотря вдаль. Мальчишки, чувствуя вину за прежнее невнимание, крутились около нее, но она, прежде столь чувствительная, даже не реагировала. Потом они стали бегать в порт, к причалу, помогали грузчикам, стараясь казаться старше своих лет. Все, что угодно. Хоть какая-нибудь работа. Ева пыталась шить, вязать, мастерила бумажные цветы и стыдливо пыталась продавать их... Но усидчивости ей не хватало и, раздраженно бросив недовязанный шарф, пряча исколотые руки в руках длинного свитера, она убегала ловить рыбу. Братьев видела все реже. Как-то незаметно они стали взрослыми, совсем мужчинами, грубыми, шумными и резкими. Чужими.

– Среднее образование на четыре и пять, потом учеба в учительском колледже. Иногда приходилось подрабатывать, занимаясь с детьми состоятельных родителей, – Ева поморщилась, – чтобы оплатить жилье и еду. Мама ведь умерла, я тогда еще в школе училась.

Генри хотел было выразить сочувствие, но, наткнувшись на ее взгляд, промолчал.

Флинны были семьей типичных, разбогатевших на сомнительных предприятиях, торгашей. Миссис Флинн, вдова с дочерью, недавно снова вышла замуж и наслаждалась новоприобретенным статусом жены. Да так, что когда мимо Евы по вычурным коридорам проплывала туша миссис Флинн, облаченная в малиновый бархат и боа и затянутая самым немилосердным образом, девушка долгое время провожала ее изумленным взглядом. Она никак не могла для себя определить – в годы миссис Флинн и при ее габаритах смотрится ли это более комично, чем печально, или наоборот. Маленькая Маргарет Флинн, курносая девчушка лет семи, с непомерным самомнением, в глубине своей детской души была, пожалуй, неплохим ребенком. Но ни в чем с рождения не зная отказа, была безнадежно избалована. Ева сбивалась с ног, гоняясь по всему городку в поисках именно коралловой ленты для волос, а не розовой или красной. А когда, стоптав всю подошву на башмаках, Ева клала перед ней недавно столь вожделенную ленту, Мэгги очаровательно морщила носик и, встряхнув золотистыми, тщательно уложенными локонами, сметала ее в ящик комода. Ева хмурилась, но ничего не говорила. Выполнять работу гувернантки не входило в ее обязанности, но сообщать о непомерных запросах девчушки блаженно улыбающейся миссис Флинн она не решалась. Престарелая новобрачная мигом выставила бы ее за порог.

В то злополучное утро весь дом стоял вверх дном. Слуги чистили мебель, столовое серебро, посуду, люстры, выбивали ковры и наводили лоск на каждом сантиметре дома. Готовились к прибытию счастливого новобрачного, таинственного супруга миссис Флинн. Сама миссис Флинн в волнении почивала в своих покоях, и, судя по грохоту и мечущимся испуганным служанкам, усердно успокаивала нервы. Мэгги без умолку тараторила о новом «папочке», строя предположения относительно подарков, которые он ей должен привезти. Стоя в конце коридора, Ева с некоторым интересом посматривала на дверь, в которую вот-вот должен был войти новоиспеченный супруг. Дверь распахнулась.

– Мышка! Беги скорее к папочке!.. Смотри-ка, что он тебе привез! – Раскатистый хриловатый бас Себастьяна Грея Ева узнала бы из тысячи голосов. Глаза Евы расширились. Казалось, на всем ее бледном лице нет ничего, кроме этих невероятных, огромных серых глаз. Мэгги, повизгивая, бросилась ему навстречу, он подхватил ее, закружил по шикарному холлу...

Ева Грей развернулась и бросилась бежать.

– Вот, пожалуй, и все. Посетив могилу своего отца, я поняла, что меня больше ничего не держит в родных местах. Забрала диплом, приехала сюда. – Помолчав, Ева выжидательно глянула на мистера Блэквуда. – Как вы считаете, у меня есть шанс получить эту работу?

Он бросил задумчивый взгляд на каминную полку. Неизвестно откуда взявшийся полосатый кот громко урчал в кресле у камина. В холле слышались шаги и неясно различимый тихий голос миссис Блэквуд, отдающей работникам распоряжения по хозяйству. Ева чуть наклонилась вперед, выжидательно глядя на него. Бледная, спокойная.

– У вас есть шанс получить эту работу. По мне, так, кажется, вы уже ее получили. Ну а с жильем, мисс Грей, вы уже определились? Вам ведь необходимо где-нибудь жить.

– Я хочу жить здесь, – фраза слетела с губ Евы даже прежде, чем она осознала, что говорит.

От неожиданности Генри Блэквуд чуть не выронил пепельницу. Увидев его изумленный взгляд, Ева поспешно добавила:

– О, простите, сама не знаю, как вырвалось. Понимаю, что это неуместно, но ваш дом... Он такой... Мне так здесь понравилось, – девушка беспомощно опустила голову.

Ева Грей открыла глаза. Она стояла у окна мансарды в доме Блэквудов. Старинное зеркало в овальной раме отражало кровать, письменный стол и потертый комод. Левая стена от пола была полностью уставлена пыльными томиками. Едва завидев их, Ева поняла, что хочет эту и только эту комнату. Большая клетчатая сумка устроилась у двери, терпеливо ожидая своей очереди. Маленький коричневый саквояж лежал на комод, застежка была открыта и под небрежно брошенными сверху кожаными перчатками цвета лисы виднелась потрепанная обложка «Острова сокровищ».

По носу Евы пробежал солнечный зайчик. Она вдруг во весь рот счастливо улыбнулась.

Жизнь налаживалась.

Лариса Бадаева**Жарадат**

Отрывок из повести

1

В конце сентября разразилась очередная чеченская война, помпезно названная контртеррористической операцией. Но сколько ни называй красный перец сахаром, попробуешь – обожжешься, поэтому горожанам не надо было объяснять, что за этим следует – слишком свежи были в памяти последствия первой операции. Они знали, что им следует делать.

И потекли многотысячные людские потоки в сторону Ингушетии в поисках безопасного пристанища. Люди бросали все нажитое – дома, имущество – с единственной целью – спасти жизни.

С этой же целью готовились в долгую дорогу Хамсат и ее дочери.

– Ну, теперь увидишь своих офицеров – сказала с презрительной насмешкой Жансари сестре. – Правда эполетов с балами не обещаю, но все остальное будет с лихвой.

Жарадат ничего не ответила и только яростнее стала набивать вещами дорожные сумки. Они превращались в особую категорию людей – беженцев. Мать отправилась договариваться с соседом насчет машины. Всех лихорадило.

На следующий день начался их путь из Грозного.

Бесконечно длинная цепь людей, желающих скорее покинуть родные места, встретила их гомоном детей, плачем женщин и стоном стариков. Без малейшего продвижения буксовали на одном месте машины. В этой веренице предстояло пробить, бог знает, сколько времени, дожидаясь своей очереди на пропускном пункте.

Стоял невыносимый зной. Солнце нещадно палило, и его огненные лучи не ведали жалости. Дышать было нечем. Скучая, Жарадат стала разглядывать окружающих. Вон какой-то женщине стало плохо с сердцем. Ее тут же подхватили и отнесли в тенистое место. У какого-то мальчика началось кровотечение из носа от перегрева. И такое стало уже происходить со многими.

Через час и Жарадат, и Жансари с матерью начали терять терпение. Они даже подумывали, не повернуть ли обратно. Однако бороздящие с диким ревом самолеты отбивали охоту возвращаться. Дороги домой уже не было. Ее не осталось.

Но нужно было что-то делать, иначе под этими палящими лучами, дыша расплавленным асфальтом и выхлопными газами, они не добрались бы и до Ингушетии. Жарадат ерзала на своем месте, злясь на себя и собственное бессилие. «Должен ведь быть какой-то выход из этой совершенно дикой ситуации? Что же придумать?» – ломала она голову. Она бросила взгляд на мать – та лежала, запрокинув голову, закрыв глаза и страдальчески морщась. Осененная идеей, Жарадат выскочила из машины, бросив сестре «Я сейчас!», и побежала вперед, расталкивая людей.

На ходу она стала поправлять свои волосы, стянув их резинкой в пышный длинный хвост. Волосы золотыми волнами заструились по спине. На нее стали заглядываться, но она не обращала ни на кого внимания. У нее была конкретная цель. Вот, наконец, она добралась до самой границы, где всюю шел тщательный, если не дотошный, досмотр машин, вещей и документов всех тех, кто жаждал попасть в безопасную Ингушетию. Жарадат, встав поодаль, стала внимательно изучать ситуацию. Она разглядывала лица ингушских милиционеров и следила за их действиями. «К кому же подойти? – думала Жарадат. – К этому?» – она посмотрела на белесого милиционера с маленькими глазками и тонким, длинным носом. Тот важно и с пристрастием проверял багаж одной из машин,

заставляя женщин открывать сумки, чемоданы, развязывать узлы. «Нет, у него вид недобрый. Может, этот?»

Она посмотрела на молоденького милиционера, сержанта, жалостливо глядевшего на измученных людей. «Нет, не этот. Он слишком юный. От него ничего не зависит». Другие кандидатуры ее также не устраивали. Она уже почти отчаялась, как из толпы вышел высокий чернявый милиционер с капитанскими погонами. У него было такое обаятельное, располагающее к себе лицо, что у Жарадат не возникло ни тени сомнения. «Он! Он поможет. Обязательно!»

Она вышла из своего укромного места, подбежала к нему и запыхавшимся голосом, готовая вот-вот расплакаться, обрушила на него поток отчаянных слов:

– Помогите, помогите! Ради всего святого, ради Аллаха! Вы же мусульмане, вы же наши братья, помогите... Там... – она рукой показала вдаль колонны. – Там мама, ей плохо. Очень плохо!

Милиционер с удивлением и участью посмотрел на девушку, почти девочку с роскошными волосами, точно золотом покрывавшими ее узкую спину. В ее больших светлых глазах застыл страх за мать, полные красные губы трогательно дрожали. Во всем облике было столько мольбы, что даже самое каменное сердце дрогнуло бы, самое ледяное растаяло бы, а сердце этого милиционера не было ни каменным, ни ледяным – оно отзывалось на человеческую боль.

– Хорошо, хорошо, девочка, мы обязательно что-нибудь придумаем.

– А вдруг она умрет?

Эти слова были полны такого ужасного смысла и так потрясли и саму Жарадат, что она неожиданно по-настоящему расплакалась, словно поверив в свою же выдумку.

Глядя на плачущую девочку, не выдержал и молоденький милиционер.

– Надо помочь людям. Нельзя этого допустить – совсем не по уставу обратился он к черноволосому капитану. Тот согласился.

– Где вы находитесь? – обратился капитан к Жарадат.

– Там... – махнула она крошечной ручкой. – В самом конце.

– Иди, разберись, посмотри, что и как там, – бросил он молоденькому сержанту.

– Спасибо, большое спасибо, – стала осыпать его благодарностями Жарадат. – Бог не забудет вашу доброту!

К ней тут же вернулось хорошее настроение, и она вместе с сержантом заспешила к своим.

– Только бы мама не подкачала, а то некрасиво получится, – думала Жарадат. На ее счастье, мать находилась все в той же полудреме. Жарадат сквозь окно машины увидела, как Жансари провела рукой по лбу матери.

Все получалось так естественно, что Жарадат даже несколько испугалась: уж не накликала ли она беду? Однако безмятежное лицо сестры ее успокоило. А та, завидя их, вышла из машины и вопросительно уставилась на милиционера.

Пришлось Жарадат объяснить:

– Этот милиционер хочет нам помочь. Я им рассказала про болезнь мамы и вот он здесь, чтобы нас провести через границу.

– Да, да, – подтвердил тот слова Жарадат. – Я помогу. А у вас есть, где остановиться, когда приедете в Ингушетию?

– Вроде бы, да, – Жансари постепенно начинала понимать происходящее. – У меня там университетская подруга живет. Она обязательно примет.

Милиционер кивнул в знак одобрения.

– Отлично. Но если с жильем вдруг не получится – мало ли что – вы приходите ко мне домой. У нас дом большой и родители хорошие, добрые – примут. Вот адрес.

Он протянул бумажку.

– Меня зовут Мурад. – застенчиво представился он, обращаясь к Жарадат. Но вместо нее ответила Жансари:

– Мы запомним. Спасибо тебе, ты очень славный.

Ей определенно понравился этот отзывчивый на чужую беде парнишка: – Обязательно придем если что.

Сержант сел к ним в машину на переднее сиденье и, когда машина тронулась с места, высунувшись из окна, стал требовать, показывая руками, чтобы освободили дорогу для проезда. Так они добрались до самого КПШ. После формального досмотра они благополучно пересекли границу.

Ингушетия встретила их размеренным, чуть ли не сонным ритмом жизни. Никто никуда не торопился, не суетился, а главное, из-за чего она была столь вожденной для беженцев – никто ничего не боялся. Над Ингушетией сияло мирное небо. Назрань было не узнать – город отстроился, похорошел. Кругом возвышались новые дома, били фонтаны, зеленели парки. Как когда-то в Грозном...

Вскоре они добрались до дома подруги Жансари. Это был даже не дом, а целый комплекс домов из красного кирпича, скрытый от посторонних глаз высоким забором с массивными железными воротами. Девушки осторожно постучали. Через некоторое время вышел мужчина и в немом вопросе уставился на прибывших.

– Миновси здесь живет? – очень вежливо осведомилась Жансари. – Я ее подруга из Грозного. Мы вместе учились в университете.

Он долго соображал, переваривая сказанное, и, наконец, произнес:

– Миновси жила, но теперь она замужем, давно уехала из республики. Еще что-нибудь?

– Нет, баркалла, ничего.

Мужчина исчез за воротами дома.

– Что же делать? – Жансари растерялась от такой неудачи. В машине напряженно ожидали мать и водитель.

– Не переживай! – бодро ответила ей Жарадат. – Что-нибудь придумаем. Кстати, у нас и адресок есть того милиционера, Мурада, кажется. Моя милиция меня бережет. В конце концов, нагрянем к нему! – Жарадат засмеялась.

– Как у тебя все легко, – покачала головой Жансари, немного, впрочем, приободрившись. – И как тебе все удается?

– Меня моя звезда охраняет, – хитро прищурилась Жарадат.

– Какая еще звезда? Фантазерка ты!

– Обыкновенная. Ночью покажу. Лучше скажи, больше никого не знаешь, к кому можно пойти?

– Есть еще адрес. Только не знаю...

– Поехали.

Не дав сестре закончить, Жарадат устремилась к машине. Жансари не переставала ей удивляться.

Однако и с этим адресом случился прокол – там уже поселились беженцы, и места свободного не было.

Устав от поисков, голодные, они остановились около базарчика – нового торгового центра «Мархаба», чтобы купить еды и перекусить. Вокруг сновали толпы людей – местные и вновь прибывшие из Чечни. Сидя на лавочке перед автовокзалом Жарадат с аппетитом уплетала булочки, запивая их соком. В этот момент ее мало заботило отсутствие жилья. Какой-то мальчик лет трех вертелся вокруг нее, играя с большим надувным мячом. Пару раз Жарадат сама кинула ему обратно мячик. Но вот неожиданно мячик закатился под стоявшую неподалеку легковую машину. Малыш побежал вытаскивать его из-под колес автомобиля. И вдруг автомобиль взвизгнул – водитель, сидевший за рулем, нажал на газ, совершенно не видя, что происходит вокруг его машины. Один миг – и мальчик будет раздавлен... В два прыжка, с ловкостью дикой кошки, Жарадат оказалась около ребенка и схватила его уже из-под задвигающихся колес. К ним запоздало бежали люди, напуганные увиденным. Весь бледный, водитель вышел из машины, он был растерян и не знал, как себя вести.

– Я его совершенно не видел. Он же такой маленький, – бормотал он.

– Ма-лень-кий, – протянула язвительно какая-то женщина, – Мозги у тебя маленькие. И как только таким права дают – жизни им доверяют? Благодарю эту девочку, а не то...

Она не договорила, но тот и так понимал, что означает это «не то».

Наконец, прибежала и мать ребенка. В руках у нее были стаканчик мороженого и пакет с кукурузными палочками.

– Вот, – указали ей на Жарадат, – она только что спасла твоего сына.

Женщина была молодой, с тонким, нежным лицом. Она глядела то на сына, который пытался заполучить лакомство из ее рук, то на Жарадат, и от потрясения не в силах была вымолвить ни слова.

– Ладно, – махнула рукой Жарадат, собираясь уйти. – Все в порядке. Впредь не оставляйте сына без присмотра.

– Да я только на минутку, билет купить и это мороженое, – сказала женщина и, видя, что Жарадат уходит, быстро остановила ее:

– Постой, девочка, вы беженцы?

– Да.

– А есть где остановиться?

– В общем-то, пока нет, – помедлив, честно призналась Жарадат.

– У меня есть комната. Под навесом. Мне она совсем не нужна. Пойдем, где твоя семья? – женщина говорила быстро, точно боялась, что Жарадат уйдет, не дослушав ее.

Но Жарадат обрадованно заморгала золотистыми ресницами:

– Здорово! – только и сказала она.

Вопрос с жильем был решен.

2

Люба, так звали женщину, привезла их к себе домой в село Ачалуки. Кроме мальчика, у нее были еще две дочери десяти и девяти лет. Как выяснилось позже, муж у нее погиб в автомобильной катастрофе год назад – ехал в гололед и не справился с управлением.

На шум остановившейся машины вышли две симпатичные девочки и сразу же без лишних вопросов стали помогать женщинам вносить вещи в ту самую комнату под навесом. Сама Люба с детьми жила в отдельном кирпичном доме.

Комната была вполне приличной, правда, виднелись подтеки на потолке – видимо, крыша протекала – зато она была с печкой и кое-какой мебелью.

Быстро разложив нехитрые пожитки, расстелив постель, Хамсат с дочерьми почувствовали приятное расслабление и долгожданный покой. Тихо беседовали.

– Мир не без добрых людей – правду говорят. Посторонний человек – а надо же привезла нас к себе, приютила.

– Мы бы ведь тоже так поступили. Ведь правда?

– Конечно...

– Не помешала? – неожиданно вошедшая хозяйка прервала разговор. В руке у ней был поднос с едой и чаем.

– Вот, поешьте, с дороги ведь. Все что есть пока.

Девушки приняли поднос и расставили на столе жареную картошку, салат, сметану и чай. За обедом все разговорились, заново перезнакомились, каждый стал рассказывать о своей жизни.

Люба поведала историю гибели мужа, вновь переживая горечь утраты...

– Не знаю, как бы я жила дальше, если бы и сын вот так, как отец... – она осеклась на полуслове, но потом справилась с собой и продолжила:

– Ваша дочка – она как ангел, спустившийся на землю, чтобы спасти Османа. Никогда этого не забуду. Живите здесь, сколько хотите – это теперь ваш дом.

И они стали жить, потихоньку привыкая к традициям и укладу местных жителей.

Село Ачалуки расположено на территории сплошь холмистой, и оттого дома кажутся хаотично разбросанными по всем этим самым холмам. Но это только на первый взгляд. Затем уже начинаешь различать улицы и переулки, и, следовательно, понимаешь, что никакого хаоса нет и в помине – просто в силу особенностей ландшафта люди приспособливают к ним свои условия проживания. Приспособились они и к всевозможным спускам и подъемам, соответственно, и дома строят здесь с учетом всего этого, а потому жилища издали кажутся вросшими в холмы. Однако, в основном, дома тянутся вдоль широкой, заново отстроенной магистральной трассы Назрань – Малгобек.

Если идти по этой самой трассе вверх в сторону Малгобека, то перед тобой откроется вся социально-хозяйственная и культурная жизнь сельчан. Впереди расположились частные магазинчики с аляповатыми вывесками и броскими названиями «Роза», «Залина», «Марьям», далее находятся школа, библиотека, сельсовет. Здания эти далеко не новые, но зато ухоженные, чистые, в прекрасном состоянии. Около сельсовета всегда много машин и солидные дядьки со значением в лицах вечно снуют здесь взад и вперед.

Прямо за сельсоветом открыта новая красивая мечеть с высоким стройным минаретом, с которого в определенные часы раздается протяжный и благозвучный голос муллы. А вот и старый магазин времен совдепа, с такой до боли знакомой вывеской, вызывающей ностальгические нотки – «Продтовары». Товаров сейчас там нет уже давно, зато появилась новая особенность, характерная для сегодняшнего времени – именно здесь организована миграционная служба для беженцев, решивших пережить время войны в этом селе.

Очень скоро здесь наладили систему выдачи бесплатного хлеба и продуктов для переселенцев из Чечни. Отныне и надолго на территории вокруг магазина стали царить шум и гвалт ставших на учет людей. Были зарегистрированы как вынужденные переселенцы и Хамсат с дочерьми. Получать хлеб и другую гуманитарную помощь стало обязанностью Жарадат, которую она выполняла легко, непринужденно и добросовестно. И не было случая, чтобы она позволила кому-то опередить себя и тем самым остаться без продуктов. И дело было вовсе не в продуктах – просто Жарадат, с ее честолюбивым характером, не было свойственно терпеть от кого-либо поражение, но при этом она без сожаления отдала бы последнее тому, кто нуждался больше нее самой.

Каждый день без напоминаний Жарадат отправлялась за своей нормой гуманитарного хлеба. Отправилась она и на этот раз.

Вообще, что может быть унижительнее для здоровых, работоспособных людей, чем стояние в очереди за бесплатной едой? Это не что иное как оскорбление личности, которую, по воле сильных мира сего, преследующих корыстные цели, поставили в положение бессловесной скотины. Потому-то Жансари никогда не появлялась во время подобных раздач на территории миграционной службы. Она считала это последней гранью вынужденного падения человека и не могла себя пересилить. Зато Жарадат несколько не мучила себя подобными нравственными тонкостями и, с абсолютно невозмутимым лицом, получала все, что там давали. Она никогда не предавалась размышлениям по поводу того незавидного положения, в котором они находились, спокойно стояла в очереди за хлебом, болтая о пустяках с ровесницами, коротая тем самым долгие и томительные минуты ожидания.

Хлеб, который привезли на этот раз для них, был испечен крайне недобросовестно. Это видели все, но почему-то скромно молчали.

Получив низкий, непропеченный и оттого тяжелый хлеб, Жарадат покачала головой:

– Могли бы и постараться. Ведь не для скотины же пекут.

Раздатчица следом не преминула бросить колкое:

– Скажи спасибо, что бесплатно дают.

Ее тут же поддержала та определенная категория женщин, что вечно заискивает перед миграционным начальством:

– Вот именно. Даром берут, еще и нос воротят.

Жарадат круто обернулась, и ее светлые глаза гневно остановились на произнесшей эти слова женщине:

– Почему это даром? Может, ты и берешь даром, но остальные за это платят своими домами, имуществом и даже жизнями. Понятно?

Женщина лишь растерянно заморгала глазами. Но ее поддержала другая, видимо, знакомая, из чувства солидарности:

– Так ведь могли бы и это не давать.

– Могли бы и не бомбить, – отрезала Жарадат и, положив хлеб в сумку, громко потребовала:

– А ну дайте пройти, чего обступили? В очереди стоять не можете?

– Ишь какая, все ей мало! – опять раздался голоса, но теперь они звучали с уважением.

В словах Жарадат была суровая правда, и люди не могли не почувствовать этого.

3

Проходили дни, затем недели. Казалось, военная операция вот-вот закончится, и они уедут домой. Но время уже шло к зиме, а конец почему-то не наступал. Однажды, после сильного дождя, Жарадат и Жансари пришлось забраться на обветшалую крышу. Жансари стала обмазывать цементным раствором щели вокруг печной трубы, а Жарадат укладывала плотно друг к другу куски рубероида. Работа у последней явно не клеилась, и она стала утрачивать к ней интерес. Девушка отвлеклась тем, что стала смотреть по сторонам, любуясь местным, сплошь холмистым ландшафтом. Дома в селе были расположены далеко друг от друга и во дворе каждого имелись огороды. Но зато почти не было ни садов, ни деревьев, как в Чечне. Здесь трудно с водой. Вот к дому подъехала роскошная иномарка и из нее вышел хорошо одетый молодой человек.

«Неужели к нам?» – подумала Жарадат, заметив парня.

И словно отвечая на ее вопрос, он вошел во двор.

Жарадат овладело любопытство. Появление молодого человека стало ее занимать больше, чем вонючий, липкий рубероид.

– Эй! – крикнула она сверху. – Ты к кому?

У нее были все основания так кричать: хозяйка отсутствовала, а следить за домом было поручено ей, Жарадат.

Вздрогнув от неожиданности, парень стал оглядываться по сторонам, не понимая, откуда доносится голос.

– Да посмотри вверх, не стесняйся! – вновь раздался тот же голос, уже насмешливо.

Он поднял глаза и увидел девчонку, которая нахально, как ему показалось, глядела на него сверху вниз и при этом зубоскалила.

– Если ты к Любе, то ее нет!

Парень поморщился: тоже орать, уподобившись этой хулиганке?

Но, постояв минутку, он все же крикнул:

– А ты кто такая?

– Я? – Жарадат так и подмывало сказать что-нибудь задиристое, но она благоразумно ограничилась безобидной фразой:

– Я здесь живу.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

Но парень, не удостоив ее ответом, повернулся спиной, чтобы уйти и дожидаться прихода хозяйки на улице, не понимая, что тем самым нанес чувствительный удар по самолюбию Жарадат.

– Ну, погоди! – сказала она достаточно тихо, чтобы не услышал этот задавака, но и достаточно громко, чтобы сестра, возившаяся на другом конце, спросила подозрительно:

– Ты что задумала?

– Увидишь. Сейчас произойдет неслыханный акт милосердия и помощи!

Жарадат пододвинулась к самому краю крыши так, что торчала одна ее голова и просительным голосом, вложив в него всю нежность, на которую была способна, позвала:

– Парень, парень, ты бы не мог помочь? Ничего не получается. Все руки исцарапала, а толку никакого. Без настоящей мужской силы ну никак не обойтись. Да к тому же я ужасно боюсь высоты... Пожалуйста, очень тебя прошу!

Молодой человек хотел было резко отказать, но голос был теперь таким ангельским, таким мелодичным, словно исходил из самого рая. Он готов был поклестаться, что отродясь не слышал ничего даже отдаленно похожего. Он обернулся и тут же встретился глазами с Жарадат, которая смотрела ласково и вместе с тем по-детски беспомощно. В эту самую секунду ее курчавые косы, выскользнув из-за спины и, сделав виток в воздухе, повисли длинными золотыми жгутами.

У парня перехватило дыхание. «Какая красавица!»

Дав ему немного наглядеться на себя, Жарадат тем же сладким голосом повторила свою просьбу. Очнувшись, парень ответил:

– Охотно, а что делать?

– Полезай наверх, тогда узнаешь!

И парень, позабыв о своей дорогой одежде, о цели своего приезда и видя только девушку с золотыми косами, ловко поднялся на крышу...

Когда возвратилась Люба, они уже почти управились. Хозяйка оторопело уставилась на молодого человека, который, закатив рукава рубашки, лихо стучал молотком на самом верху старенькой крыши. Рядом командовала Жарадат. Это зрелище настолько ее позабавило, что она громко расхохоталась, ударяя себя по бокам.

– Умалтгири, ты ли это?! – наконец сквозь слезы смогла произнести она.

– Когда ты в последний раз держал молоток, не припомнишь?

Затем обратилась к Жарадат:

– Ты что с моим братом сделала, чертовка?! Случаем, не околдовала?

Жарадат только фыркнула и стала первой спускаться. Работа была завершена.

С тех пор Умалтгири стал часто появляться в доме своей двоюродной сестры. Однако специально с Жарадат он не заговаривал, а лишь обменивался парой другой дежурных фраз, если приходилось с ней сталкиваться. В свою очередь и Жарадат не стремилась навязывать ему свое общество, вела себя, как всегда, естественно и непринужденно. Но однажды он все же решился.

Как-то в один из ноябрьских дней, когда во дворе было на удивление тепло и светило прощальными лучами лета солнышко, Жарадат затеяла шумную игру с дочерьми Любы – Марифой и Ханифой. Смысл игры заключался в том, что каждой по очереди завязывали глаза, и тогда Жарадат должна была с предельной меткостью бросать остальным мяч на слух. Девчонки в восторге визжали, когда им удавалось обыграть Жарадат.

– А ну давай, кидай! Кидай сюда! – кричали они ей, хлопая в ладоши, и при этом зорко наблюдали за тем, чтобы та не жульничала – не подглядывала сквозь ткань повязки. При желании Жарадат это запросто проделала бы, да так, что те не смогли бы ни к чему придраться, но нужды в этом не было никакой – отличный слух Жарадат без труда справлялся с задачей, да к тому же так было гораздо веселей. Она кинула им мяч и приготовилась было поймать его обратно, но девчонки почему-то медлили.

– Марифа, ну же! – нетерпеливо крикнула Жарадат. – Уснула что ли?

Однако по-прежнему было тихо.

– Ну, кому говорят! Мне уже надоело!

Девчонки хихикнули.

Рассердившись, Жарадат сорвала повязку с глаз и увидела стоявшего прямо перед ней Умалтгири с мячом в руках. Он смотрел на нее и улыбался. Жарадат

стало неловко. Она смущенно пригладила волосы, рассыпавшиеся во время игры непокорными колечками у висков и вокруг шеи, но не отвела взгляд.

– Со мной не хочешь поиграть? – спросил Умалтгири, по-прежнему улыбаясь. Жарадат оправилась от смущения.

– Ну что ж, давай, сыграем, посмешим народ, – иронично ответила она. Теперь смутился он.

Девочки стояли рядом и с интересом наблюдали за этим диалогом. В их возрасте подобные разговоры взрослых всегда волнительны и полны таинственности и запретного соблазна – в возрасте, когда маленькая зеленая почка только-только начинает превращаться в бутон.

Умалтгири бросил им мяч:

– Идите, поиграйте.

Догадавшись, что они мешают, девочки без лишних слов ушли вглубь двора и там уже между собой кидали мяч, правда, без бывшего азарта. Глаза их нет-нет да поглядывали в сторону говоривших.

– Как вам живется? – задал вопрос Умалтгири.

– Отлично, – просто ответила Жарадат. – Для беженцев лучше не бывает.

– Люба не замучила?

Жарадат подняла на него удивленные глаза.

– А она разве может кого-нибудь замучить? Или ты не знаешь своей сестры? Скорее, мы ее мучаем не по своей, конечно, воле. Мы бы и рады уехать, да пока некуда.

Она говорила правду – им сейчас не следовало никуда ехать – слишком рискованно.

– Не нужно никуда уезжать, – словно испугавшись самой мысли об их отъезде, быстро заговорил Умалтгири. – Не нужно. Здесь хорошо, спокойно. И воздух! Почувствуй, какой воздух! – Он поднял голову кверху и потянул носом: – Почувствуй!

Но та продолжала просто стоять, глядя чуть исподлобья на этого большого, широкоплечего парня с чистым гладким лицом, которое немного портил, нет, не портил, а придавал излишнюю жесткость, тяжеловатый подбородок с ямочкой. Зато глаза у него были живые, выразительные, полные неумного, как и у Жарадат, честолюбия и упорства.

– «Боже, о чем я говорю! При чем тут воздух!» – пронеслось в голове Умалтгири и ему вдруг стало стыдно за свои только что произнесенные слова, показавшиеся сейчас ему ужасно глупыми. Хотелось говорить толково, умно, красиво, чтобы произвести впечатление на эту девчонку, как если бы он его произвел на делового партнера, ученого или еще на кого-то, не важно на кого, лишь бы умного и образованного. Он напрочь забыл, что такие слова вовсе не обязательны для молоденькой девушки, что не стоит так себя мучить, подбирая мудреные фразы, достаточно сказать ласковое, нежное. Они ведь любят, когда нежное. Но сейчас он нисколько не осознавал это и говорил о политике, о войне, о силах, стоящих за этой войной, о мировой экономике, которая также зависит от того, будет ли война продолжаться или нет.

А она в свою очередь стояла и думала: какой умный и многознающий этот Умалтгири, только зачем ей это все, ведь она ничего не понимает ни в политике, ни в финансах, и не все ли равно какие силы стоят за этой войной, раз та продолжает идти, главное – когда она закончится. А этого не знает никто.

Он находился в счастливо-восторженном состоянии, что, наконец, встретил свою девушку.

А ей было неловко за свое равнодушие ко всем этим сведениям, которыми сыпал Умалтгири, и чувствовала она себя полной невеждой в глазах этого задаваки-всезнайки, а самое главное, что поразило ее саму – это то, что ей впервые было безразлично – нравится она кому-то или нет – ей было скучно.

– Я должна идти за хлебом, – заявила она ему. – Я, по-моему, опаздываю.

И вмиг все пропало – и мировые цены, и котировки акций, а также война с ее

причинами и следствиями. Он остановился на полуслове, вдруг осененный, что снова говорит не те слова.

– Я завтра еду в Нальчик. Скажи, что тебе привезти? Я ведь в этом не разбираюсь. Пожалуйста, помоги мне сделать тебе приятное, – произнес он неожиданно, круто повернув тему.

Жарадат тихо засмеялась. Так журчит весенний ручеек в лесу или колокольчики звенят в какой-нибудь затейливой игрушке.

– Хочу подвески. Привези мне алмазные подвески и непременно двенадцать штук, – шаловливо не попросила – приказала Жарадат.

– Что? – переспросил он, не поняв сути вопроса.

– Подвески!.. – повторила Жарадат свою просьбу и вновь засмеялась. – Книжки надо читать, – заявила она таким важным тоном, словно сама прочла все книги мира.

«Три мушкетера» была одной из тех трех книг, которые и прочла за свою жизнь Жарадат, да и то не сама прочла, а Жансари ей читала, надеясь тем самым хоть немного привить в ней любовь к этому занятию.

А третьей прочитанной книгой была повесть Киплинга «Маугли», в которой ей больше всего нравилась грациозная пантера Багира.

Это и был весь интеллектуальный багаж Жарадат, скудность которого ее, как отмечалось ранее, нисколько не смущала.

Умалтгири, сбитый с толку, вначале не мог сообразить, о каких алмазных подвесках она говорит. Потом догадался, и это обидело его, по самолюбию ударило – ведь он так искренен с ней и желание его сделать ей приятное идет от самого сердца. Он бы привез ей эти подвески, Бог свидетель, достал бы, где-нибудь – сейчас это не проблема, если б она просила их всерьез. Но она смеется над ним. «Боже, зачем она смеется? Разве я так смешон или мое предложение такое дурацкое?»

Она поняла его.

– Не обижайся, – попросила его Жарадат. – Глупая я, вести себя не умею. Ничего не нужно. Спасибо на добром слове, считай, что этим ты уже сделал мне подарок.

– И все же, – настойчиво упрасивал ее Умалтгири, уже забыв о самолюбии. – Скажи.

– Нет, не нужно. Ничего не нужно, спасибо.

Ей и впрямь ничего не нужно. Хороший он парень, этот Умалтгири, правда, чрезмерно обидчивый и самолюбивый, но хороший. А сердце... сердце молчит почему-то. Не раскрывается оно. Резвится пока Жарадат, зубы всем скалит, головы морочит, дерзит и шутит с кем ни лень, но сердца своего еще не слышит. Не пришло, видать, еще время, не пришло...

Совсем скоро за чаем между двоюродными братом и сестрой начался доверительный разговор.

– Тебе нравится Жарадат? – без всякого вступления прямо спросила Люба. Умалтгири почувствовал себя так, словно его внезапно окунули в ледяную воду. Лицо его покраснело, он перестал помешивать чай.

– С чего ты это вдруг взяла?

– Брось, и так все видно. Не ради же меня ты сюда зачастил? Или у тебя дела какие со мной завелись?

– Ну, допустим, что ты права, – сдался Умалтгири.

– Слава Богу! Замечательно! Женишься, наконец! – удовлетворенно воскликнула Люба. – Жарадат, конечно, чертенок, но она и ангел тоже.

– У тебя все в одну кучу – и черт, и ангел, – иронично улыбнулся Умалтгири.

– Не у меня – у Жарадат. И ты знаешь, это исключительная правда – она плутовка с ангельским личиком и чистой душой.

Умалтгири вспомнил первое знакомство с девушкой, крышу и золотые косы. «Моя золотая девочка», – волна нежности захлестнула его. Он уже видел ее своей

и не представлял иначе. А вслух, пытаясь скрыть истинные чувства, произнес ворчливо:

– Ну да, женишься на такой и пляши потом всю жизнь под ее дудку.

Люба рассердилась.

– Ах, вот ты как. Да по мне лучше быть под пятой умной, расторопной жены, чем терпеть амбиции какой-нибудь ограниченной стервы.

Умалтгири рассмеялся и шутливо в знак примирения поднял руки вверх:

– Сдаюсь и молчу. Поступай, как знаешь. Я не против.

Вечером Люба зашла к своим квартиранткам. Вежливо поговорив о том-о сем, она приступила к главному.

– Трудно в наше время иметь взрослых дочерей, и одеть их надо по последней моде, и обувь. Всего не перечислишь. А где денег столько взять?

– И не говори, – поддержала ее Хамсат, пытаясь понять, к чему клонит хозяйка.

А та продолжала:

– Одно спасение – поскорее их замуж выдать.

– Оно-то верно, – согласно кивнула Хамсат. – Да где нам сейчас женихов отыскать?

Выдержав паузу и многозначительно посмотрев на Жарадат, Люба произнесла осторожно:

– Один такой нашелся. И красивый, и умный, и зарабатывает. А семья какая? Во всей Ингушетии порядочней не сыскать.

– Да кто же он такой? – изумилась Хамсат. – Мы его знаем?

– Конечно! Это Умалтгири.

Наступило молчание. Было слышно, как гудит огонь в газовой горелке и ветер свищет за окном.

Наконец заговорила Хамсат:

– Да я только рада, – голос ее звучал немного неуверенно. – Жансари давно пора замуж, засиделась уже в невестах.

При этих словах Люба пришла в некоторое замешательство. Жансари тут же вся вспыхнула:

– Не обо мне речь идет, мама, о Жарадат.

– Жарадат?

– Да, да Жарадат, – обрадованная, что ее, наконец, все же поняли, закивала головой Люба, – Умалтгири только о ней и думает, не ест, не пьет, на глазах сохнет. Вы уж пожалейте человека, не дайте умереть, – пошутила она.

Жарадат прыснула и, внезапно вскочив с места, схватила ведро и метнулась к выходу.

– Пойду, воды принесу.

Когда она ушла, Люба с новыми силами принялась уговаривать Хамсат:

– Ты мать, тебе и решать. Но я только скажу, что своим дочкам не пожелала бы я лучшего мужа, чем Умалтгири. Подумай хорошенько, не упускай счастья дочери.

С этими словами она поднялась, пожелала спокойной ночи и ушла к себе, предоставив Хамсат размышлять над будущим ее дочери.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросила она старшую, когда хозяйка удалилась.

– А что мне думать? – пожалала плечами Жансари. – Это Жарадат должна думать, а не я. Ее ведь сватают.

– Как? Тебе безразлична судьба сестры? – изумилась мать.

– Нет, конечно, но, что бы я ни думала, она поступит так, как захочет. Ты ее знаешь. И вообще... у меня своих забот хватает.

– Но нельзя же так, дочка. Или ты... – мать внимательно посмотрела в ее глаза. – Или ты... завидуешь? Не надо, дочка, и ты будешь счастлива.

– Вот еще. Было бы чему завидовать, – запальчиво ответила Жансари. – Знали и получше. Так что, ты зря, мама, так со мной.

А Жарадат наотрез отказалась выходить за Умалтгири.

– Нет, нет, нет, – только и произносила она всякий раз, когда мать пыталась заговорить с ней на эту тему.

Хамсат не узнавала свою меньшую дочь: такая всегда ласковая, она сейчас просто взбесилась: не хочу – и все.

– Но почему? – спрашивала мать.

– Я учиться хочу. В институт поступать. Да и рано мне думать о семейной жизни: какая из меня жена, посуди сама? И к тому же неприлично: сначала выдадим Жансари и только потом моя очередь, но не раньше.

Ну как с ней спорить? Да и что возразить? Нечего. И сколько потом ни уговаривала и ни просила Люба, сколько ни приходил с подарками Умалтгири, – все было бесполезно – Жарадат оставалась непреклонной и твердо стояла на своем.

Ничего таким образом не добившись, ее оставили в покое. Умалтгири больше не появлялся. Жизнь опять стала протекать своим чередом, только Хамсат никак не покидало чувство неловкости и некоторой вины перед хозяйкой.

Зимой к ним пришло горькое известие: их дом в Грозном был полностью разрушен, под руинами было погребено все их имущество. Семья фактически превратилась в нищих бездомных.

Девушки долго не решались сказать об этом матери, но когда все же решились, то были изумлены тем, как спокойно, почти стоически, отнеслась к сообщению их мать. «Ничего, – мудро произнесла она, – зато мы живы и здоровы, Аллах милостив к нам. А тряпки – дело наживное».

«Тряпками» она назвала все нажитое честным, тяжелым трудом имущество. Это был поступок. И девушки по праву гордились своей матерью.

Ближе к весне Хамсат часто стала заговаривать о возвращении в Чечню – нет, не в Грозный – там без жилья им делать было нечего, а в родное село Валерик, где имелся у них небольшой домик. В конце концов, этой идеей она заразила своих девчонок, и те с нетерпением стали дожидаться наступления тепла, чтобы тронуться в путь – домой.

Особенно была рада этому Жарадат, по известным причинам испытывавшая как и мать, некоторые неудобства в этом гостеприимном доме. Иногда она целыми днями просиживала в комнате, не решаясь выйти во двор, дабы лишний раз не встретиться с хозяйкой. Поэтому отъезд в Валерик стал для них избавлением от многих проблем.

Однако, перед самым отъездом настроение Жарадат резко переменилось. Она то ходила задумчивая, то беспричинно смеялась, а как-то раз вечером прижалась к матери и страдальчески прошептала:

– Я боюсь, мама. Может, останемся?

Хамсат только вздыхала да гладила сухонькой рукой ее кудрявую голову:

– Ох, дочка, дочка, беда мне с тобой. Мечешься ты, а чего хочешь – не знаешь. Об одном тебя молю – не навреди себе самой, не оступись.

В один из апрельских дней они тронулись в путь. Погода в этот день, как назло, не задалась – было холодно и накрапывал дождь.

Прощаясь, Люба плакала. Плакали и ее квартирантки.

– Родными вы мне стали. Как же я буду без вас? Осиротеет теперь мой дом...

– Век тебя не забудем, Люба. Доброту твою, сердечность, сострадание к обездоленным. Да не обойдет Аллах твой дом своею милостью. Прощай.

– Прощайте. Да будет свободной ваша дорога.

С тем и выехали.

Элина Сайдулаева

Любовь, как первый снег, приходит

Не стоит в душу лезть,
тревожить чувства –
У всех пути свои, своя судьба.
Чужих ошибок исправлять не нужно.
Для всех быть правильным,
наверное, нельзя.

Как не цветет опавшая листва,
Так же и нам
жизнь не прожить иную.
Ведь каждому дана своя душа
Лишь с тем, чтоб он не лез в чужую.

Вновь живу

Пусть говорят: непостоянна,
Капризна, ветрена, глупа...
Но жизнь моя! Мои ошибки!
И нить судьбы у всех своя.

Нельзя пройти, не оступившись.
Нельзя идти и не свернуть.
И если путь кривой, тернистый –
То это все же мой лишь путь.

В том никого не обвиняя,
Выкручиваюсь, как могу.
В пожаре мук дотла сгораю.
Восстав из пепла, вновь живу...

Не огорчай судьбу

Когда на сердце боль,
не надо плакать.
Открой окно
и в вечность посмотри...
Ты вспомни все, чему была ты рада.
Чему была не рада – все сотри!

Забудь обиды, беды и печали...
Не унывай, не огорчай судьбу.
Она одна, быть может, все исправит.
Ты верь ей, словно сердцу своему.

Судьба, бывает,
не спешит с ответом...
И ты ее в слезах не торопи.
Она порой, как дальняя планета, –
Холодный свет...
Ни капельки весны...

Ее секретов мы, увы, не знаем.
И вечных тайн постичь нам не дано.
Как на кофейной гуще мы гадаем –
Нам плохо будет или хорошо...

Оставь же ей заботы и сомненья...
Поверь в улыбку радужной мечты.
И ты поймешь,
судьба в одно мгновенье
Начнет желать того же, что и ты!

Что есть любовь?

На все слова любви не хватит жизни.
Чтоб чувства описать, не хватит слов.
Лишь тот, кто любит сам
любовью чистой,
Ответить в силах,
что же есть ЛЮБОВЬ...

Любовь, как первый снег приходит,
Зовется «первою» она.
И та, что поздним гостем бродит,
Всегда по-своему мила...

Любовь взаимная бывает –
Когда ты любишь и любим.
Но много горя причиняет,
Когда ты одинок в любви.

Бывает ласковой и нежной,
Холодной, грубой и чужой,
И молчаливо-бессловесной,
И разговорчиво-живой.

То солнечным лучом ласкает,
Горит, как в темноте свеча.
Уколом в сердце больно ранит,
Пронзая лезвием ножа.

Любовь способна быть наивной,
Кристалльно чистой может быть,
И, будучи совсем невинной,
Способна душу отравить.

Иной же раз любовь бессильна
В судьбе что-либо изменить.
Но может стать она всеильной
И звезды с неба подарить.

Любовь умеет стать желанной
И ненавистной тут же быть;
Бывает лживой и обманной
И заставляет все простить.

Простить в разлуке ожиданье,
Измену жалкую простить,
И, став при этом долгожданной,
Про все страданья позабыть.

Любовь – она же жизнь рождает
И круто жизнь перевернув,
Ее нередко прерывает,
В пучине смерти потонув.

Любовь, что плакать заставляет,
Любить друг друга и страдать,
Но вместе быть не позволяет,
И остается лишь мечтать...

Бывает радостной и грустной,
Жестокой, горькой и смешной,
То безответно-равнодушной,
То душит ревностью порой.

С огнем играя, обжигает,
Борясь отчаянно с судьбой.
Любовь сердца воспламеняет,
То страх вселяет, то покой.

И жизнь, и смерть
любови подвластны.
Она всем правит и царит!
Приносит счастье и несчастье
Всем, кто за ней и от нее бежит...

Найди в пучине

Найди в пучине!
Достань из бездны!
Ищи причины,
Чтоб стала прежней.

Спаси от боли.
Подай же руку!
И не такое
Прощают другу.

Верни надежду
И в счастье веру.
Открой же окна
И настежь двери!

Впусти прощенье
И нежность в душу,
Как луч весенний
Сменяет стужу...

Не спорь с собою.
Спроси у сердца,
Кто был судьбою,
И с кем согреться?!

Оно ответит –
Что только с Нею.
И нет на свете
Ее роднее!

Казалось

Казалось, что не все потеряно,
Не все пути к Любви отрезаны,
Когда по жизни шли и верили,
Что Счастье – это дело времени...

Мы выбрали дороги разные
Случайно, а не преднамеренно.
И потому, казалось, счастливы,
Что на Судьбу в душе надеялись.

Казалось, что Она, капризная,
Сведет нас у Любви заброшенной.
Ее теперь за все простили мы,
За все, что было в Ней хорошего.

Фаиза Халимова**Осколок**

Рассказ

Сегодня у мамы день рождения. И мы, ее дети, решили устроить небольшой праздник. Соберемся, поговорим, наедемся, а она вспомнит наши детские шалости, посмеется, потом помолчим. Папы давно уженет... Мамалюбит красный кизилковый сок домашнего приготовления, а я – нет. Удавом окутывают меня при виде напитка тяжелые воспомяя прошлого и душат, душат, душат...

Затянувшееся серой вуалью небо, вместо облаков черные сгустки дыма, волнами поднимающиеся от горящих жилищ. Понемногу, словно небесный дворник, их разметает ветер, но только на время. Просто «железные вОроны» устали, решили подкрепиться, чтобы сильнее ударить, да наверняка попасть. Крылья их перегрелись... Пару банок тушенки и «наводчики железных птиц» вновь готовы отсеивать добро от зла...

Не важно, почему так произошло и кто виноват. Здесь одна правда – страдание. Есть одна истина – смерть. Весна, осень, лето или зима, богат или беден, молод или стар, женщина или мужчина – ничто и никто не имеет значения. Люди делятся только на живых и мертвых и тех, кому бы лучше умереть...

Тишина... только она радует нас, потому что дает возможность вылезти из подвала, вдохнуть, пусть и пропахший гарью, пронизанный криками, воплями и цветными молитвами, воздух и отдышаться. В тишине теперь появилось и что-то зловещее, предательское, пугающее, неестественное... Особенно присутствие темных сил чувствуется, когда они молчат после короткого залпа – значит, гуще закидают огненными стрелами, начнут убивать из гаубиц.

Завидуем мы улетающим мирным птицам и тем, кто ушел в мир другой. Ждем чуда. Не до конца верим, что «ты – меня, а я – тебя» происходит на самом деле. Наивные, думают – это сон, а если нет, то это точно апокалипсис.

Нас шесть, поднявшихся из подземного защищалища душ. Севших за столик в кухне, перекинувшихся короткими фразами, а потом молча съевших вареную картошку – наш завтрак, обед и ужин. Двое взрослых и четыре маленьких... сидим, задумавшись каждый о чем-то своем. Самая крохотная из нас еще не умеет говорить. Сейчас я точно знаю, первое слово пухленькой малютки будет «бум». Она его скажет, увидев проезжающий мимо дома танк. О чем же мыслит маленькое существо? Неизвестно. В сложившейся ситуации оно счастливее всех нас. Не делит людей на плохих и хороших, военных, гражданских – всем верит, а карие глаза с пушистыми ресницами наполнены светом. Смотрю на кроху, проскальзывает мысль: в одном все мы сейчас с малышом схожи – в беспомощности...

Говорят, у человека восемь шансов уйти от смерти. Неужели мы исчерпали весь лимит жизни? Обидно, обидно уходить из-за чьих-то больших «аппетитов»...

Пока мы тут едим последнюю картошку, пока мы собираем останки тех, кто недавно назывались людьми, пока мы хороним их наспех, еле успеваем поставить надмогильный камень, пока мы лежим под руинами... кто-то спокойно ест и смотрит на нас через «телек», как на кукол, как на стечение обстоятельств, как на уместные жертвы. Мы просто статистика... Неужели правда, что ради «великих» интересов в нашей стране ничего и никого не жаль? Пока плачут матери сыновей, кто-то строит будущее своих детей. А мы умираем, а мы пересчитываем друг друга каждый день в подвале... некоторые из нас неизбежно остаются снаружи, став персонажами картин Пикассо на асфальте. Души убитых долго не уходят, не понимают, что их больше нет. Ночью, примерно в двенадцать часов, раздаются шаги. Они окружают нас, требуют открыть дверь нашего убежища. К рассвету расплзаются, подобно утреннему туману. Может, это и вовсе не души, а духи? Не знаю...

Нас шесть... нас все еще шестеро. Мы рады, что нас не достали снайперы и снаряды и не мы остались лежать в красной луже, и гадко на душе за свою радость. Поэтому мы молча едим картошку, запивая чаем. Растягивая каждый глоток, удерживая его сладкий вкус на кончике языка как можно дольше, но не успеваем допить. Подкрепившись, «блюстители конституционного порядка» начинают опять извергать на нас огонь с бранью.

Бежим обратно в подвал. Если не будет прямого попадания ракеты, не закидают гранатами, не подорвут миной, то, возможно, мы выживем... Короткий путь кажется длинным, а ноги слишком короткими, ведь нам нужно успеть, пока нас не завалят стены. Но я отстаю, замедлив шаг, застываю, смотрю вслед отдаляющимся от меня родным. Все, я сдаюсь. Надоело бояться, бежать и прятаться я тоже устала.

«Я готова, убейте меня! Я зде-е-есь!» – кричу, задыхаясь собственным криком. Захлопывается дверь подвала. Взрывается соседний дом: скрежет, дым, разлетаются осколки. Чувствую резкую боль в левом боку, прямо над сердцем – в меня попали. Что ж, мне уже все равно, главное – все мои части тела целы, положат в могилу всю. Прижимаю одеяло, которое успела схватить на ходу. Я стою в центре улицы и смотрю на небо. Нет, я не спрашиваю у небожителей, за что и почему в неполных 14 лет я вот так уйду, не успев никому сказать простую фразу: «Знаешь, ты мне нравишься тоже». Мне повезло больше, чем бедолаге, горящему недалеко от меня. Скоро он превратится в пепел, который ветер разнесет по городу, назойливо застынет у кого-то во рту и его нервно сплюнут... А значит он будет в списках пропавших без вести...

«Вороны» совершают последние добывающие наш город маневры. Доносятся стоны, крики из-под бетонной стены. Вдруг меня хватают чьи-то руки и несут в подвал. Это моя мама. Спрашивает что-то, я не слышу. Лишь прижимаю одеяло изо всех сил, глядя на пятерых родных мне людей. «Нет, никто ничего не узнает, я молча и гордо умру, как умирают многие из нас... Без жалоб, без слез. Да так ценна ли моя жизнь?» – рассуждаю про себя.

Лицо бледнеет, руки ослабли, чувствую, что еще немного и не выдержу, и алая жидкость хлынет из раны, выдаст мой секрет.

Последнюю молитву возношу Богу, закрыв глаза, прошу спасти души тех, кто остается и кто давно не дышит, кто хоть что-то может изменить в этом мире, заставить передумать того, кто решил воевать. Каждый нерв, маленький атом моих клеток, микроскопический волосок, родинка – все задействовано. Я впала в духовное неистовство. Время для меня словно остановилось: затихли звуки в подвале, застыли люди. И те, кто плачет, и те, кто вознес вверх руки, моля Всевышнего, и те, кто, опустивши головы, прижимается к своим родителям – для меня они все как в детской игре «Замри». Страх, усталость, страдания вижу

я на их лицах. А в моей душе смешалась целая гамма самых противоречивых чувств: равнодушие, сострадание, жалость, гордость, смирение, жажда жизни, отторжение жизни, боль... Мышцы лица и тела напряглись, стягивая кожу. Стало тяжело дышать... Как будто произошел взрыв во Вселенной, вырвался крик из самых отдаленных глубин сознания, космических просторов моей души... Выпустила прижимаемое к груди зеленое одеяло. Боль в сердце сразу стихла. Смотрю, а раны нет, и была ли она вообще – неизвестно. Неужели простое самовнушение довело меня до такого состояния? От этой мысли меня охватило безудержное веселье, граничащее с безумием. Застывшие люди ожили и в нас снова стали стрелять. А я хохочу до слез. Мама меня спросила, все ли в порядке, я ответила – да, продолжая смеяться. Когда я успокоилась, спрятала одеяло с красными тюльпанами в деревянный ящик, используемый нами вместо стола. Мое лицо выражало спокойствие и умиротворенное состояние. В ту ночь из нас никто не погиб. Ну а смерть продолжала гулять, пировать в наших краях еще очень долго...

На холмиках, захороненных наспех, растут цветы. Сейчас растут дома, растут другие дети, другие люди и мне чуть больше четверти века. Но осколок время от времени дает о себе знать, сердце ноет по ночам. В памяти прокручивается лента тех событий. Я кричу: «Нет, нет, не нужно! Пожалуйста, я не хочу это видеть!» – закрываю уши, зажимаю глаза, все равно слышу голоса знакомых, ушедших в мир иной в том хаосе... Вижу, как они бегут, падают, разлетаются, снова бегут... и мучаюсь вопросами, и так вновь и вновь, пока не засну опустошенная, уставшая от переживаний на мокрой от слез подушке. Врачи не могут помочь. Они не помогут... Они не поймут, это знаем лишь ты и я, жители подземелья... В моем сердце осколок...

Старик и «гудермесское море»

Фельетон

«Закинул старик невод в море...» – говорил в известной противобуржуазной сказке о рыбаке и рыбке великий русский писатель африканского происхождения (хотя об этом еще спорят) Александр Сергеевич Пушкин. Ну, а моя история – вовсе не сказка, а реальный случай, который произошел в наши дни в городе Гудермес (для тех, кто не осведомлен, – это в Чечне). Так вот, на одной из самых оживленных центральных улиц города – Ватутина, где проезжает основная часть автомобильного транспорта, произошел случай, вызывающий у доброй половины человечества китовые улыбки, искрящийся смех и, безусловно, уважение...

После обильного дождя на этой самой длинной и людной улице лужа, которая давно заняла достаточно большую часть ее территории, разрослась еще дальше и шире. Поскольку Гудермес – современный и благоустроенный город, сия картина заставляла недоумевать и нервничать тех, кто бывал там проездом. А вот жители улицы, казалось, уже привыкли к такой ситуации и понемногу смирились: автомобили, подобно крейсерам, проплывали через огромную распластавшуюся коричневую воду. Ну а кое-кто нашел в этом и интересное для себя занятие – рыбалку. Если качество воды не позволяло даже сделать такой набросок в голове, то размеры лужи, ее глубина этому вполне способствовали.

Серьезно вооружившийся удочкой (ее еще называют «спиннинг») и в резиновых сапогах, у «гудермесского моря» стоял мужчина среднего роста с задумчивым лицом. С виду интеллигентный человек, примерно перешагнувший

возрастной рубеж 50 лет. Причем ловил он рыбу на бутылку газированного напитка «Флэш». Закидывал зеленую тару и вытягивал со словами: «О-о-о-о-хой! Клюнула, клюнула! Поймал! Поймал!» Вся молодежь, находившаяся в радиусе этого события, стала его снимать на мобильные телефоны, а кое-кто даже советовать, как лучше поймать рыбку! Да что таить то, старик стал настоящим героем города! Все автодвижение остановилось, наблюдать за рыбаком ринулись толпы людей. А собравшись, всем стало интересно, поймает старик в «море» чешуйчатое и хвостатое или нет, чем закончится стариковская затея. И люди стояли в ожидании... Хотя некоторые из лицезреющих бросали в сторону старика грустные взгляды жалости и сочувствия, заочно поставив ему диагноз: «душевно больной». А зря! Ибо чудо произошло. Через некоторое время он поймал рыбку. Когда рыбак полностью вытащил леску с необычной наживкой из лужи, то, действительно, на крючке висела тушка пресноводной с плавниками, но только без головы...

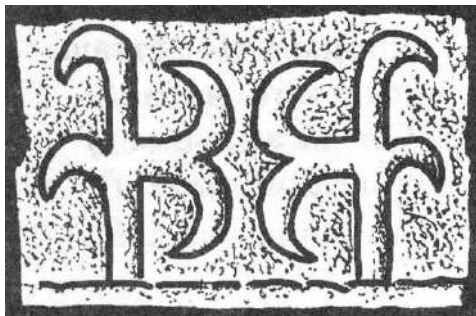
«Браво, Киче! Браво!» – воскликнули люди, смеясь от радости. Громко аплодировали ему, поздравляя с удачным уловом.

Киче, так кличут мужчину знакомые, нет, он не больной, наоборот, человек жизнерадостный, уверенный в себе, с юморком и с высшим образованием, когда-то даже работал фельдшером.

Если в начале никто не догадывался о дальновидном и, оказывается, полезном замысле рыбака, то потом стало ясно, в чем тут все-таки дело.

Рыбалкой в луже, приносившей неприятности, неудобства жителям города, старик решил обратить внимание местной администрации на существующую долгое время проблему. И рыба без головы – это тоже был тонкий намек. Несложно догадаться, на что...

После этого случая невнимательным, безответственным и ленивым дорожным службам города «гудерсмесское море» срочно пришлось осушить, а дно заштопать навсегда. Вдруг... в следующий раз... кто-то решит вызвать Посейдона.

Элора Эльжаева

Учительница-жизнь, или Белый голубь – символ войны

Рассказ

Снег, дождь, ветер, слезы, слякоть, проклятья, молитва – все смешало в себе то декабрьское утро 1994 года. Начало зимы выдалось вопреки южному климату холодным и мерзлым. Снежинки безжизненно таяли в воздухе, не успев упасть на мокрое черное месиво земли. На улице стояла гробовая тишина, как будто сама природа замерла, притворившись мертвой, перед надвигающейся бедой. Лишь один голубь опустил на землю, вяло порхнув крыльями. Он был совершенно белого цвета, и только шейку в виде цепочки из бус окутывало коричневое оперение. Бледно-розовые лапки начали быстро стыть на холодной, мокрой земле. Съевшись, голубь пытался сделать глоток из темной лужи, образовавшейся во дворе. Это было единственное существо белого цвета в этом задушенном мраком мире. Одиноким символом света и добра оглядывался, дрожа на холодной земле, а декабрьский ветер все сильнее завывал, поднимая перышки мерзнувшего голубка. Прошло минуты три... Белый голубь продолжал сидеть у черной лужи, пока тишину не нарушил пронзительный свист, и голубь моментально взмыл ввысь.

А я с застывшим выражением лица стояла у окна маленького приземистого дома и продолжала наблюдать за адским вальсом разбушевавшейся зимы. Это был первый снег... преддверие Нового года – волшебной поры исполнения желаний детства. Я знала, что в первый снегопад, как и при падении полночной звезды, загадывают желание. Я не стала этого делать по одной простой причине, потому что знала: людям, которые готовятся встретить смерть, бесполезно мечтать. Именно со смертью ассоциировалось у меня слово «война», которое с ужасом в глазах и трясущимися губами произносили все вокруг. Мама в спешке собирала мой чемодан. Я заметила, что по дому были разбросаны только теплые вещи: шубка, шапки, сапожки, любимые варежки на веревочке.

– Мам, а весной что мы наденем? Почему только теплые вещи?

– Хоть бы дожить до весны, – ответила мама со страшной тревогой в голосе и молниеносной быстротой в действиях, которая наводила на меня ужас.

Начало трясти колени, потом руки, губы... лихорадка постепенно охватывала все тело... это был первый страх смерти, который я испытала за всю свою короткую шестилетнюю жизнь. Где-то в соседней комнате не умолкал телевизор... я глянула на экран... Девочки в коротких оранжевых платьицах в такт веселой музыке подпрыгивали, держась за руки. Страх, боль, обида, ненависть, тревога – все это, смешавшись в моем теле, превратилось в один большой холодный комочек, который сначала подкатывал к горлу, образуя в глазах мутные лужицы слез, а потом начинал горькой жидкостью растекаться по всему организму, оставляя неприятный привкус во рту. Из этого состояния меня вывел грубый голос бабушки:

– Выходите, Болатхан приехал! Да что вы там возитесь! Войска уже в Грозный входят, пошевеливайтесь быстрее, иначе останетесь здесь на верную гибель.

Я не испугалась этого голоса, я не испугалась сложного слова «войска»... я испугалась собственного сердца, бешеный стук которого заглушал для меня все остальные звуки вокруг.

– Но не бейся же ты так сильно, не бейся! Мне же страшно! – со всей силы прижимая ладошки к груди, я выбежала навстречу гостю.

– Ну что, туристы! Готовы начать горную экскурсию?

Совершенное безразличие в глазах и веселый гогот гостя чуточку успокоили мое сердечко, которое минуту назад готово было выпрыгнуть из груди и раньше меня самой убежать в эти горы.

Болатхан был племянником дедушки, мужчина пятидесяти лет, тучного телосложения, с обостренным чувством юмора и непотопляемым оптимизмом. “Туристами” он нас назвал не случайно, ведь мы только совсем недавно в конце лета приехали на Родину. Спешили очень, как будто боялись опоздать на этот сатанинский бал...

Минут через пять мама вышла с соседней комнаты с большим чемоданом в руке и, поставив его на порог комнаты, начала нахлобучивать на меня шапку, а потом обматывать шею теплым шарфом.

– Эээээ, мы в Шатой едем, а не в Заполярье! – подтрунивал Болатхан.

Мама, подобно зубной пасте из высохшего тюбика, выдавила из себя какую-то мучительную улыбку.

– Ну все! Мы готовы! Элмирза! Выходи! – Болатхан окликнул дедушку.

– Пусть Аллах охраняет ваш путь! Езжайте... – дедушка смотрел вдаль... Мы поняли, что едем одни. Дедушка, заметив наше молчание, обернулся к нам.

– Вы что, меня ждете???? Я никуда не поеду. Я фронтовик! Я за Советскую власть кровь проливал! Страну от фашистов защищал. Они не тронут меня! Я Берлин брал! Орденов вон целая гора!

– Да нужны им твои ордена! – нервно возразила бабушка.

– Не смей! – голос дедушки задрожал. Из-под густых бровей сверкал леденящий взгляд серых глаз. – Я уже ответил в казахстанских степях за свои грехи, которые имелись и не имелись, когда на чужой земле могилу отца искал! Вы что меня смертью хотите напугать?! Убьют? Вот здесь и закопают! – дедушка изо всей силы ткнул палкой в мокрую землю, и капли слякоти разлетелись вокруг. Холодные глаза смотрели вдаль... Пугать его смертью действительно было бесполезно. Семнадцатилетний паренек, в 1941 году добровольно ушедший, точнее на год раньше сбежавший на фронт, вскоре стал храбрым бойцом 581-го минометного полка 1-го Белорусского фронта. Защищал Польшу, Белоруссию, Украину. Преданно служил Родине, преданно. В 18 лет нашел в себе силы в одиночку из фашистского плена сбежать и к своей войсковой части прийти, языка за собой волоча. В кровавой схватке Сталинград отстоял. До сих пор потрепанная благодарность лежит, с портретом самого отца народов товарища Сталина. Ни разу голову перед немецкими пулями не склонил. Чувствовал дух победы, хоть и кровью собственной пропитанной, но и тем не менее... каким же сладким было это слово... поэтому даже попав в госпиталь в 1944 году с тяжелым ранением ноги, не унывал, знал, что священную ведет борьбу... за Родину, за Отечество! Что там нога, да и жизни целой мало, лишь бы выстоять, лишь бы победить, лишь бы покончить с этой чумой под названием фашизм. Да и весной уже пахнет... Сердце, полное отваги, молодости, неуемной энергии, радостно билось тогда в груди молодого солдата. Билось, пока в палату не вошел лечащий врач... Нечаянно его взгляд упал на документы солдата, лежавшие на шкафу рядом с койкой. Будучи сам абхазом по национальности, являясь выходцем с Кавказа, врач, видимо, пожалел солдата.

– Ты что, чеченец? – рука доктора задрожала.

– Так точно! Чеченец! – солдат с улыбкой потянулся с койки.

– А ты... ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

После короткой паузы врач наконец вымолвил:

– Чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию выслали.

Солдат в недоумении смотрел на доктора. Сделав попытку встать с койки, он с удивлением в голосе спросил:

– Вы о чем, товарищ доктор? Как выслали? За что?

– За измену Родине!

Ржавым, отупевшим ножом прошлись по сердцу отважного советского солдата эти слова. Части его тела в один миг перестали подчиняться командам мозга. Согнувшись вдвое, он молча сидел в постели, сжимая изо всех сил тонкое больничное одеяло. А ржавый нож все продолжал истязать сердце, которое под натиском тупого лезвия перепутало свой ритм. Звериный взгляд солдата метался по всей палате....

– Неправда, неправда, неправда!

Это была единственная фраза, которая слетала с иссохших губ фронтовика и сопровождалась нечеловеческим скрежетом зубов.

– Держись, земляк, держись! Вы, чеченцы, народ крепкий, даст Бог, выживете!

Доктор похлопал солдата по худому, дрожавшему плечу и не спеша покинул палату. Мысли о дальнейшей жизни никак не приходили на ум, потому что она закончилась, как казалось на тот момент солдату. Но оказывается, нет... она продолжалась, так как деваться ей было некуда от установленного свыше срока. Счастливый май 45-го настал быстро. Победа Советского Союза над фашистской Германией облетела весь мир. Повзрослевшие солдаты, омытые слезами матерей и поцелуями своих невест, с усталыми улыбками на черных от пороха лицах, шагали домой с чувством исполненного долга. Элмирза, не получивший демобилизацию, был отправлен на службу в германский город Ваймер. Через два года фронтовик-чеченец, покоривший Берлин и отстоявший в жестоких уличных боях Сталинград, не имея ни дома, ни родины, побрел в Казахстан, чтобы в желтых степях Сары-Озека найти могилу отца, матери, сестер. Когда он в далекой Белоруссии целовал каждый кусок земли, отнятый у фашистов, мать Элмирзы сваталась за серебряный кинжал его деда, который хранился у них после его смерти.

– Оставь, сынок, оставь. Мужа отец... – коверкая русский язык, женщина вцепилась в оружие.

– Да ты что, сука старая! С ума, что ли, спятила?! Реликвии она еще семейные хранить собралась! Дикари несчастные! Все уже! Хватит! Завершилось ваше размахивание кинжалами! Пошла вооооооон!

Солдат выхватив у нее кинжал, изо всей силы толкнул женщину. Она упала на холодную землю, покрытую тонким слоем февральского снега. А кинжал полетел в бурлящий Шаро-Аргун, с треском ударяясь об острые камни.....

...Отчизну, приобретенную всего лишь каких-то полгода назад после всех этих скитаний, Элмирзу никакая армада бы не заставила покинуть.

– Ну что вы встали? Езжайте уже... – дедушка смотрел вдаль.

А мокрые снежинки все продолжали падать на землю, подгоняемые холодным, пронизывающим ветром. Синий самосвал все сильнее набирал скорость. Молчание, воцарившееся в кабине, больно давило на всю мою нервную систему.

– Ты чего такая бледная? Не бойся, все в руках Аллаха, – мама попыталась меня успокоить.

Я поняла, что какой-то необъяснимый процесс, происходивший у меня в организме, выходит постепенно наружу. А точнее, с каждой минутой страха с меня по капелькам вытекало детство. Оно осталось там, в столичном аэропорту имени Шейха Мансура, когда город Грозный впервые зажег для меня свои огни. Оно умирало тихо и мучительно долго, а в итоге сгорело... погубило... а его прах рассыпался где-то там... над шатойскими горами.

Машина неслась вперед. Нервное напряжение Болатхана выразилось на его лице. Не отрывая взгляда от дороги, он одной рукой начал шарить в своем кармане.

– Ччччерт! Закончились! – раздраженно сказал Болатхан, бросив перед собой смятую коробку из-под сигарет.

Машина резко дернулась и остановилась.

– А где горы? – тихо промолвила я.

– Будут тебе горы, подожди, еще не то увидишь!

Болатхан выскочил из машины и забежал в первый придорожный киоск. Мужчина на ходу, распечатывая пачку, жадно прильнул к сигарете, как путник к чаше с водой в раскаленной пустыне. Дым медленно распространился по кабине и начал уже окутывать все лицо. Болатхан продолжал курить... Одна за другой гаснущие в его руках сигареты отсчитывали время нашего пути. Как ни странно, мне стало теплее от этого дыма, и не потому, что от сигарет так приятно пахло,

а от того, что за мучительно долго тянувшееся время нашего отъезда в кабину проникло хоть какое-то инородное тело как доказательство того, что я жива и еще способна различать какие-либо запахи. Может, поэтому мне и сейчас никогда не мешает запах сигаретного дыма...

Туман окутывал все пространство, и дорога начала катастрофически сужаться. Черные исполины безмолвно стояли около нее, покрытые снегом, камнями и сухими кустарниками. Благословленные небом, освещенные яркими звездами, чеченские горы на протяжении веков становились свидетелями многочисленных битв и героизма своих сынов. Не раз слышавшие победные кличи у своих подножий, они на этот раз видели надвигающуюся беду и, не имея силы помочь, застыли в мраке, объятые мглой и серым туманом. Казалось, что небо вот-вот упадет на их вершины и разобьется, ударившись о скалы...

Несущийся в неизвестность наш синий самосвал взбирался все выше. Узенькая дорога, выходящая ленточкой пролегавшая между двумя каменными глыбами, начала в конце расширяться. Страх заменило восхищение, удивление, чувство бесконечного интереса и счастья. Сердце билось уже не от ужаса неизвестности, а от новых эмоций, через край переполнявших его.

– Мама, мама, мамочка, смотри какие они высокиееееее!!! – я со всей силы сжимала руку мамы. Она впервые улыбнулась за все время нашей дороги и ответила

– Даааа... очень высокие! И не такие уж они седые, как описывают в книгах!

Нет! Не может с нами случиться ничего плохого, когда рядом такие великаны! Кто посмеет нарушить наш покой, а более того, лишит нас жизни? Не будет такой силы, нет, не будет! – твердило с каждой минутой мое сердце!

Горы вселили в меня такое доверие, что я напрочь забыла о войне, обо всех страхах, наполнявших несколько часов назад весь мой организм. Мое эмоциональное состояние нарушили причитания бабушки.

– О Аллах! Куда же мы едем? Кто нас звал в эту преисподнюю? Ребенку в школу скоро надо, а эта война неизвестно когда закончится, – начала свой разговор бабушка.

– Ээээ, тетушка, не беспокойся! Жизнь ее сама всему научит лучше любой школы, – усмехнулся Болатхан.

– Действительно! Жизнь будет для нее неплохой первой учительницей, – подтвердила мама.

Хм... интересно! Учительница-жизнь! Без имени и отчества, без адреса, без определенного места пребывания! Какой же она будет... учительница-жизнь? Строгой или ласковой? Красивой или не очень? А она, оказывается, уже находилась со мной рядом и проводила свой первый урок войны, который длился вечность. Который не могли прервать ни ночь, ни день, ни смех, ни плач, ни страх, ни ненависть. Звонком на перемену служили минометные обстрелы и свисты автоматных пуль. И я не знала, буду ли я присутствовать на следующем уроке... зажмурилась на секунду глаза и тут же сердце подсказывало... иди, кто-то по воле Всевышнего отвел свой курок от твоей плетущейся в ночи за усталой матерью тени, кем-то выпущенный снаряд взорвался вдали от тебя, от кого-то сейчас не прощаясь уходит душа... а ты иди, тебе суждено жить... иди и быстрее – учительница-жизнь не любит опозданий. Учительница-жизнь спешила, она все быстрее листала свои заляпаные кровью страницы учебника... а я оставалась ее послушной ученицей, которой она запрещала смеяться и плакать, учила ненавидеть врагов и любить родину, не бояться смерти и верить во Всемогущего Творца. Верить и жить во что бы то ни стало. Учительница-жизнь, как и предугадала моя мама, оказалась неплохим педагогом... мой первый успех уже был достигнут – я научилась не плакать, сдерживать слезы, рассасывать комок, образовавшийся в горле, но не плакать. Ощущения на себе холодного взгляда смерти не сможет понять тот, кто не испытал его. Казалось, что смерть, забрав души у людей, которые находились рядом, как бы насмехается над тобой, мол, ты следующая, готовься...

– Ой, за что нам такое горе? За чтоооо? – Болатхана же убили... – причитала бабушка. Эта новость была эхом проклятья судьбы, прозвучавшего в шатойских горах, ночным выстрелом, с каждой минутой каменеющим сердцем... угрозой смерти и ее постоянным напоминанием о себе.

Синий самосвал, подбитый точечным авиаударом полетел в пропасть на обратной дороге домой... Вот так уходили одна за другой жизни, уступая дорогу смертям. А природу ничем не удивишь и не вызовешь у нее жалость... так и Шатой понемногу привыкал к войне... попевала мушмула... кое-где зимнее солнышко растопило снег... блестела дорожная слякоть. Лишь сумерки возвращали в реальность, черные сумерки, тишину которых нарушал вой голодного волка, смешавшийся с неприятным визгом шакалов и гулом штурмовых самолетов. Что может быть страшнее военных сумерек, когда белый, испачканный грязью ПАЗИК еле катится вниз по разбитой горной дороге, переполненный детьми и женщинами. Мы возвращались домой... после месячного пребывания в горах. Сумерки сгущались. В сером, заплаканном небе закружила железная бескрылая птица. Неприятный, сдавленный голос из рупора на чеченском и русском языках сыпал угрозы, упоминая потерявшихся в горах десантников. 47 десантников исчезли в Шатойских горах, а угрозы почему-то лились на нас... Неужели они думали, что мы их везем в своем пазике? Хм... жестокий абсурд, а точнее, издевательство над чужими страданиями, которое растянулось на годы...

Сентябрь 1995 года выдался по-летнему теплым. Кавказская осень – это удивительно красивое явление природы. Белый голубок теперь был чистым, и его белизна, сверкающая на солнце, ослепляла глаза. Я вспомнила коричневое оперение и застывшие на декабрьском снегу розовые лапки. По мере моего приближения голубок перелетал на забор. И снова раздался пронзительный свист, после которого белый голубь опять взмыл в синее небо. Шел четырнадцатый день сентября. Мы с мамой зашли в обветшалое здание маленькой сельской школы. Нас было трое... три ученика жестокой учительницы под именем Жизнь. Мы вручили безымянные синие цветочки, выросшие на лугу, Анжеле Алиевне, которая взяла на себя миссию нас обучать. А завершилась так называемая торжественная линейка выброшенным где-то вдали танковым снарядом, от которого у нас под ногами задрожала земля. Мама с улыбкой помахала мне рукой и ушла. Мы вслед за Анжелой Алиевной зашли в свой класс. И она начала проводить урок мира... смешно, не правда ли? На столе у Анжелы Алиевны лежали разные цветные картинки, среди которых мое внимание привлекла та, на которой был изображен белый голубок.

– Что это? – спросила я.

– Это? Белый голубь, птица, которая считается символом мира и добра, а сегодня у нас урок мира, – пояснила Анжела Алиевна.

– Неправда! – возразила я. – Он символ войны.

– Почему ты так считаешь? – удивилась учительница.

– Потому что я видела его в первый день войны. Он сидел у лужи с коричневыми бусинками на шее, – был мой ответ.

Удивление на лице Анжелы Алиевны сменила улыбка. Она погладила меня по голове и тихо сказала:

– Да никакой он не символ войны, да и мира тоже, наверное, – добавила она.

– Мой брат Эдильбек их разводит. Любит с ними возиться, – вздохнула Анжела Алиевна.

Теперь я поняла, почему белый голубок улетал после свиста. Шли недели. Осень постепенно вступала в свои права. Поились нудные дожди. Холодный ветер гнул к земле молодые деревья с еще зеленой, не успевшей опасть листвой. А Грозный горел... и никакие дожди не были в силах его потушить. Новости были неутешительными, вне зависимости от того, какой источник их передавал – митингующие бунтари или монотонные голоса дикторов.

«Слышишь песенку ручья? – Это родина твоя...» Я тихо повторяла заданное на дом стихотворение. На улице бушевал ливень. Я сильнее натягивала на уши

розовую шапку, чтобы не слышать его шум. Дверь распахнулась, и в класс заскочила промокшая до нитки Анжела Алиевна.

– Я думала никто не придет сегодня, могла бы в такую погоду дома сидеть. Кто тебя привел? Мама? – улыбнулась она.

– Нет, бабушка. А уроки из-за дождя нельзя пропускать, – не согласилась я с учительницей.

– Ну, давай начнем, вундеркинд мой маленький! – Анжела Алиевна села за стол, оправив намокшие под дождем волосы.

Встав у доски, я громко рассказала стихотворение. На лице учительницы появилась усталая, измученная улыбка. Я не успела вернуться за свою парту, как прогремел взрыв. Мы вздрогнули. Анжела Алиевна сильно сжала мою руку.

– Все хорошо, все хорошо, – повторяла она. Не прошло и двух минут, как мы вздрогнули снова, но теперь уже от женского крика.

– Анжела, Анжела!!! Где же ты? Выходи быстрее!.. Эдильбек... Эдильбек... – голос женщины заглох.

– Надиля, Надиля, попроси у Аллаха собар¹. На все Его воля, – пытались успокоить старушку выбежавшие на крик соседки.

Надиля смотрела на них голубыми раскосыми глазами, в которых застыл немой ужас. Когда-то эта татарская девушка Надиля поклялась быть вместе с чеченским парнем Али и разделить с ним все горести и радости. Но судьба повернула все так, что ей пришлось после его смерти разделить горе со всем его народом в целом. Война начала отнимать у нее одного за другим сыновей, а потом и внуков...

– Что? Что с Эдильбеком? Мама, ну не молчи же ты! – выбежавшая на улицу Анжела Алиевна трясла за плечи старуху.

Поняв, что брата уже нет на свете, девушка упала на мокрую землю и затряслась в рыданиях. Взрывы продолжали греметь. Я, заволновавшись, начала оглядываться по сторонам, и увидела бабушку, которая бежала ко мне, шлепая босыми ногами по грязным лужам.

– Пошли быстрее! – она схватила меня за руку и буквально поволокла за собой.

– Анжела Алиевна! – это все что я успела крикнуть, оглянувшись назад. Опустив голову и высвободив свою руку из ладони бабушки, я тихо топала за ней, пытаюсь осмыслить последнее событие, невольным свидетелем которого стала. Дождь понемногу перестал... Мы подошли к группе людей, бурно обсуждавших несчастье. Оказывается, Эдильбек погиб от снаряда, разлетевшегося на осколки, один из которых попал ему в голову.

Вой холодного осеннего ветра подхватывал плач людей, доносившийся со дворов. Задушенное серыми тучами небо, обвисало над землей, и было непонятно, что сейчас на дворе – день, вечер или утро. Черная грязь под ногами неприятно визжала после каждого шага. Издалека я заметила бледное пятнышко, которое неподвижно лежало на земле. Я быстро подбежала. Белые, окровавленные перышки прилипли к дорожной слякоти... а чуть поодаль валялась розовая лапка...

«Убили тебя... а мы даже не успели с тобой познакомиться», – промелькнуло у меня в голове. По организму снова разлилась знакомая горькая жидкость. Каждая частица, каждая мельчайшая клеточка моего тела на тот момент проклинала все. Все, что было связано с войной – эти танки, землю, по которой они ездили, самолеты, небо, по которому они летали, радиодинамики, телевизионные экраны... я проклинала все... и даже собственные сны... я широко открыла глаза и постояла так несколько минут, чтобы слезы не катились по щекам. Впоследствии в военное время я часто так делала. И лишь осенью 2010-го года, ровно через 15 лет, в грозненском мемориальном комплексе «Аллея славы» я дала волю своим слезам, когда неподалеку от себя услышала знакомое воркованье. Я оглянулась: вся площадь была усыпана совершенно белыми голубями. Шел четырнадцатый день сентября... но уже другого – счастливого, когда плакать было не стыдно и не больно...

Адам Салаханов**Рентген**

Рассказ

У дверей палаты стоял полицейский, с привычной им – наверно, по долгу службы – отрешенностью во взгляде. «Естественно, – подумал Апти, – ему-то что... даже если бы он смог прочесть мои мысли, хладнокровие с его лица не исчезло бы».

С первого этажа, откуда он только что поднялся, донесся нарастающий, как сигнализация, вой. Это был голос сестры хозяйки:

– Только что это стекло было целое... вандалы, это же больница... чтобы им и их родственникам до конца дней своих здесь прописаться с букетом наихудших диагнозов... сначала халат, потом еще и стекло...

Под этот dis-речитатив в адрес хулиганов глаза Апти встретились с глазами полицейского.

Апти медленно отвел взгляд в сторону и решил про себя, что есть своя польза в том, что люди не читают мысли друг друга. Приближающиеся проклятия сестры хозяйки напомнили ему о его замысле, к осуществлению которого он уже сделал первые шаги. И тем более встреча с автором этих жалоб совсем не входила в его планы. Он подошел к полицейскому.

– В этой палате тот... несчастный, который был за рулем той машины? – выдавил он из себя.

– Да, – ответил полицейский.

– Нужно проверить его состояние, – пробормотал Апти, как школьник, опоздавший на урок.

– Мне его отстегнуть от койки? – потянулся к своему поясу полицейский.

– Что? – недоуменно спросил его Апти.

– Он в наручниках, так как он виновник ДТП и ведет себя неадекватно.

– А, нет, не надо. Так мне самому будет легче, – задумчиво сказал Апти, заходя в палату.

В палате были две койки и на одной из них лежал больной. Кроме него пациентов в палате не было. Правая рука была прикована наручниками к кровати, левая рука, грудная клетка и правая нога были забинтованы. На голове бинтовая шапка. Скорее всего, дремал.

«Удобно расположился, – подумал Апти, – хотя и в этом есть свой плюс». Оценивая ситуацию, в которой он оказался, он повторил сам себе: «Прочь все сомнения. Действовать хладнокровно, подобно хирургу. Меня не в чем судить». Так он накапливал внутри себя уверенность, как парашютист перед своим первым прыжком.

Неожиданный звон металла вернул его мысли из «зала суда» в палату. Больной пришел в себя и пялился то на него, то на наручники у себя на запястье.

– Доктор, почему я в наручниках? Что здесь... черт, я же сбил... доктор, где тот мальчик, которого я сбил? Он жив? Что с ним?

Апти медленно двинулся к пациенту.

– Он был живой. Я нес его на руках, – пациент вытянул руки и снова раздался скрежет наручников об кровать. – Черт! Но перед тем как я потерял сознание, его забрали у меня...

– Всех забирают... каждого... в свое время, – с этими словами Апти со всех сил придавил левой рукой голову больного к подушке, а правой рукой полез в правый карман халата.

– Полегче, доктор! – заорал пациент – **ВЫ МНЕ ШЕЮ СЛОМАЕТЕ!**

И только Апти хотел ответить ему эффектной фразой, как вдруг за его спиной зазвучал еще один голос:

– Все в порядке?

Апти резко оглянулся. В полуоткрытую дверь с настороженным взглядом заглядывал полицейский.

– Я... что? Да! Все нормально, – выговорил Апти с паузами после каждого слова. – Вот, проверю у него температуру. – Он даже отошел чуть-чуть в сторону, чтобы полицейский увидел его руку на лбу у больного. А правую вытащил из кармана со словами: – Кажется, градусник я забыл в своем кабинете.

– Помощь нужна? – полицейский перевел настороженный взгляд на пациента

– Нет, нет. Все нормально, – расплылся в улыбке Апти. И цинично добавил: – Я справлюсь.

С этими словами он переместился к окну.

Синхронно с исчезнувшим за дверью полицейским исчезла и улыбка с его лица. Он подумал про себя: «Так как я уже здесь, дальше лучше действовать не спеша и аккуратно. Еще и разорался».

Оглянувшись к пациенту, он заметил, что тот все это время сверлил его зловещим взглядом.

– Похоже, я не единственный больной в этой палате, – сделал он вывод все с тем же взглядом.

«Койка же была пуста, когда я зашел», – подумал Апти с чувством неловкости, как будто он по ошибке зашел в дверь с буквой Ж. И, только оглянувшись на пустую кровать, его огрубевшее сознание почувствовало укол упрека в свой адрес.

– Не выпендривайся! – прошипел он, поворачиваясь к нему.

– Не «выпендриваться»? Да что ты за садомазо-Айболит такой?

– Тебе лучше помалкивать!

Апти решил успокоить его и выждать момент. Спешить, пока что было некуда.

– Ты как с больными обращаешься? Куда я попал? В тюрьму Абургрейб или Гуантаномо? Или же все-таки в больницу?

– Ты пока еще в больнице. Ты можешь вести себя тихо?

От последних своих слов в глубине души у него появилась улыбка.

– А ТЫ можешь ответить: ГДЕ ЭТОТ МАЛЬЧИК?

– Я сказал – успокойся.

– А, ну да, понятно. У вас же свой бизнес. Щас. Подожди... – пациент поднял простыню и убедился, что кроме нее и трусов на нем ничего нет.

– Где мои штаны? Короче, найдешь их, они, наверно, где-то здесь, можешь забрать все, что есть в бумажнике – если, конечно, медсестры его не вычистили. Только иди и помоги мальчику. За меня не беспокойся. Мне-то поделом, не надо было так гнать.

«И он будет мне указывать?» – гневался про себя Апти. Стиснув кулак в кармане, он двинулся к больному и на ходу спросил:

– Ты так переживаешь за него – у тебя тоже есть дети?

– Нет. Скорее, я сам блудный ребенок несчастной матери.

Эти слова стали невидимой защитной стеной для него, как молитва против шайтана.

– Ну? Что ты встал как вкопанный? Иди, посмотри, что нужно мальчику. Если

не найдешь бумажник, ничего страшного. У меня есть деньги. На крайняк, я сдам то, что осталось от машины автомогильщикам.

В его беспокойстве не чувствовалось притворства. Или он хорошо играл роль. Чуть ли не плакал.

– Он в операционной. Мне сказали не беспокоиться, – задумчиво пробормотал Апти.

– Конечно! Чего тебе беспокоиться? Ты же один из них...

– Я... – попытался перебить его Апти

– ...Да ты и все вы докторишки, работаете, как банкомат... Забыл историю про вашего коллегу?!

– Ты что несешь? Какой еще коллега?

– Тот, который зазнался, и получил поделом. Побольше бы вам таких случаев.

– А, ты про тех, что попали под сокращение?!

– Нет. Я про хирурга, набившего себе цену. Когда его позвали на срочную операцию, первое, что он спросил: «Во что одет пострадавший... как выглядит?» Сестра ответила, что одет он скромно, и с удивлением спросила: «При чем тут это?» А тот ей: «Да не при чем... я пока здесь закончу с бумагами, пускай мой ассистент его прооперирует». И только после того как он скончался, выяснилось, что это был сын того доктора. Вот к чему приводит ваша пассивность... Хотя бы проведай, пришли ли родственники мальчика. Может быть, они...

– Ну, конечно, – на лице Апти появилась злобная ухмылка – Боишься, что кто-нибудь из них придет сюда и совершит над тобой самосуд!? Не надейся, что теперь ты улизнешь от ответа.

Больной сразу переменялся в лице. Переведя отрешенный взгляд с Апти на потолок, придушенным, еле слышным голосом, подобно предсмертной молитве, он произнес:

– Видит Бог, я искренне всем сердцем надеюсь, что кто-нибудь из его родственников придет сюда и отомстит мне сполна за мое деяние. Я заслужил высшей меры. Не надо было мне так разгоняться. Тем более отвлекаться на телефон за рулем – кто бы там ни звонил. Но теперь, твоя правда, я не уйду от ответа перед ними. И как бы они меня ни наказали, я прощаю их... лишь бы Всевышний потом простил меня....

Глаза его были на мокром месте. Ком в горле мешал говорить. Не было сомнений – человек глубоко сожалеет о том, что он сделал. Вряд ли он нуждается в большем наказании.

«К тому же он прав, – думал про себя Апти. – Что я здесь делаю? Как безумец вытворяю черт знает что. Мне сейчас лучше быть там, рядом с ним».

И только он собрался уйти, как вновь услышал жалостливый голос пациента:

– Доктор, можно вас попросить об одной крайне важной для меня услуге?

– Что еще? – оглянулся на него Апти. – Я спешу.

– Это всего лишь минутное дело. Только поклянитесь, что сделаете то, что я попрошу.

– Поклясться?! Что за бред такой! Может, тебе еще и расписку написать?! Некогда мне, я пришлю медсестру. Пускай она вам...

– Нет. Не надо. Это быстро. Просто поклянитесь, что выполните мою просьбу.

«Что же такое вдруг взбрело ему в голову, – заразился любопытством Апти – Может, очередное признание... ну раз он так просит. И если это, как он сказал, всего минутное дело...»

– Ну ладно, клянусь, что сделаю для тебя то, что ты просишь, если, конечно, я буду способен это сделать.

– Хорошо, – больной прочистил горло и продолжил: – Возьмите шприц и сделайте мне укол...

Но Апти в бешенстве его перебил:

– Ах, ты, долбаный нарколога! Так вот отчего ты так распоясался сожалениями и раскаяниями? Ломка началась?! Щас я тебе сделаю такой укол, от которого ты «улетишь» далеко и надолго.

Выпалив все это, Апти начал возиться с чем-то, что зацепилось и никак не вылезало из правого кармана его халата. А пациент продолжил свою просьбу:

– ... такой, от которого я не проснусь. Эфтаназию.

– Что? – Апти так и замер в удивлении – не слышалось ли это ему?

– Смертельную инъекцию.

– То есть ты хочешь, чтобы я ...

– Да! – рявкнул больной – Хочу, чтобы ты меня усыпил. Как бешеную собаку. По-твоему я не заслужил такой кары? Ты не видел этого мальчика. Он же совсем дитя. Пожалуйста! Сделай.

– Нет уж, – ошарашенным взглядом уставившись на него, ответил Апти. – Извини, приятель.

Он медленно пошел к двери, удивляясь про себя: «Это надо же, настолько сердечно воспринять этот несчастный случай. Как будто он его родной сын!» От этой мысли ему даже стало стыдно за себя. И он ясно понял, что больше ему в этой палате делать было нечего.

– СТОЙ! – крикнул ему вслед пациент – Вернись и сделай то, что я сказал! Ты же поклялся!

Апти остановился у самой двери и повернулся к нему:

– Я поклялся сделать только то, что я «способен» сделать. А уколы я никогда в жизни не делал.

– Что? Не делал уколы!? КАКОЙ ТЫ ТОГДА ДОКТОР? – заорал он в недоумении.

Дверь открылась, и в палату вошел тот самый полицейский, который сторожил пациента.

– Слышь, ты, тебе пора заткнуться. Веди себя тихо, если не планируешь задержаться здесь на пару месяцев – обратился он к больному, сверля его испепеляющим взглядом.

– Спасибо, «сестра». Мне пока ничего не нужно, – с сарказмом сказал больной и, переведя взгляд на Апти, добавил: – Не знал, что они у вас в серой форме и с короткой стрижкой ходят.

Полицейский понял, что ему сделали далеко не комплимент и потянулся к дубинке:

– Я так понимаю, что тело у тебя явно чешется! Да?

Но его остановил Апти. Положив руку ему на плечо, он вышел вместе с ним из палаты, объясняя такое поведение больного:

– Не обращайтесь внимания. Он все еще находится в шоке. И наркоз еще не прошел.

– Я бы ему дал хороший наркоз.

И перед тем как захлопнулась за ними дверь, до них дошло недовольное бурчание пациента:

– Это надо же, неужели ни врачей, ни полиции нормальной не судьба этой стране ...

– Доктор! – окликнул полицейский отходящего в сторону Апти и тот замер на месте. – Кажется, он испачкал ваш халат.

– Аа... Это? Ерунда. Спасибо, все нормально, – перевел он дух, направляясь к мусорной урне.

На правом кармане халата, в котором он держал руку, было красное пятно. Оглянувшись по сторонам, он вытащил из этого кармана заостренный в виде лезвия ножа кусок стекла. Как оказалось, об него он и порезал свой палец. На стекле были пятна крови. Вот откуда пятно на халате. Глядя на окровавленное стекло, Апти начал размышлять: «Слава Всевышнему, это моя кровь – на стекле и на моей руке – не его. Благодарствую за терпение, которым Ты меня милостиво наградил!» В этот момент рядом послышались чьи-то шаги, и он поспешил бросил стекло в урну.

– Ах, вот вы где! – раздался довольный женский голос за его спиной. – А я вас по всей больнице ищу!

«Ну все, – подумал Апти, – попался. Теперь попробуй, объясни, какого черта ты вырядился без спроса в чужой халат. Запятнал его. Да и про стекло, они, наверно, догадались». Тяжело вздохнув от этих мыслей, без надежды на оправдание, он повернулся лицом к женщине. Но это оказалась та самая медсестра, которая полчаса назад уверяла его, что все будет хорошо и что доктора сделают все возможное. Она сообщила ему, что операция прошла успешно. Состояние его сына удовлетворительное, поэтому его уже перевели в палату. Услышав эту живительную новость из ее уст, улыбка на ее лице ему показалась такой, какая может быть только на ангельском лице.

И, проверяя ее спину на наличие крыльев, его изумленный взгляд направлялся то поверх ее плеч, то скользил по ее лицу.

**Вахит Акаев,
Асламбек Акаев**

Арабские завоевания и распространение ислама на Кавказе

Распространение ислама среди народов Кавказа сопряжено с арабскими завоевательными походами, сопровождавшимися военными, политическими, духовно-культурными взаимодействиями с народами региона, в ходе которых трансформировался образ жизни, менялись межплеменные союзы, религиозно-мировоззренческие установки.

Детальный анализ этих событий позволяет по-новому ставить вопрос о времени и условиях распространения ислама среди народов Кавказа, в частности, среди чеченцев. В статье раскрывается мозаичная религиозно-культурная ситуация на Кавказе, сложившаяся накануне арабских завоеваний и начала распространения ислама. Описаны арабо-хазарские войны как геополитический фактор, ограничивавшие более широкое распространение ислама. Установлены особенности формирования в регионе этнического и религиозного синкретизма.

Религиозная ситуация на Кавказе накануне арабских завоеваний

Кавказ в период арабской экспансии представлял собой мозаичное, многоконфессиональное, этнополитическое сообщество, разделенное на различные племенные союзы и государственные образования. В этом пространстве сложно проследить социально-политическую организацию того или иного этноса, его духовно-культурное состояние. Тем не менее при возникновении такой задачи исследователю необходимо использовать в полной мере существующий корпус источников, хотя не всегда это условие удастся реализовать. Судя по бытующим историческим источникам, на территориях Армении и Грузии в IV в. существуют раннефеодальные общества с явно выраженной языческой духовно-культурной ситуацией, которая постепенно стала вытесняться переходом к христианству.

К началу IV в. Армения все еще оставалась языческой страной. Здесь при царствовании армянского царя Трдата III (298-330) появляются первые христиане, жестоко преследуемые, а христианский проповедник Григорий, проповедницы Рипсиме и Гаяне подверглись истязаниям и были брошены в тюрьмы. Приняв христианство, Трдат III в начале IV в. (в 301 г.) провозглашает эту религию в Армении государственной. Армянский историк Мовсес Хоренаци описывает принятие иверами (грузинами) христианства при посредстве женщины по имени Нунэ (Нине – в грузинской транскрипции), сбежавшей от преследования армянского царя и обладавшей даром исцеления людей. Святая Нунэ распространяла христианство «вдоль Аланских и Каспийских ворот» [1, с. 132]. Есть основание полагать, что какая-то часть алан, в состав которых входили и нахские племена, могла попасть под влияние этой женщины-христианки.

В V в. у гаргареев, коренных жителей Кавказской Албании, а также армян и грузин существовала письменность, разработанная армянским просветителем Месропом Маштоцем. Исторические сведения подтверждают, что он обучал детей письменности и чтению, что одобрялось албанскими царями.

Армянский историк Егише Вардапет отмечает, что еще в V в. «11 горских царей выступили против сасанидского Ирана» [2, с. 169]. Но из текста этого историка трудно судить, кто такие эти горские цари: то ли предводители

горских племен, то ли князя. Но утверждать, что это были цари в классическом понимании этого слова, думается, было бы некорректно. Исследователи пытаются установить, где были расположены эти царства, каковы их границы, общественные устройства, религиозные верования, законы. Бесспорно, эти вопросы требуют своих основательных ответов.

В «Истории Армении» Агатангелоса, датируемой первой половиной V в., имеются интересные сведения об участии народов Северного Кавказа, вполне возможно, и предков современных чеченцев, на стороне армянского царя Хосрова против Персидского государства, являющегося его смертельным врагом. В этом источнике утверждается, что Хосров «собрал алванское и иверские войска, открыл врата аланов и Чора Пахака, впустил войска гуннов и стал совершать набеги на Персию, пошел походами на Ассирию и дошел до врат Тизбона» [3, с. 29]. Этот поход, судя по источнику, оказался успешным: все персидское войско было разгромлено. Армянский царь вернулся в свою столицу Вагаршапат «с огромной радостью, добрым именем и большой добычей» [там же, с. 30].

До появления арабских завоевателей на Кавказе в его северной части существовали некие государственные образования, именуемые царствами. К ним относятся такие разноплеменные и поликонфессиональные государственные образования, как Кавказская Албания, Алания, Серир, Хазария, часто упоминающиеся в армянских, византийских, сирийских, персидских, арабских источниках. Между этими государственными (скорее всего, протогосударственными) образованиями существовали политические, международные союзнические договорные отношения. Они принимали активное участие в политических и военных событиях того периода. Однако этот вопрос, требующий основательного анализа, практически не изучен исследователями региона.

Арабо-хазарские войны

Отмеченные государственные образования и их народы еще в первой половине VII в. становятся объектами экспансии арабских завоевателей. Первые походы арабов на территорию Дагестана носят разведывательный характер, причем начало было положено в 642-643 гг., что имело место при халифе Умаре (634-644), который поручил возглавить своему полководцу Сураке ибн Амру поход на Кавказ. Арабы покорили Иран в 650 году, а Армению в 654 году, позже, в 661-662 гг., они захватывают Агванию (Кавказскую Албанию) и дошли до Дербента. Борьба арабов за Дербент с хазарами и народами Дагестана с переменным успехом длилась почти 25 лет.

Правитель Баб аль-Баба (Дербента) перс Шахрбараз подчиняется арабам на условиях, оговоренных специальным договором, который был с ним заключен с согласия халифа Умара. Согласно этому договору, покоренным жителям сохранялась жизнь, свобода вероисповедания, если с их стороны не будет оказано сопротивление завоевателям, они также должны были указывать путь арабскому войску и обеспечивать ему ночлег и питание в течение суток, а участник военных походов освобождался от всяких повинностей [4, с. 200].

Дагестанский историк начала XVIII в. Мухаммад Рафи в своей книге «Дербенд-наме» пишет, что на Кавказ в целях распространения ислама прибывает пятитысячный экспедиционный корпус арабов во главе с потомками Хамзы. Завоевав Ширван, он отправляется на войну с неверными южных гор, то есть в Дагестан, который арабы считали жилищем вражды [5, с.157]. По всему Дагестану арабы прошли огнем и мечом, опустошали дагестанские области Хайдак, Кумук, Аварию. Царь аваров Бояр, сын Сурака, называвшийся Нау-цалом, со своей семьей, родственниками и приверженцами, спасся в стране Туш (Тушетия – авт.), где имел родственные отношения с его жителями. Арабы завоевывают Хунзах, разрушают его до основания, пленят людей, присваивают

их сокровища, обращают жителей в ислам и сажают на престол Хунзаха одного из потомков шейха Ахмада, по имени Маасул-Бег [там же, с. 160].

Как утверждает М. Рафи, арабы покорили все страны (территории) горцев, то есть весь Дагестан, частью силой, кровопролитием и разрушениями, частью миром, обратив жителей в ислам. Данная территория управляется арабами, а Шамхалу, повелителю Дагестана, горцы ежегодно платили подати: скот, шерсть, мед, пшеницу. «Весь Мичигыш (то есть Чечня – авт.) был его собственностью», – утверждает этот автор. Это высказывание позволяет признать, что арабы принудили чеченцев, живущих в приграничных с Дагестаном территориях, покориться и принять ислам именно в начале своих завоеваний на Кавказе.

По прошествии некоторого времени Али-Султан, сын Бояна, правителя Хунзаха, «бежал от ислама к неверию» и жил в Тушетии, где проживали нахи. Он собрал из числа алан и дагестанцев большое войско от границ Цумта (Дидо) до оконечности Аришти (Аршты – чеченский населенный пункт – авт.)» [там же, с. 163]. В войско привлекались и дагестанцы, поверхностно исповедовавшие ислам. В ходе этого мятежа была свергнута власть мусульман и Нау-цал становится правителем Серира. Хронологически эти события разворачиваются в первой половине VII в.

Процесс завоевания арабами Кавказа и распространение ислама среди народов региона имеют свои временные, пространственные факторы, социокультурные особенности, учет которых позволяет раскрыть сложный, противоречивый, многовековой процесс, требующий детального изучения и современных оценок.

При покорении государств и их народов арабы применяли насильственные и мирные способы. Сопrotивляющиеся государства покорялись военными средствами, а с иными заключались договоры на условиях выплаты налога. Если принимался ислам, то выплачивалась подушная подать *джизья*, а покорившиеся христиане или иудеи выплачивали и поземельный налог *харадж*.

Арабо-хазарские войны на Кавказе получили освещение в разных источниках: в путевых записках арабских и персидских путешественников, в средневековых армянских, грузинских, византийских и сирийских источниках, дагестанских исторических хрониках, произведениях досоветской и советской истории. Говоря о религиозной ситуации, мы основное внимание уделяем проникновению ислама, хотя вопросы иудаизма, христианства и языческих верований нами также затрагиваются, что позволяет признать сложность этноконфессиональной ситуации в регионе.

Распространяясь по миру, ислам утверждался по-разному, в одних регионах – мирными способами, в других – военными средствами. Он распространялся среди расово и антропологически различных этносов, обладающих особенными языками, культурами, формами общественного устройства. Его массовое распространение среди различных народов мира, как нам представляется, связано со следующими основными причинами: 1) ислам утверждал социальную справедливость; 2) выступал против расовой дискриминации; 3) интегрировал разноплеменные народы на основе божественных ценностей; 4) обязывал оказывать помощь бедным и немощным; 5) создавал правовую систему урегулирования внутриобщинных и межобщинных отношений.

Армянский историк А.Н. Тер-Гевондян в своем исследовании писал: «Осенью 640 года арабы, завоевав в 639 году Месопотамию, двинулись на Север, через армянский Тавр ворвались в центральные области Армении» [6, с. 22]. Вторжение арабов в Армению, Грузию, Албанию, начиная с указанного времени, происходило неоднократно. Как отмечает М.И. Артамонов, в 652 году Армения поступила под протекторат халифата, сохраняя внутреннюю самостоятельность.

Армения находилась под влиянием арабов в течение 100 лет. Как отмечает процитированный автор: «В Армении ислам не имел успеха, и во всем периоде

арабского владычества мы знаем лишь редкие случаи вероотступничества отдельных лиц, обычно по принуждению» [там же, с. 226].

Уже ко второй половине VII в. договор с халифатом заключили грузинские и албанские князья [7, с. 195]. Значительная часть христианизированного населения сохраняет свои обычаи, традиции, религиозные верования, хотя имелись случаи перехода к исламу.

Арабо-хазарские кровопролитные войны длились почти 100 лет, начиная с 642 года по 737 год. Так, арабский полководец Салман ибн Раба ал-Бахили в 652 году вел сражение с хазарами под городом Баланджаром (нынешнее Анджи) и вместе четырьмя тысячами мусульман был убит на поле сражения за рекой Баланджар [8, с. 151].

В дагестанском историческом сочинении «Тарихи Дербенд-наме» это сражение, длившееся в течение шести дней, описывается подробно. В последний день, как восторженно сообщается в этом источнике, 40 богатырей мусульман «отправили в ад шесть тысяч неверных и сами, вместе с Салманом и Рабиятул-Бахли, испили щербет праведных мучеников за веру и выпустили свои души в лоно вечного блаженства (рай)» [9, с. 71-72]. Трудно поверить в этот фантастический подвиг 40 мусульманских газиев, но вблизи современного Дербента существует кладбище шахидов под названием Кырхлар (сорок) как память об их сражении за веру.

В промежутке между арабо-хазарскими войнами возникали войны между хазарами и аланами. Такой авторитетный историк Хазарии как Д.М. Данлоп, ссылаясь на «Армянскую историю» Михаила Сириуса, пишет, что «предки хазар пришли захватить страну Алан, которая называлась Барсилия» [10, с. 107]. Барсилию он отождествляет с Аланией и располагает в соседней части долины Дарьяла, находящейся в центре Кавказа [там же]. На этой территории проживало и нахское племя дзурдзуков.

В арабо-графическом тексте «История Абу Муслима», переведенном на русский язык, утверждается, что арабский полководец Абу Муслим в 728/29 гг. вел военные действия в Ширване и Южном Дагестане, располагаясь в междуречье «под горой, называемой Шах Албурз», летом он сражался с «жителями области Баб ал-кист, называемой Риджа, а зимой – с жителями Баб ал-абваба, называемого Дербенд» [8, с. 75-76]. Из этого сюжета следует, что дагестанцы и чеченцы (кистины) являлись серьезным препятствием на пути реализации арабской стратегии покорения халифатом северных земель.

Как отмечает А.Г. Бакиханов, арабский полководец Абу Муслим, сражаясь против хазар и горцев Дагестана, примерно в 735 году выстраивает разрушенный в ходе арабо-хазарских войн Дербент и строит Джума-мечеть, которая существует поныне [11, с. 55]. Он покоряет дагестанскую область Кумух, а его жители принимают ислам. Некоторые здания, в том числе главная мечеть, построенные им в этом населенном пункте, существуют и поныне.

Как отмечает С.А. Плетнева, накануне похода арабов против хазар последние предпринимает поход в страну Руд-лан и страну Ардил, это их поход через Дарьяльское ущелье на город Ардебиль – центр Кавказской Албании», который состоялся в 730-731 гг. [12, с. 245].

Тот же А.Г. Бакиханов утверждает, что в 737 году Мерван собирает войско в 150 тыс. человек и в его составе участвует армянская конница во главе с ишханом Армении Ашотом Багратуни [11, с. 55]. Арабские полководцы Мерван и Язид ас-Сулами наступают против хазар в двух направлениях через Дарьял и Дербент. Хазары во главе со своим царем Буланом были разгромлены и приведены к исламу. В 737 году арабский завоеватель будто бы принудил «персов-огнепоклонников, хазар, поклонявшихся тельцу, и некоторых исполняющих закон Мусь» принять ислам». Этот автор пишет, что последний великий Омейяд Мерван взял с хазар обещание принять веру ислама, но хазары, конечно, обещание не сдержали. По этому поводу Л.Н.

Гумилев пишет: «В Хазарии все осталось по-прежнему, за исключением того, что столицу перенесли с Терека, из Семендера, подальше от арабов, на Волгу, в Итиль» [13, с. 192].

Но вторая половина VIII в. и весь IX в. в арабском халифате проходили под знаком народных восстаний против феодальной эксплуатации.

Дагестанское феодальное общество Серир (центр которого существовал на территории нынешнего Хунзаха), занимавшее важное место в этнополитических процессах в регионе, начиная с VIII в., оказывало упорное сопротивление арабам, стремившимся закрепиться на Северном Кавказе и разбить двух своих серьезнейших соперников: Аланское и Хазарское царства. Военные сражения между арабами и хазарами проходили с переменным успехом. Хазары являлись большим препятствием для продвижения арабов на Север, в места поселения славянских племен. Хотя арабам еще в первой половине VIII в. удалось, преодолевая сопротивление хазар, добраться до Дона и захватить 20 тысяч славян, которые потом были поселены «между Самуром и Шабиром, в земле Лакза» [2, с. 91]. Однако покорить территорию славян им так и не удалось.

С 735/6 по 737/8 годы Мерван захватывает Северный Дагестан, а южную часть он подчинил еще раньше [там же]. Арабский полководец Мерван в 737 году, разгромив хазар, атаковал их через Дербент и Дарьяльское ущелье. Хазарская армия на территории Дагестана была разгромлена арабскими воинами и преследовалась по реке Волга, хазарский царь Хазар-тархан спасся бегством.

Религиозный и этнический синкретизм

В силу военных действий, перемещения народов, существовавших и формирующихся религиозных традиций на Кавказе складывается мозаичная ситуация. В религиозном отношении здесь постепенно стал доминировать ислам. Так, хазарский царь Хазан-тархан, проигравший сражение с арабами, чтобы не быть окончательно уничтоженным, со своей семьей и некоторыми из своих приближенных принимает ислам [2, с. 186].

Это событие служит основанием для некоторых исследователей признать, что «на протяжении 100 лет ислам оставался государственной религией Хазарии...» [14, с. 258]. Трудно согласиться с утверждением о том, что государственной религией Хазарии являлся ислам. Такой авторитет истории хазар как Артамонов пишет, что «нет решительно никаких данных, которые свидетельствовали бы, что силой навязанное хазарам мусульманство удержалось у них сколь-нибудь значительное время» [7, с. 239]. Известный дагестанский исследователь Хазарии М.Г. Магомедов пишет, что первые попытки навязать мусульманство хазарам связано с походом Мервана в 737 году, но после «хазарский каган и его приближенные отказались от религии своих врагов» [15, с. 136].

В Хазарии, а также на территории всего Кавказа в отмеченный период наличествует этническая и религиозная мозаика, синкретическая ситуация, которую фиксирует арабский путешественник аль-Истахрий. Он пишет, что при хазарском царе имеется «семь судей из иудеев, христиан, мусульман и язычников» [16, с. 43]. Исследователь Хазарии А.П. Новосельцев отмечает, что «арабы воюют с аланами, которые были союзниками Византии и, очевидно, Хазарии» [17, с. 175].

Персидский путешественник первой половины IX в. Ибн Хурдадбэ пишет: «За Бабом находятся царства Сувар, аль-Лакз, Аллан, Филан и Маскат, Сахаб-ас-Серира и город Семендер» [2, с. 236]. Другой путешественник, Ибн-Рустэ, так описывает религиозную ситуацию в Хазарии: «Верховный глава их исповедует иудейскую религию; также, как и «иша», военачальники, состоящие при нем, и вельможи – иудеи. Остальные хазары исповедуют религию, сходную с религией турок (язычников)» [18, с. 17].

Эта смешанная в религиозном и этническом отношении ситуация сложилась

в период арабо-хазарских войн, когда арабы преодолевали сопротивление хазар и принуждали их царей принимать ислам. Ибн-Рустэ также отмечает, что среди хазар было много евреев-переселенцев, а в начале IX в. при хазарском царе Овидии религия иудейская, распространившаяся среди хазар, сделалась господствующей, так что, как говорят Аль-Истахрий и Ибн Хаукаль, хаканом мог быть только человек, исповедующий иудейскую религию. Главный город у них Сарашень, и рядом с ним другой город, по имени Хабиела. В обоих этих городах живут мусульмане, и у них мечети, имамы, муэдзины и училища» [19, с. 43].

Ибн-Рустэ, описывая царство (замок – авт.) ас-Серир, утверждает, что «обитатели замка все христиане, а остальные жители его государства все кафиры» [там же, с. 45]. От этой крепости, в 12 остановок, среди гор и многочисленных лесов находится город Хайзан (Хайдан). У него царь, исповедующий три религии: в пятницу он молится с мусульманами, в субботу с евреями, а в воскресенье с христианами [там же, с. 47]. На вопрос, почему он так поступает, он ответил: «Так как каждая религия считает, что истина в их руках, а он постигает истину всех религий» [там же, с. 49].

Как отмечает А.Р. Шихсаидов, религиозная ситуация в период доминирования арабов в Дагестане, складывалась в борьбе с местными религиозными культурами, веротерпимостью мусульман по отношению к христианам [20, с. 116-117].

О начале принятия ислама нахскими племенами

Предки нынешних чеченцев в разное время входили в состав различных протогосударственных образований, союзов племен, существовавших на Кавказе. Арабские завоевания на Кавказе непосредственно отразились на их жизни, культуре и мировосприятии.

Аланское царство, с точки зрения Ибн-Рустэ, находилось на пути трех дней от Серира. Сам царь аланов являлся христианином, а большая часть жителей царства его были кафиры (язычники), поклонялись идолам. Аланы, по его мнению, делятся на четыре племени. Почет и власть принадлежит племени, называемому «дахсас», царь аланов назывался «батаир». Скорее всего, племя дахсас является нахоязычным. Для подтверждения этой версии необходимо специальное исследование. Ибн-Рустэ фиксирует этническое многообразие Аланского царства, однако некоторые современные исследователи порою игнорируют этот аспект, решительно утверждая, что аланы – это предки только современных осетин или иного народа Кавказа.

Другой арабский путешественник, Масуди (X в.), пишет, что «царство аланов значительнее царства Серира. Цари его носят титул Керкендадж, подобно тому, как цари Серира носят титул Филан-шах» [19, с. 53]. Столица страны называлась Маас, «что означает благочестие. Царь аланов имел имя Керкендадж» [там же]. А.К. Бакиханов, опираясь на Масуди, утверждает, что один из предков царя аланов «в первом столетии правления Аббасидов принял христианскую веру, а до этого он был огнепоклонником, он оставил эту веру в 320 г. (932) и прогнал от себя священников, посланных к нему греческим императором» [11, с. 13].

Приведенные арабским путешественником данные дают некоторые сведения о царстве аланов, вместе с тем, они также не получили тщательного осмысления. Религиозная ситуация в нем сложная, противоречивая, о бытовании в нем ислама ничего не сказано. До сих пор нет однозначного ответа на вопросы: где находился Маас, что означает имя Керкендадж, к какому этносу принадлежал этот царь, каковы его «государственные» деяния? Ответы на эти вопросы ждут своего исследователя.

Арабский путешественник ибн аль-Факих пишет, что Хабиб аль-Маслама в Армении завоевал Джуррах, Кесфар, Кисал, Хукан, Самсахи, Джарджаман, Кясфи-Бис, Шавшит и Базалит мирным путем для Османа ибн Аффана (третий халиф Осман), заключив договор, что они дадут подушный и земельный налог.

А с санарийцами (в армянских источниках – «цанары» – авт.) и руданийцами заключил мир под условием уплаты дани [21, с. 27]. Тот же путешественник пишет, что Язид ибн Усайд управлял Арменией, завоевал Баб-Аллан и назначил туда гарнизон из воинов, числящихся в списках, он покорил санарийцев, так что они заплатили харадж [там же, 31]. О хазарах он говорит, что все они иудеи, но таковыми сделались недавно [там же].

Как известно, в аланский союз входили и нахские племена, которые, в свою очередь, оказывали упорное сопротивление экспансии арабов, прорывавшихся на Предкавказье через Дарьяльское ущелье. Начиная с VII в. по XI в., народы Северного Кавказа в той или иной степени становятся бурными участниками военно-политических событий, проходивших в крае, в ходе которых возникали и распадались племенные союзы, государственные образования. И в этих процессах роль предков чеченцев была достаточно активной.

Леонтий Мровели в своей книге «Картлис Цховреба» («История Грузинских царей») подробно описал это явление. Здесь, думается, уместно привести некоторые исторические факты. Этот источник сообщает, что сын Хазарского царя Уобос в IX в. напал на дзурдзуков, живших на южных склонах большого Кавказского хребта. По мнению Г.А. Меликишвили, дзурдзуки и есть племена бацбийско-кистинской группы, занимавшие «центральную часть Главного Кавказского хребта» [22, с. 294].

В ходе кровопролитного сражения дзурдзуки переместились на юго-восток, иные вынуждены были уйти вглубь грузинской территории. Одни подверглись исламизации, другие стали христианами и были ассимилированы грузинскими племенами, третьи подверглись хазарской ассимиляции. Хазарами была захвачена значительная часть территории дзурдзуков-чеченцев.

Важно признать, что среди нынешних грузин присутствует значительный нахский субстрат. Это подтверждает прекрасный исследователь грузинских исторических хроник Г. Дулая, который грузинское племя эров генетически связывает с наско-дагестанской группой иберийско-кавказской семьи народов [23, с. 42]. Проблема генетического родства целого ряда народов Северного Кавказа сложная и малоизученная, но ее решение видится при целенаправленном специальном исследовании.

Конкретная хронология перехода к исламу дагестанских и нахских племен в религиоведении края отсутствует. У дагестанцев дата принятия ислама растянулась на века. Известный востоковед А.Р. Шихсаидов пишет: «Важным обстоятельством была беспрецедентная, затянувшаяся почти на тысячелетие исламизация Дагестана» [2, с. 185]. Далее он утверждает, что «арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам, несмотря на военный режим и на экономические мероприятия, утвердился к этому времени на территории, занимающей примерно пятую часть региона» [там же]. Тот же самый А.Р. Шихсаидов, тщательно изучивший тексты арабских, персидских путешественников, местные арабо-графические тексты, приходит к выводу о том, что «исламизация дагестанского общества прошла в два этапа (VII – первая половина X в. и вторая половина X–XVI вв.)» [там же].

Думается, такая ситуация складывалась с принятием ислама и у предков чеченцев. Однако здесь важно отметить одну особенность: процесс исламизации среди чеченцев, начавшийся также как у дагестанцев в VII в., растянулся до XVIII в., а у ингушей – до XIX в. К такому выводу позволяют прийти археологические, этнографические сведения, архивные документы, местные арабо-графические хроники. В связи с этим хронология принятия ислама чеченцами, как нам представляется, не имеет принципиального расхождения с указанной выше хронологией принятия ислама народами Дагестана.

Некоторые исследователи, не обладая конкретными фактами и строгой научной базой, удревляют период принятия чеченцами ислама и возводят его к первой половине VII в. Подобное утверждение, при всей его привлекательности, нельзя признать истинным, ибо оно лишено конкретного объективного

основания. Дело в том, что оно не подтверждается ни материальными, ни духовными сведениями. Принятие ислама чеченцами и другими народами Кавказа не является одноразовым хронотопическим явлением, это длительное событие, растянутое на многие века во времени и пространстве.

Литература:

1. Мовсес Хоренаци. История Армении. – Ер.: Айастан, 1990.
2. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. – М.: Наука, 2004.
3. Агатангелос. История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. Статья и комментарий К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатян. – Ер., Наири, 2004.
4. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1996.
5. Тарихи Дербенд-наме: историческая хроника / под редак. М. Алиханова-Аварского, вступ. ст. и коммент. А.Р. Шихсаидова. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2007.
6. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. – Ереван, 1977.
7. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002.
8. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993.
9. Данлоп Д.М. История еврейских хазар. Перевод с англ. А. Кудрявцевой. Принстон, Нью-Джерси, 1954. (Рукописный отдел Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Ф. 1. О. 1. Д. 466.
10. Бакиханов А.К. Гюлистан-и-Ирам. – Баку: Элм, 1991.
11. Плетнева С.А. Хазары // Манягин В. Хазары: таинственный след в русской истории. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2010.
12. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – СПб., 2002.
13. Хизриев Х.А. О времени и путях проникновения ислама в Чечню // Народы Северного Кавказа в общероссийском пространстве: история и современное состояние. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Хасавюрт. 10 декабря 2011 г.
14. Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994.
15. Ал-Истахрий. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. Перевод с арабского языка Н.А. Караулова // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIV. – Тифлис.
16. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
17. Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. – Тифлис, 1901.
18. Ибн-Рустэ. Из книги драгоценных камней // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXII. Тифлис, 1903. – С. 43.
19. Масуди. Сведения арабских географов IX и X вв. // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.
20. Шихсаидов А.Р. Ислам в Средневековом Дагестане (VII-XV вв.). – Махачкала, 1969.
21. Ибн аль-Факих // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXI. Тифлис, 1902.
22. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959.
23. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. – М.: «Наука», 1979.

Лиза Адмисиева

Путешествие И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам...

Иоганн Антон (Антонович) Гюльденштедт (Гильденштедт) – нем. Johann Anton Güldenstädt (Гюльденштедт). Поскольку в латинском алфавите нет буквы-умляут – «ü», буквы-умляут «ä», а сочетание букв «st» читается в немецком как «шт», а в латинском как «ст», вероятно, этим и объясняется тот факт, что фамилия Güldenstädt переводчиками писалась как Гильденштедт или Гильденштедт. Родился он 26 апреля 1745 года в Риге, умер 23 марта 1781 года в Санкт-Петербурге. Естествоиспытатель и путешественник, выходец из балтийских немцев, состоявший на русской службе с 1768 года.

Гюльденштедт является автором первого описания и характеристики почв, растительности и животного мира южнорусских степей, первым объяснил происхождение чернозема, впервые описал ряд до того неизвестных позвоночных (слепыш, новый вид суслика и др.) Но для нас представляет интерес, что это один из первых европейцев, исследовавших быт и культуру северокавказских народов.

В 1768 году, имея медицинское образование и докторскую степень, он, по приглашению Санкт-Петербургской академии наук, приехал в Россию. Гюльденштедт участвовал в академических экспедициях 1768–1774 годов. Ему было поручено обследование Кавказа в пределах Астраханской губернии того времени. Однако Гюльденштедт отправился обследовать Северный Кавказ и Грузию.

Время пребывания Гюльденштедта на Кавказе совпало с русско-турецкой войной 1768–1774 годов, и это определило повышенное внимание исследователя к вопросам военно-стратегического характера. Гюльденштедт осуществлял свои экспедиционные исследования Кавказа по заданию российского правительства, четко осознававшего собственные интересы и цели в этом регионе. Гюльденштедт в полной мере и с большой тщательностью выполнил возложенную на него миссию. При сборе сведений он руководствовался не только предписаниями свыше, но и собственными представлениями о долге ученого перед наукой и обществом.

О Г Л А В Л Е Н И Е.	
О ш д ъ л е н и е п е р в о е.	
О Терекѣ и находящихся на немѣ Россійскихъ селеніяхъ.	
	Справа.
ГЛАВА I. О Терекѣ и побочных его рѣкахъ	1.
ГЛАВА II. О Россійскихъ селеніяхъ на Терекѣ, и имѣющихся около его теплицахъ	16.
О ш д ъ л е н и е в т о р о е.	
О Кавказѣ и Кавказскихъ народахъ.	
ГЛАВА I. О положеніи и раздѣленіи Кавказскихъ горъ	29.
ГЛАВА II. О Минералахъ Кавказскихъ горъ	38.
ГЛАВА III. О Кавказскихъ народахъ	74.
1. Грузинскія провинціи	76.
2. О Киспяхъ	77.
3. — Чечегахъ	86.
4. — Карабулакахъ	—
5. — Осетинцахъ	88.
6. — Дугорцахъ	100.
7. — Татарскихъ народахъ	101.
8. — Лесгинцахъ	115.
9. — Черкесахъ	135.
10. — Абхазахъ	139.
11. — Базіанцахъ	146.
О ш д ъ л е н и е т р е т ь е.	
О Грузіи.	
А. Землеописаніе.	
Введеніе Географическое	152.
Введеніе Историческое	153.

Гюльденштедт обстоятельно исследовал нефтяные месторождения и минеральные источники в Центральном Предкавказье, составил подробное описание флоры и фауны тех мест, по которым проходил маршрут экспедиции, занимался сбором лингвистических данных.

Путешествие Гюльденштедта на Кавказ началось в июне 1768 года. В декабре 1769 года отряд достиг Астрахани. Оттуда Гюльденштедт отправился в Кизляр, ставший до осени 1771 года базовым лагерем для исследования близлежащих территорий Северного Кавказа. За это время экспедиция посетила районы, заселенные терскими казаками, кумыками, чеченцами, ингушами, побывала в Малой Кабарде и Осетии.

В сентябре 1771 года Гюльденштедт прибыл в Грузию. Там он пробыл год.

Осенью 1772 года группа двинулась в обратный путь. Достигнув Северного Кавказа, Гюльденштедт провел несколько месяцев в Кизляре, где продолжил свои исследования, а также составление сводных описаний Кавказа.

Оставив Кизляр, он вновь обследовал территории между Терекком и Сунжей, совершил объезд Большой Кабарды, проехал Пятигорье и земли вдоль Кумы, и в июле 1773 года прибыл в Черкасск. Из устья Дона Гюльденштедт намеревался проехать в Крым, но условия военного времени помешали осуществлению этого плана... В Москву прибыл он во второй половине декабря 1774 года. 2 марта 1775 года он возвратился в Санкт-Петербург.

В 1780 году Гюльденштедт был избран президентом Вольного экономического общества.

Умер Гюльденштедт 23 марта 1781: во время эпидемии 1781 года он с такой самоотверженностью лечил больных, что истощенный организм не справился с болезнью.

Этнограф рубежа XIX–XX веков Б. Далгат в своей статье «Первобытная религия чеченцев» писал, что труды Гюльденштедта «в изучении Кавказа составляют целую эпоху»¹.

Труд Гюльденштедта содержит ценный фактический материал, в частности, по истории и этнографии. Он часто является единственным источником XVIII века, позволяющим фиксировать расселение тех или иных групп населения, а также топонимику Северного Кавказа.

Книга была издана Императорской Академией наук только после смерти Гюльденштедта в 1809 году в виде записок по материалам, собранным путешественником и ученым во время экспедиции по югу России, Северному Кавказу и Грузии.

Географические и статистические сведения о Северном Кавказе и Грузии, собранные автором, продолжают представлять немалый интерес для современных ученых и всех, кто интересуется историей Северного Кавказа, Грузии и, в частности, Чечни.

Книга состоит из четырех отделений (разделов).

Отделение первое:

О Терекке и находящихся на нем российских селениях.

Отделение второе:

О Кавказе и кавказских народах.

Отделение третье:

О Грузии.

Отделение четвертое:

Об Имерети.

В первом отделении книги Гюльденштедт описывает бассейн реки Терек с впадающими в него реками и речушками. Попутно он называет селения, находящиеся по берегам этих рек. Например, он пишет, что «Сунджа (Сунжа)... заслуживает особенного описания. Так называют ее черкесы и русские, а кистенцы (вероятно, вайнахи) именуют ее Солчью (Сольжа)... В верхней ее части лежат наиболее кистенские (кистинские) уезды (деревни), а при самом истоке уезд Аккиньюрт»².

Далее автор перечисляет названия рек, впадающих в Сунжу, а также сообщает нам о селениях, находящихся близ этих рек. Попутно указываются места, где имеются залежи ценных ископаемых и т.п.

Большое внимание уделено описанию рек и речушек: истоки, куда впадают, состояние берегов, качество воды, наличие рыбы и т.д.

Изучив наиболее значимые водные артерии Северо-Восточного Кавказа, Гюльденштедт приходит к выводу, что «Терек и обе большие реки Малка и Сунджа, в него впадающие, сходятствуют между собою как началом своим, вытекая из высоких гор, так равно берегами и руслами, которые состоят из глины и песку, равномерно и быстрым своим течением, мутною, но здоровую водою и водящимися в них породами рыб»³.

Вторую главу первого отделения автор посвятил описанию казачьих станиц и крепостей, расположенных по левому берегу реки Терек. «Все селения по берегу реки Терека, от Моздока до Червленной, называются Моздокскою, а оттуда вниз Кизлярскою, обе де вообще Терекскою линиею»⁴. Описывая местоположение крепости Моздок, автор отмечает, что это открытая и возвышенная степь, «а потому и воздух около Моздока чище и здоровее, нежели у Кизляра. В указе, по силе которого сия крепость основана, сказано, чтобы населяли ее одни токмо азиатские, а между ими одни только христианские жители, армяне и грузинцы или также и новообращенные из татар, осетинцов и других горных народов»⁵.

От крепости Моздок вниз по Тереку находятся станицы: «Голугай» (Голюгаевская), «Ишора» (Ищерская), «Наур» (Наурская), «Мекен» (Мекенская) и «Калинова-луга» (Калиновская), которой заканчивается Моздокская линия. От станицы Червленной начинается Кизлярская линия. Это станицы: «Шадрина» (Шадринская), между Шадринской и Новогладковской («Новогладкая») находятся шелковичные заводы, «Старогладкая» (Старогладковская), «Курдюковская». «Здесь, – отмечает автор, – берег Терека не так уже лесист и чем далее вниз, тем менее лесу». Далее идут «Каргалина станица» (Каралинская), «Дубовка» (Дубовская) и Бороздинская.

Особое место уделено описанию города и крепости Кизляр. Город «разделяется на 4 части»:

– Крепость, вокруг которой нет строений.

– Солдатская слобода, которая «находится несколько сот шагов выше крепости».

– Собственно город, в котором «находятся дома различных народов, коими населен город, и разделяется на 8 кварталов»: Армен-тир (армянский квартал или армянская слобода); Курце-аул (грузинская слобода); в Кристи-ауле жили горцы, принявшие христианство; квартал терских казаков, которые вместе с новокрещенцами составляли Терское войско; в Окочирской слободе, предположительно, проживали не только кумыки и ногайцы, но и горцы-окочане; Черкес-аул населяли подданные князя Бековича-Черкесского; казанские татары проживали в Казанте-ауле; Дезик-аул (Тезик-аул) был населен, преимущественно, купцами, выходцами из Персии.

– Четвертая часть города – Кирда-Юлер (Кирди-аул, т.е. «полевое строение»). Эта часть города находится на равнине и отделена от города. «В ней находятся виноградные сады и огороды жителей...»⁶

Автор описывает хозяйственные занятия казаков. Скотоводством, земледелием, садоводством, шелководством и пр. казаки занимаются в свободное от службы время, в основном для собственных нужд. Главное же занятие армян, татар, грузин и персов «составляет торг с Персией и Россией». Приводятся данные о товарообороте.

Далее названы и коротко описаны горячие источники, большая часть из которых находится «противу казацких слобод Новогладкой, Шадриной и Червленной». «Селения, находящиеся при Тереке, к северу состоят из русских казаков, а те, кои лежат на юг, из татар⁷ и других народов татарского происхождения. Но от сих селений никакой опасности быть не может, ибо татарские (горские) князья, в них обитающие, присягали в верности Российскому престолу и дали заложников»⁸.

Второе отделение книги называется «О Кавказе и кавказских народах». «Кавказ, занимающий все пространство между западным берегом Черного и восточным Каспийского морей, искони уже был славен в физическом и политическом землеописании, в истории и даже в баснословии, высокими своими горами, народами, в нем обитающими, а наипаче их переселениями, также истекающими из онаго реками; но еще никем удовлетворительно не описан»⁹. Первая глава посвящена географическому описанию главных хребтов Кавказа. Во второй главе описаны всевозможные месторождения руд и минералов.

Третья глава посвящена кавказским народам, о которых Гюльденштедт успел собрать материал во время своих экспедиций.

Называя кистами, Гюльденштедт довольно подробно описывает все вайнахские народы. Имя «кисты, кистинцы» он дает некоторому числу округов, граничащих на западе с Малой Кабардой, на севере с Терекком, на востоке с «татарскими и лезгинскими... землями», на юге «с лезгинскими и грузинскими землями».

Записки путешественника и исследователя относятся к тому времени, когда на Северном Кавказе наблюдается сложная политическая обстановка. С одной стороны – многие горские общества дают присягу на верность России, с другой – идет массовое заселение северокавказских земель казаками и крестьянами из внутренних губерний, что в свою очередь не нравится местным жителям (горцев притесняют, вынуждая отступать в горы и т.д., отсюда конфликты и т.п.). Закрепляя завоеванные позиции, царское правительство раздает помещикам и дворянам земли, активно призывая их осваивать новые просторы.

Автор отмечает, что «некоторые... имеют независимых владетельных князей, как например, чеченцы, другие не имеют дворянства, но выбирают между собою богатейших, а особливо имеющих большое родство, в старшины, коим они однако же столько повинуются, сколько им угодно»¹⁰. Говоря о кистах, Гюльденштедт имеет в виду не только собственно кистинцев, но и чеченцев, ингушей и т.д. Кистинцы или кисты – это часто употребляемое название вайнахов, «оно грузинское, легчайшее и россиянам знакомое, нежели мицдшеинцы, и более общее, нежели чечены». О языке он пишет, что чеченский не схож ни с каким из кавказских языков и вообще, ни с каким из известных языков, то есть «совсем особенной».

Описания местностей и народностей часто отрывочны и неточны, текст изобилует опечатками и стилистически несовершенен (это, скорее, недоработки переводчиков, нежели самого автора), однако и эти сведения представляют огромный интерес для исследователей, историков и всех, кто интересуется историей Северного Кавказа. Материалы Гюльденштедта часто являются единственной источниковой базой для исследователей XVIII века. Его труды

ценны огромным количеством фактического материала по истории, этнографии, лингвистике и многим другим наукам. Сведения, собранные Гюльденштедтом, были особенно ценны для его современников и коллег-ученых.

После смерти ученого обработанные дневниковые записи и другие материалы были изданы на немецком языке П.-С. Палласом, а позднее части работы, касающиеся Кавказа и сверенные с рукописями, были опубликованы также на немецком языке Ю. Клапротом. Данная же работа представляет собой систематизированное извлечение из описания путешествия Гюльденштедта, сделанное статистиком и экономистом, академиком К.Ф. Германом (1809 г.)¹¹, которое также предназначалось – в качестве справочника – для представителей российской администрации на Кавказе.

По мнению М.А. Полиевктова эти издания устарели и совершенно не отражают всего богатства наследия, которое оставил Гюльденштедт, и остается совершенно не использованным в науке.

Восполнить этот пробел, по мнению Полиевктова, можно было только подготовкой нового издания труда И.А. Гюльденштедта. Он изучил архив Гюльденштедта и в 1941 году подготовил к печати рукопись под названием «По архивным следам Гюльденштедта и его путешествий на Кавказ», которую не успел опубликовать. Позднее работу по изучению архивных материалов Гюльденштедта продолжил грузинский исследователь Г.И. Гелашвили, который опубликовал двухтомник, содержащий немецкий текст с грузинским переводом «Путешествия Гюльденштедта по Кавказу».

¹ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев. Терский сборник. – Владикавказ. 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 46.

² Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб., 1809. С. 11–12.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 16–17.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Имеются в виду горцы.

⁸ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 27.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 77.

¹¹ М.О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. Т.1. С. 285–286.

Саламбек Алиев

Честный и несчастный частный сектор, или Особенности национального фермерства

Мудрость народная гласит: не хлебом единым жив человек. И тут же: хлеб – всему голова. В первом случае нас предупреждают о том, что есть и другие ценности, кроме потребительских, и что, собственно, живем не ради того, чтобы кушать, а кушаем ради того, чтобы жить. Вторая же истина возвращает нас на круги своя: война войной – обед по расписанию. И это вне зависимости от того – знатный ли ты вельможа или калиф на час. С той лишь разницей, что кому-то Бог дает дымящийся ароматный плов, а кому-то лишь аппетит.

В те далекие времена, времена советско-социалистические, «когда наши космические корабли бороздили просторы Вселенной», мальчик советского образца на вопрос, кем он мечтает стать, как правило, отвечал: космонавтом.

У Салмана. С. в личном пользовании 60 гектаров земли, старый трактор «Т-150», шестикорпусной плуг, лафет к трактору и, как он сам выражается, «вечные проблемы». Вокруг Салмана бегают не по годам шустрый и сообразительный Ислам – сын. Вместе они ремонтируют трактор – надеются «сделать» его к пахоте. Исламу десять лет. На вопрос, кем он мечтает стать, мальчик, не задумываясь, отвечает: фермером! Отец после этого его ответа смотрит на него то ли с укоризной, то ли с сожалением, то ли...

– В прошлом году я не посеял, земля пустовала – попросту не было средств: соляра дорогая, семена посевные дорогие и притом надо было привозить со Ставрополя. А тут мотор у трактора накрылся – полный капремонт, – рассказывает Салман. – Но, вместе с тем, пришлось выплатить налоги, пенсионные отчисления... И вообще, думаю забросить это дело... Сил моих больше нет.

– Как же так? Вот же Ислам хочет стать фермером.

– Хочет? Пожалуйста! Только что из этого выйдет?

– Салман, а предыдущий урожай? Нельзя было отобрать и отложить семена на следующий посев?

– В том-то и дело, что урожая в том году я не собрал – зима выдалась без снега, потом всю весну дождей не было, и лето в целом было засушливое. Короче, получилось, что и керосин зря прожог и все такое.

У Салмана жена и еще двое детей – дочурки четырех и двух лет. Живет в маленьком домике из двух комнат с прихожей. Есть отдельная кухня с ванной. Дом Салман строил сам – сам и кирпич клал, сам же и «подсобничал». Жена работает в сельской школе учительницей младших классов с окладом в семь с половиной тысяч рублей. В этом году Салман хочет засеять все шестьдесят гектаров под озимые. Семена для посева им уже закуплены. Солярка – десять двестилитровых бочек, т.е. две тонны, стоят уже заполненные. Откуда деньги? Нехотя Салман признается, что обналичил так называемый «материнский капитал».

1989 год – начало фермерского движения в СССР. Этому предшествовал мартовский пленум ЦК КПСС, который рассмотрел вопрос «Об аграрной политике в современных условиях» и впервые в истории СССР принял решение о переходе к развитию агропромышленного производства на основе разнообразных форм собственности и видов хозяйствования, в том числе «арендных коллективов и арендаторов, крестьянских хозяйств и их

кооперативов, личных подсобных хозяйств граждан». Эти решения положили начало созданию первых фермерских хозяйств.

С тех пор прошло двадцать с лишним лет. В российском обществе закрепилось иностранное слово «фермер» (вытеснив, кстати, «крестьянин»), но до «иностранного» качества пока что еще не доросли. За эти же двадцать лет многие самостоятельные крестьянские хозяйства не выжили – все те социальные, политические, экономические потрясения, что испытала (и испытывает) страна, сказывались (и сказываются), конечно, и на фермерах. Но, вместе с тем, многие и многие фермеры не хотят сдаваться, и зачастую они это делают не благодаря чему-то, а вопреки всему.

Братьям Халиду и Хасану «фермерство» досталось в наследство от отца. Когда другие только обдумывали и взвешивали свои возможности, отец братьев, Идрис, один из первых в тогда еще ЧИАССР сразу за тем самым пленумом ЦК КПСС взял курс на новую аграрную политику – оформил аренду на 150 гектаров земли, взял ссуду, закупил два трактора – колесный и гусеничный и... И пошло дело. Идрис понимал, что дело не может не пойти, если оно боится мастера. А он, действительно, был из тех, кто в буквальном смысле утопал в работе – днями и ночами напролет пахал, сеял, обрабатывал отведенные для него гектары. Зимой же готовил технику, так что к весне она у него была готова настолько, что до самой глубокой осени не могла его подвести. Ни развал огромной страны, ни начавшиеся вслед за этим революционные волнения в республике не могли оторвать Идриса от любимой работы – он все так же пахал, сеял, убирал.

Первая военная кампания в Чеченской Республике уничтожила транспортный парк старого фермера, который к тому времени обзавелся еще одним трактором и грузовым автомобилем ГАЗ-53. Но в короткий период между первой и второй военной кампанией Идрис взялся за дело с еще с большим рвением. К этому времени сыновья подросли – помогали отцу в ремонте техники, а следом сели за штурвал старенького «ДТ-75» и полностью подлатанного «МТЗ-80». И снова закипела работа на поле. То были годы ичкерийского правления, когда не приходилось даже и думать об отлаженной работе государственных ведомств и структур, но Идрис был одним из немногих чеченских фермеров, который прежде чем завозить зерновые в свои закрома, раздавал его неимущим, бедным, сиротам, вдовам.

В самом начале второй чеченской кампании Идрис был убит при минометном обстреле родного села. Большой зерносклад, построенный с таким трудом и о котором Идрис так долго мечтал, был полностью разрушен. После прямого попадания артиллерийского снаряда от «ДТ-75» остался один остов с торчащими по бокам звеньями от гусеничных траков.

Осенью 2004 года братья, Халид и Хасан, решили взяться за оставшееся от отца хозяйство. Поле, которое когда-то приносило хлеб, было все в окопах и траншеях войны. «ДТ-75» ни на что не годился – сдали на металлолом. Трактор «МТЗ-80», к которому спереди приделали лопату, надрывался из последних сил, пытаясь засыпать те самые окопы и траншеи. О том, что колесный «МТЗ» вспашет поле, что за несколько лет было утрамбовано и укатано, как асфальтированная трасса, федеральной техникой, братья и не мечтали. Наняли тракториста на «К-700» из соседнего села. Договорились рассчитаться зерном с будущего урожая. В том году решились засеять только гектаров восемьдесят. Следующим летом урожай выдался отменным. Братья рассчитались с долгами и удачно реализовали продукт, притом оставили семена для посева уже всех ста пятидесяти гектаров...

С тех пор прошло девять лет. Из 150 гектаров за Хасаном осталось только пятьдесят – сто гектаров забрал госхоз. Халид полностью вышел из дела – ушел в частные извозчики. С того первого удачного урожая все последующие годы братья терпели одни убытки: каждый год нанимали чужую технику –

осенью трактор для вспашки и обработки, летом комбайн для уборки и, самое страшное, урожай из года в год выходил все хуже и хуже.

– Думаешь, вспахал и посеял – и все что ли? – объясняет Хасан. – Нет, конечно. Землю надо питать дополнительно, удобрять ее, а это уже новые затраты. Требуются лишние деньги. А денег нет вообще, не то чтобы лишних.

– Государство же выдает гранты фермерам. Не узнавал, что и как?

– Какие гранты? – на лице Хасане недоумение.

– Говорят, до полутора миллиона рублей. Безвозмездно. На закупку техники, ну и других хозяйственных нужд.

– Не слышал... не знаю.

– Так пойдй разузнай. Съезди в Минсельхоз. Поспрашивай. Подай заявку... Молчит Хасан. Задумался.

По официальной статистике, в целом по России 285 тысяч крестьянских хозяйств, в которых занято более миллиона человек. Есть статистика и неофициальная, которая гласит, что реально из этих хозяйств функционирует только половина и что половина той половины на грани банкротства. Также статистика информирует нас, что 9,2% сельхозпродукции РФ – заслуга крестьянско-фермерских хозяйств, в частности 20% зерновых дают фермеры.

Одни уверяют, что с каждым годом фермеров становится все меньше, так как непосильный это труд. Другие же – зачастую такую информацию выкладывают официальные государственные источники – твердят о том, что в фермерском полку с каждым годом прибывает.

Быть фермером – это не только любить выбранную профессию, не только любить землю, не только не брезговать запахом навоза, но в российских реалиях быть наглым, упертым и изворотливым, поддерживать связи с нужными людьми, научиться умению давать «на лапу», обладать крепкими нервами, быть очень хитрым и т.д. и т.п. Некрасиво-то как получается! Быть фермером – это прямая дорога в негодяи? Но если не так, то как? Как быть людям, которые не покладая рук, с утра и до вечера, а с вечера до самого рассвета производят, к примеру, молоко, которое у них закупают за сущие копейки – 5-7 рублей за литр, а потом то же самое молоко на прилавках магазинов появляется по цене 50 рублей за тот же литр? Как экономически и физически выжить людям, которые сдают государству мясо за 70-80 рублей за килограмм, а потом оно же появляется на рынках и в магазинах за 350 рублей? Как быть частному аграрию, который бензин, солярку и масло отмеряет давно как не в тоннах и даже не в литрах – счет пошел на граммы, а ему заявляют, что его зерно неконкурентоспособно не только на внешнем рынке, но и на внутреннем? Как быть, когда телевизор сладко врет, а жизнь ломает последние чаяния и надежды? Что делать с посредниками, продавцами, перекупщиками, которые так и ждут, пока отчаявшиеся фермеры отдадут мясо, молоко, зерно за бесценок? А ведь и отдают, так как других вариантов у них не остается, иначе и молоко, и мясо, и зерно киснет, стухнет, сгниет. В отличие от всех дельцов, которые обладают хоть небольшой монопольной властью, фермеры не могут влиять на свои цены. Они «вынуждены принимать любую цену», будучи во власти рынка.

Особенность национального фермерства заключается в том, что ни один из моих героев вначале не хотел со мной делиться своими проблемами, рассказать о нелегких буднях крестьянской жизни. Никто из моих собеседников не желал, чтобы я в своем письме упоминал их под настоящими именами, чем, собственно, немало меня удивили. Даже в случаях далеко безобидных, где мною задавались вполне заурядные вопросы, человек долго раздумывал, «отвечать – не отвечать – как отвечать?» Но с другой стороны, я их понимал. Понимал, что они осознают всю бессмысленность каких-либо жалоб и причитаний со страниц периодического журналистского издания – сколько всего написано! – а азбучную истину «молчание – золото» усвоили чуть ли не все социальные слои населения. Все это напоминало историю из рассказа Мусы Бексултанова

«Не спасся», где главный герой Довт боится всего. «Довт боялся. Боялся не так, как другие, не страхом за свою шкуру. Он боялся оказаться в чем-нибудь виноватым. Быть невиновным было трудно. Невиноватых не было. Плач детей в колыбели и тот казался подозрительным — так ли плачут дети?..» (перевод А. Магомедова).

В 2000 году Аслан вместе с женой и двухгодовалым сыном уехал на Север. Снял там квартиру, устроился на работу водителем. Дома, в Чечне, остался отец и младший брат. Брата, который никогда не участвовал ни в каких вооруженных формированиях, однажды при очередной зачистке забрали, как это происходило и в тысячах других чеченских семей. Через месяц изувеченное и обезображенное тело удалось выкупить. Похоронили. С тех пор здоровье отца пошатнулось. Начало мучить так называемое давление. Проблемы с сердцем. Первый инсульт. В 2010 году Аслан вынужден был вернуться домой к отцу. К тому времени родились еще двое сыновей. Когда уезжал, на руках у жены был двухгодовалый мальчик. Возвращался на родину тоже с двухгодовалым сыном, которого один из родственников окрестил Северным сиянием за его мягкий нрав и вечно улыбающееся лицо.

– Я приехал на своей машине. Иномарка. Дорогой автомобиль. Денег «северных», накопленных за эти годы – 600 тысяч рублей, – рассказывает Аслан. – Сразу же повез отца на лечение. Вывез в другой регион. Положил там в больницу. Потом туда-сюда, через месяц-полтора смотрю, трехсот тысяч как не бывало. Двоих сыновей в школу надо? Одеть надо? Кушать надо? Ну и там всякое по мелочи. Деньги тают прямо на глазах. Думаю, как быть? Ведь и года не пройдет, а от тех денег уже и копейки не останется. Денег не останется, а потребности кушать, одеваться и всякие мелочи – да, останутся. И тут я решил всю оставшуюся сумму пустить в дело – закупить крупнорогатый скот.

На данный момент личное подворье Аслана составляет тринадцать здоровенных бычков калмыцкой породы, которые стоят у него на привязи в хлеву. Десять дойных коров и восемь телят, что от тех самых коров.

– Две телки по неизвестной причине слегли через месяц после рождения. Никакие уколы, таблетки, порошки – ничего не помогло, сдохли.

А еще в хозяйстве – до тридцати голов овец и даже кобыла с кобыленком, хотя на ней никто и не ездит. По дешевке подвернулась, вот и купил.

– Когда я только-только начал закупать скотину – сперва две головы купил, потом одну, следом еще две – все были поражены, в том числе и отец. Ведь я же никогда в жизни не занимался этой деятельностью, да и сколько себя помню, в нашей семье отродясь не держали ни коров, ни даже куриц. Все считали меня белоручкой, не способным не то чтобы ухаживать за скотиной, убирать за ней навоз, но и вообще не способным к какому-либо физическому труду. А тут взял и отстроил два больших крытых сарая, летний баз, отдельный сарай для овец, воду подвел так, чтобы в ведрах не таскать...

Пример Аслана очень яркий. Наглядно показывает, что стоит человеку захотеть, он может, сможет. Что питаться всякими иллюзиями, надеясь на какой-то абстрактный завтрашний день, притом абсолютно не имея на то оснований, очень глупо и очень чревато.

– Жена тоже никогда не имела дела с коровами, не доила их. Боялась под них подсаживаться, чтобы выдоить, а тут уже десять коров и утром, и вечером выдаивает. «Молочку» – творог, сыр, сметану – возим на рынок в Грозный. Сдаем оптовикам. Выручаем шесть-семь тысяч рублей в неделю. Какие-никакие деньги. Скоро начну сдавать бычков.

К тому времени, подгоняя телят, подошел средний сын Алман. Ему одиннадцать лет. Включил мотор и, наполнив железное корыто водой, запустил телят к водопою.

– Сделай обед и намаз и смени Ахьяда. Пусть тоже зайдет, пообедает. А телят пока загони в тень, – отдает распоряжение Аслан.

Ахьяд – старший из детей Аслана.

– Как мальчики? Помогают по хозяйству? – спрашиваю.

– Понимаешь, дети они и есть дети. Хотя Ахъяду уже пятнадцать лет, но все-таки хочется ему играть, развлекаться. Стараюсь приобщить их к труду так, чтобы не смотрели на работу волком. В прошлом году купил старшему планшет за девятнадцать тысяч, младшему – спортивный велосипед за тринадцать тысяч. Это не значит, что я «купил» собственных детей, нет. Работать они у меня будут и без этого. Но, когда ребенок видит, что труд оборачивается таким вот результатом, то и работать будет с удовольствием...

Хозяйство Аслана нигде юридически не закреплено. На мой вопрос, почему бы ему не стать официальным фермером, Аслан возмущается:

– Ты желаешь мне худа?!

– Почему же? Разве не лучше зарегистрироваться как юридическое лицо? Стать главой крестьянско-фермерского хозяйства? Иметь возможность получать причитающиеся для себя льготы, компенсации, ссуды, оформлять кредиты?..

– Избавь меня Аллах от их ссуд и кредитов! Возьмешь кредит – всю жизнь не откупишься! Не хватало мне еще этой мороки! Это же целая волокита! Документы всякие готовь, налоги там, заявления, справки всякие... Такое впечатление, что в этих министерствах все сделано так, чтобы надорвать сельское хозяйство – и частный сектор, и государственный...

Аслан не доверяет государству. Не верит ему. Он не хочет перед кем-то отчитываться, кланяться кому-то, просить у кого-то, отчислять свои кровно заработанные куда-то. Он хочет быть абсолютно независимым и честно заниматься своим трудом.

Возможно ли жить в государстве и быть от него полностью свободным? Возможно ли плодотворное развитие государства и общества, кроме как в тесном взаимодействии друг с другом?

И институты власти, и общественные институты должны быть в постоянном диалоге и совместно находить пути выхода из кризиса и компромиссные решения спорных вопросов. Ни государство без общества, ни общество без государства невозможны. В противном случае это превращается в деспотию с одной стороны и вседозволенность с другой.

Отношения гражданина и государства являются кирпичиком, закладывающим конструктивную стену между государством и отдельным представителем общества? Но если одна сторона выказывает к другой недоверие, а другая делает вид, что не замечает этого – что тогда? Мечтать о других временах? Требовать перемен? Но зачастую «другие времена» и «перемены» имеют свойство рождать хаос, а не порядок.

Эти двое выиграли грант Министерства сельского хозяйства РФ в рамках РЦП «Поддержка начинающих фермеров в Чеченской Республике на период 2012-2014 годов». Они молоды. Одного зовут Ваха, другого Альви. Они не родственники и даже не друзья, просто знакомые. Каждому из них на счет в банке перечислили по миллиону с лишним рублей. Ваха – хозяйственник, управленец или, говоря современным языком, хороший менеджер. Альви – беспечный, неопытный, не познавший пока, по чем фунт лиха.

История Вахи – это история про хозяина, что по двору пройдет – рубль найдет.

История Альви – один к одному из чеченского анекдота: купил быструю, резвую машину, разбил ее вдребезги, а потом ко всем пристает и рассказывает, на сколько километров в час он разогнался в момент, когда потерял управление и врезался в столб.

Ваха любит работать, именно любит – даже во время разговора он к чему-то да прикладывает руку. В поведении Альви чувствуется растерянность и полная апатия к физическому труду.

– Юридически статус фермера я получил недавно, – рассказывает Ваха.
– Уплатил госпошлину, следом налоговая, затем Чеченстат... короче, все

нужные инстанции прошел. Сначала хотел воспользоваться субсидированным кредитом. Не решился. Что ни говори, с кредитом потяжелее, хотя там и были выгодные условия. Чуть позже сделал заявку на грант. Составил бизнес-проект. Прошел собеседование... Я же животноводством с детства занимаюсь. Знаю в этом деле все или почти все. Давно мечтал обзавестись племенными бычками и коровами мясомолочной породы. И вот сбылась моя мечта...

Помимо животноводства, Ваха занимается пчеловодством. Эта отрасль сельского хозяйства знакома ему тоже с детства, так как отец его с давних пор содержал большую пасеку.

– Сейчас чуть ли не все ударились в разведение пчел. Это и понятно, во-первых, людям надо себя чем-то занять, во-вторых, заниматься с пчелами – это одно удовольствие, в-третьих – это и богоугодное времяпровождение, и очень полезный для здоровья продукт в результате. В общем, очень много плюсов и достоинств в этом деле. Правда, в последнее время, как я сказал, пчеловодов развелось много, и товар реализуется с трудом. Поэтому я лет шесть-семь как вывожу свой мед в северные регионы России. После получения грантовых денег я увеличил свою пасеку.

Ваха – человек, который понимает, что за один сезон и даже несколько лет обустроиться, подняться на ноги в любом виде деятельности, в любой отрасли, в принципе, нереально. Он оптимист.

– У нас любят критиковать и власть, и государство. Если сразу не пошло дело, если сразу не посыпались денежки, начинают искать крайних и виноватых. Я не говорю, что у нас все прекрасно. У нас тоже много проблем. Правительство, бывает, допускает и ошибки, и просчеты. Но разве государство по щучьему велению может сделать так, чтобы с понедельника с утра все было без сучка и задоринки? Нет, конечно. У нас любят приводить пример Запада: ой, как хорошо фермерам в Америке, Канаде, Австралии! Но разве у них это все в один день произошло? Нет же! Они десятилетиями и столетиями к этому шли. И мы, Дала мукълахъ, к этому придем!

Ваха вконец отрывается от работы и полностью уходит в разговор.

– Некоторые в Интернете, в разных там соцсетях, критикуют Кадырова Рамзана. Им бы только кого-нибудь покритиковать. Думаешь, эти люди не видят всего того, что он сделал? Он не один город или село поднял и отстроил. Он отстроил всю республику! Целую республику отстроил, которая еще лет десять назад была полностью в руинах! Понимаешь, в руинах! Веришь – нет, но, Валлах Ги, в те годы, когда я наблюдал весь этот хаос, мне хотелось убежать из республики, исчезнуть. Он взялся за дело – и за такой короткий срок такое великолепие! Даже в труднодоступных горных районах идут грандиозные стройки. А тут однажды сидят и чешут языками: ой, у нас столько сельхозземель до сих пор под минами, никому до них нет дела!.. Как нет, когда Рамзан уже год на федеральном уровне, на уровне министерства обороны проталкивает, всюю пытается решить этот вопрос! Не может же Рамзан решить все и сразу!

Разговор Вахи подкупает своей искренностью. Он говорит четко и без всяких внешних проявлений эмоциональности...

В это самое время подъезжает Альви. Советуется с Вахой по каким-то хозяйственным вопросам. Ваха внимательно выслушивает товарища, а потом что-то долго и упорно объясняет.

Сельское хозяйство – основа основ любого государства, ядро его экономики. Можно сколько угодно сидеть за компьютером, щелкать по клавиатуре, но из монитора не вылезут зерновые и мясомолочные продукты, а потребность в хлебе с намазанным на него маслом не исчезает оттого, что уселся в мягкое кресло на тридцать пятом этаже суперсовременного офиса. Можно сколько угодно раскатывать в городском потоке на шикарном авто, но желание съехать с трассы, зайти в придорожное кафе и перекусить картошкой-фри или мясом по-французски не заставит себя долго ждать. Тот самый круг, что возвращает

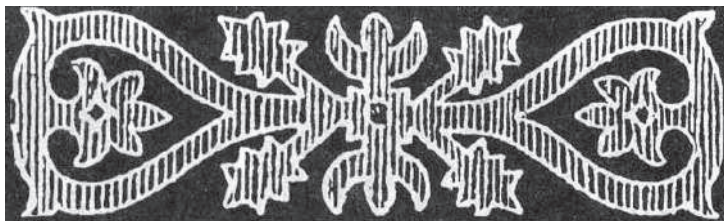
человека «на своя» и над которым человек в современном мире не задумывается даже тогда, когда находится внутри этого круга – это и есть тот самый сектор экономики, что принято называть сельским хозяйством.

Функционирование и развитие сельского хозяйства есть не только составляющие одного региона – к примеру, в России и в мире есть регионы, где в принципе невозможно вести сельское хозяйство – или одной страны. Проблема эта носит планетарный характер.

Человечество настолько «поумнело», что в искусственном микроклимате, без всякого «участия» природы, без солнца, дождя и снега производится пищевая промышленность, где и живность, и растениеводство кормится полностью на химических добавках. С прилавков магазинов реализуются продукты питания, в которых преобладает «химия» – красители, консерванты, антиокислители, стабилизаторы, усилители вкуса и аромата, глазирующие агенты, улучшители хлеба, муки и многие другие вещества. И вследствие всего – всплеск онкологических заболеваний, сердечно-сосудистой системы, болезни желудка, печени и т.д.

Одним из ключевых элементов в борьбе против такого ядовитого продовольственного натиска является развитие частных крестьянско-фермерских хозяйств. Потому что частные аграрии они честные. Честные потому, что сами, в первую очередь, являются потребителями собственного товара.

Ясно, что двадцать лет российского фермерства – срок небольшой. Все только в зачаточном состоянии, и пока не играет той роли в сельском хозяйстве, как то происходит во многих европейских и в других западных странах. У российских фермеров очень много нерешенных проблем, задача разрешения которых лежит собственно на государстве. Государство должно помогать и содействовать фермерам. Выбрать четкую экономическую стратегию и программу в деле развития частного сектора. Государственный и частный сектор сельского хозяйства должны совместно и, содействуя друг другу, и жизнь прожить, и поле перейти.

Герсолта не стало

Кто будет удален от Огня и введен в Рай,
тот обретет успех, а земная жизнь –
всего лишь наслаждение обольщением.

Коран, сура «Аль-Имран», аят 185.

«Никто не сможет избежать своего смертного часа, на все воля Аллаха», – эти справедливые слова всегда произносятся в скорбные дни чеченского тезета. Неумолима их неизбежность и жестокая правота. Поднимая людей, ослабших от горя и тяжести потери близкого человека, они как бы поддерживают и придают силы. Так было, есть и будет до скончания срока нашего земного пребывания...

Любая смерть – это всегда трагедия и большая утрата для семьи. К сожалению, слишком часто приходится в нашей крошечной республике, где почти все через множество разнообразных уз связаны друг с другом, слышать и самим произносить эти самые необходимые слова. Как молитву и надежду на спасение в Судный день. Особенно часто их слышишь, когда уходит из жизни человек публичный, проститься с которым широким людским потоком спешат отовсюду.

В эти дни не стало Герсолта Эльмурзаева – крупного общественного и политического деятеля, честного и мужественного человека, много сделавшего для нашей республики. Герсолт Хасанович был абсолютно честным и ярким представителем комсомольско-партийной (КПСС) и советской номенклатуры

Чечено-Ингушетии и ЧР 70-х – 90-х годов прошлого столетия. Страстно и искренне любил свой народ, жил его заботами. Если бы не ранняя болезнь, он был бы востребован и поныне, много полезного успел бы сделать. Увы!

Пред Всевышним все равны, и Герсолт был одним из тех, где каждому неумолимо отмерен свой срок, но все же... он был неординарной личностью. Харизматичный, чуждый начальственной показухи политик, бескорыстный и поразительно искренний товарищ. Его многогранная природная одаренность, глубокие знания в области мировой и национальной культуры, неиссякаемая энергетика и многогранный талант были поистине удивительными.

В так называемые периоды «перестройки», когда неутихающе кипели многодневные митинговые страсти вокруг биохимзавода или возникало иное общественное противостояние, способное привести к столкновению людей, именно Герсолт оказывался на «передовой». Честно и достойно звучал его взволнованный голос в период любых социальных катаклизмов с призывом к консолидации во имя сохранения будущего чеченского народа.

Желая уберечь людей от неминуемой беды, он не жалел себя. Не прятался за спины других, а прямо и открыто заявлял бурлящей митинговой аудитории свою позицию и позицию власти по любому вопросу. Это был талантливый оратор, обаятельный и чуткий человек, абсолютно лишенный карьеристских амбиций и расчета – поэтому ему и верили.

Обладея даже большими властными полномочиями, он оставался совершенно бескорыстным и доступным для любого, кто нуждался в его помощи. Широкой был души человек, небезразличный ко всему происходящему вокруг. Нередко приходилось работать в режиме колоссальных физических и нервных нагрузок, что не могло не отразиться на уже слабеющем здоровье. Ведь сердце... оно тоже имеет свой предельный ресурс и как следствие – последовал повторный инсульт, вырвавший его из наших рядов.

И ушел... в безвременье. А может, не оттого, что болел, а оттого, что... ЖИЛ?!

Дала гечдойла хьуна, Герсолт!

Магомед ДАДУЕВ, друг и коллега

Хроника культурной жизни

Чеченский режиссер – триумфатор международного кинофестиваля в Италии

Международный кинофестиваль «La Guarimba» проходил с 7 по 11 августа в итальянском городе Амантеа. Для проведения фестиваля был специально отреставрирован старинный кинозал под открытым небом.

Руслан Магомадов

Для участия в фестивале из более чем 500 фильмов со всего мира отобрали 10 лучших игровых картин.

Экспертное жюри признало короткометражный художественный фильм Руслана Магомадова «Дом ЦИА» лучшим на фестивале, удостоив его главной награды. «Это искренняя и откровенная история о человеке, который настолько любит свою Родину, что, несмотря на войну, остается, зная, что он может здесь погибнуть. Это история о Доме и о том, насколько может быть трудно выжить на войне. Этот фильм выделяется из других – в то время, когда большинство режиссеров пытаются сделать динамичное, «клиповое» кино, Руслан Магомадов в своем фильме медленным темпом и вниманием к деталям заставляет задуматься о красоте привычных вещей (перевод с итальянского)», – отметили члены жюри.

Также фильм Руслана Магомадова уже включен в конкурсную программу и будет показан в сентябре-октябре на международных кинофестивалях в Испании, Германии и Москве. Ранее фильм «Дом ЦИА» уже становился призером международных кинофестивалей в Германии, Великобритании, США и России.

А в середине сентября режиссер Руслан Магомадов приглашен на один из самых престижных кинофестивалей Австрии в город Вену – для того чтобы представить зрителям и жюри свой фильм «Дом ЦИА». «Это большая честь для меня, что наш фильм выбран для участия в конкурсной программе такого важного события в культурной жизни Европы. Я надеюсь, что мне удастся достойно представить

чеченский кинематограф на международной арене. Также я планирую встретиться с европейскими коллегами и рассказать им о своем новом проекте «Февраль», который будет показывать сложную судьбу чеченцев во время депортации 1944 года. К сожалению, уже больше года для съемок этого фильма мне не удастся найти финансовой поддержки в Чеченской Республике».

В начале сентября Руслан Магомадов вернется в Чеченскую Республику и продолжит подготовку к съемкам художественного фильма «Февраль». Планируется подобрать необходимые места съемок, утвердить актерский состав и решить административные вопросы.

Напомним, что весной в Грозном прошел кастинг на роли в фильме «Февраль». Как нам стало известно, недавно сценарий фильма одобрил председатель Парламента Чеченской Республики Д.Б. Абдурахманов. Также положительные отзывы о сценарии получены от президента Академии наук ЧР Ш.А. Гапурова. Однако создание нового фильма Руслана Магомадова остается под вопросом из-за нехватки финансирования.

world_film_festival@hotmail.com

Книжные новинки**Обет**

В Грозном вышел сборник с рассказами и стихами известного чеченского поэта и писателя Шамсуддина Макалова – «Обет». С рассказами из цикла «Записки врача» впервые (в различных номерах) читатель мог познакомиться на страницах журнала «Вайнах». Теперь же все они собраны под одной обложкой, что для поклонников творчества этого автора особенно ценно.

Ш. Макалов – писатель и поэт, одинаково хорошо пишущий как на чеченском, так и на русском языках. Начал писать стихи и рассказы на родном языке с 1965 года. Именно в эти годы в литературном журнале «Орга» стали публиковаться его первые рассказы на чеченском языке: «Керла шо банех» («Новый год в бане»), «Тешнабехк» («Подстава») и др. Его стихи выходили в разные годы в коллективных сборниках. Очерки и рассказы печатались в республиканских газетах. Однако первый самостоятельный сборник авторских стихов вышел только в 1974 году в Чечено-Ингушском книжном издательстве, и это был сборник на родном языке («Счастье шагать»), а в 1983 году вышла повесть под названием «Первые шаги».

Тема любви к отчему краю и своему народу «красной нитью» проходит через все творчество Шамсуддина Макалова. Не являются исключением и рассказы, вошедшие в настоящую книгу, написанную простым и понятным языком, героями которых, так или иначе, являемся все мы.

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**Простые истины**

Заслуженный художник Чеченской Республики и России Умарсултанов Ваха Османович родился в 1950 году в республике Казахстан Джамбульской области. С самого детства ощущал в себе тягу к живописи. В 1966 году поступил в Пензенское училище им. Савицкого, по окончании которого, в 1970 году, вернулся домой и стал преподавателем в школе-интернате, где когда-то учился сам. В то же время он продолжал оттачивать мастерство в художественной школе № 1 города Грозного, отмечая для себя преподававших там замечательных мастеров своего дела – Янакова, Ливна, Земскова. Среди российских мастеров кисти он выделяет для себя работы Коровина, Герасимова, Малявина.

С 70-х гг. Ваха принимал участие во многих республиканских, российских и международных выставках. В 1982 году стал членом Союза художников СССР, в 1988 году – председателем чеченской региональной организации Союза художников России, а в 2003 году был назначен секретарем Союза художников России по ЮФО. В 2013 году он стал лауреатом премии Правительства России. В настоящее время Ваха готовится к участию в региональной выставке «Юг-11».

Работы Вахи очень глубоки и искренни. Выезжая на этюды, ловя мотивы, возникающие идеи и вдохновение, он теряет чувство времени и полностью погружается в творчество. Кубизм, авангардизм и все современное искусство в целом очень далеки от художника, простые пейзажи его кисти отражают одновременно красоту родных краев и любовь автора к ним. До войны Ваха писал и портреты, но в данное время отдает предпочтение именно пейзажам, поскольку «живо писать», как он выразился, доставляет ему большое удовольствие.

Предлагаем вашему вниманию следующие работы художника: 1. «Освященные горы»; 2. «Шаройские горы»; 3. «Шаройская кошара»; 4. «Шаройская крепость».

Мадина Абдулваганова

Сведения об авторах и переводчиках

Эдильбек Хасмагоматов (1957) – кандидат исторических наук, историк, публицист и общественный деятель, директор Национальной библиотеки Чеченской Республики. В период с 2001 по 2006 гг. занимал должность главного редактора журнала «Вестник «ЛАМ», осуществлявшего поддержку процессов развития в Чеченской Республике открытого демократического общества. Долгое время занимается разработкой проблем общественно-политического развития Чеченской Республики, изучал малоизвестные страницы новой и новейшей истории народов Северного Кавказа, а также вопросы развития культуры и политических институтов в Чеченской Республике. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе «История Чечни в XIX – XX веках» (в соавторстве).

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесь», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Ася Умарова. Пишет прозу. Живет в селе Пролетарское Чеченской Республики. В 2008 году окончила журфак ЧГУ. В 2009 году прошла постдипломный курс по специальности «журналистика» в Кавказском институте СМИ в Ереване (Армения). Статьи публиковались в России, Грузии, во Франции, Великобритании, США. Дипломант Первого конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011). Участница Северо-Кавказского Форума молодых писателей в Махачкале и двенадцатого Форума молодых авторов России, стран СНГ и зарубежья. Стипендиат Министерства культуры РФ (2012). Публиковалась в популярных литературных журналах: «Дружба народов», «Юность», «Звезда», «Флорида» (США), «Нана», «Вайнах». Увлекается графикой.

Асхаб Алиев (1992). Родился в Грозном. Студент 3 курса факультета экономики и управления ГГНТУ. Стихи пишет со школьных лет, пробует свои силы в прозе. Публикует свои произведения в Интернете.

Мадина Абдулвагапова. Проживает в Надтеречном районе Чеченской республики. Пишет рассказы, занимается театральной деятельностью – ставит спектакли в любительском театре. Учится на четвертом курсе филологического факультета Чеченского государственного университета (отделение журналистики). Публиковалась в журнале «Вайнах».

Лариса Бадаева. Историк, писатель. Автор научных статей и ряда художественных рассказов, написанных в жанре детектива – «Вспышка» (2004), «Затмение» (2005), «Женское счастье» (2006), «Соната» (2005), «Рубиновая брошь» (2006), «Ключ к разгадке» (2003), «Убийство на свадьбе» (2003), «День рождения» (2007), «Псевдоним» (2007), повести «Отражение», опубликованной в журнале «Вайнах» в 2008 г. Кандидат исторических наук.

Элина Сайдулаева (1974). Родилась в с. Сержень-Юрте. Проживает в Грозном. В 2010 году окончила ЧГПИ, имеет специальность «учитель русского языка и литературы». В 2012 году получила второе высшее образование в ЧГУ, специальность – «педагог-психолог». Работает в Центре образования учителем русского языка и литературы. В журнале «Вайнах» публикуется с 2006 года.

Фанза Халимова. Окончила ЧГПИ, ЮНКОР – педагог, журналист. Работает корреспондентом в информационном агентстве «Грозный-информ». Пишет в разных жанрах. Публикуется в республиканских печатных и электронных изданиях. Участница совещаний молодых писателей Северного Кавказа в Домбае (2010) и Махачкале (2012). Участница двенадцатого Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в подмосковных Липках. Стипендиат Министерства культуры РФ (2012).

Элора Эльжаева (1989). Родилась в г. Талды-Кургане Казахской ССР. В 2011 году окончила ЧГУ (факультет журналистики). Учится (заочно) на историческом факультете ЧГУ. Редактор информационных программ радио ГТРК «Вайнах».

Вахит Акаев (1952). Ученый, доктор философских наук. Родился в г. Ленгере Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. В периодической прессе публикуется с 1974 года (в газете «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», «Молодежная смена», а также в журналах «Нана», «Вайнах», «Конфликтология» (Санкт-Петербург), «Азия и Африка сегодня», «Кавказское обозрение» и др.).

Саламбек Алиев (1977). Редактор отдела прозы журнала «Вайнах». Пишет в жанрах прозы и публицистики. Печатался в журнале «Вайнах», газете «Грозненский рабочий» (ЧР), в интернет-журнале «Пролог» (Москва), в сборниках «Новые имена» (М., 2012), «Бег от времени» (Нальчик, 2012), «Вкус айвы» (М., 2013). Участник IV совещания молодых писателей Северного Кавказа (Цей, 2011) и XII форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и
в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.